Алексей Афанасьевич Япин родом из Заполярья. В числе его высших образований — Лигинститут им. А. М. Горького. Член Союза писателей России (СССР) с 1988 года. Автор 21 книги прозы и свыше 500 публикаций в периодике Москвы, Тулы, Воронежа, Екатеринбурга и др. Главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературного журнала «Приокские зори», член редколлегий ряда

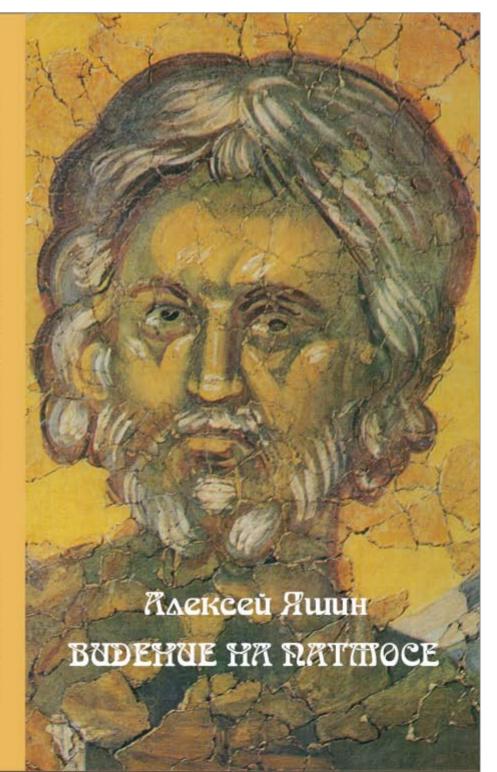
московских и тульских периодических изданий. Лауреат литературных премий им. Л. Н. Толстого, Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова и «Московского Парнаса». Награжден рядом литературных медалей, Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер ордена «Владимир Маяковский». Академик Академии российской литературы, член ее Правления.

Литературное творчество совмещает с научной работой: профессор Медицинского института Тульского госуниверситета. Ученый-биофизик с мировой известностью. Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звании профессора, Почетный радист России, лауреат премый Тульского комомола (1977 г.) и им. Н. И. Пирогова (2008 г.), академик ряда российских, иностранных и международных академий. Почетный член Международного биографического центра (Англия, Кембридж). Удостоен почетных наград, в том числе медалей им. А. Нобеля, В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова, И. П. Павлова, С. П. Боткина и И. М. Сеченова. Имеет академические звания «Основатель научной школы» и «Заслуженный леягель науки и образования».

Биография А. А. Яшина опубликована в двух десятках энциклопедий и биографических словарей (Москва, Тула, США, Англия, Швейцария и др.); см. также книгу Л. В. Ханбекова «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина» (М.: «Московский Парнас», 2008).

BUDEHUE HA RATMOCE

1. RWWR

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НЕЗАВИСИМОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ АГЕНТСТВО «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС» БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Алексей Яшин

ВИДЕНИЕ НА ПАТМОСЕ

Роман-предвидение в 6-и частях

Москва «Московский Парнас» 2012 ББК 84 Р7 (Рос. – Рус.) УДК 882 Я 96

Яшин А.А. Видение на Патмосе: Роман-предвидение в 6-и частях / Предисл. Л.В.Ханбекова: Академия российской литературы. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — Москва: «Московский Парнас», 2011. — 407 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-73301-0667-1

Вѝдение на Патмосе – название второй части первой главы евангельского «Откровения Святого Иоанна Богослова», то есть Апокалипсиса. На острове Патмос Иоанн услышал предрекающий голос Божий: «Я есмь Алфа и Омега, первый и последний; то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам…».

Такова этимология названия нового романа известного современного русского писателя Алексея Яшина. А почему романапредвидения? Да потому, что его содержание, фабула, сюжет и так далее вплоть до характерных персонажей... приснились автору в связанной полноте еще в «эпоху позднего Брежнева». Автору осталось только записать этот сон, придав виденному жанровую форму романа, и задуматься: а что он означает? Что символизирует процесс постепенной гибели учреждения коммунхоза провинциального города?

Ответ пришел через десять лет, когда силы мирового зла руками агентов влияния победили в «холодной», информационной Третьей мировой войне сверхдержаву СССР. Не менее зловещее эхо того ответа мы наблюдаем и сейчас, когда на карту поставлена судьба уже и самой России.

Так сказать, двойное предвидение... Дай Бог, чтобы хотя бы второе из них не сбылось.

Издавая роман, автор счел возможным оставить «антураж» минувшей эпохи; действительно: а что изменилось в жизни обычного человека за последнюю четверть века, исключая обнищание с одной стороны, сверхобогащение – с другой?

Иллюстрация на обложке: Мученик-старец. Фрагменты с восточной стены диаконника. Копия (с частичной реконструкцией лика) 1976 г. — Из фресок церкви Спаса Преображения на Ковасове под Новгородом Великим. Роспись 1380-го года (Из книги А.П. Грекова с одноименным названием — М.: «Искусство»», 1987.). Иллюстрации в тексте — советский плакат 1930-1950-х гг..

ISBN 978-5-73301-0667-1

© Яшин А. А. Текст, оформление книги, 2012

© Ханбеков Л.В. Предисловие, 2012

К ЧИТАТЕЛЮ

Во время работы над книгой-очерком о творчестве Алексея Яшина я попросил писателя из Тулы прислать нечто вроде расширенной, фактологической автобиографии: как жизненной, так и собственно литературной. С присущей

«выпускнику Северного флота», как он себя именует, обстоятельностью Алексей Афанасьевич умудрился и свою биографию представить в форме художественного повествования. В частности, он образно описал историю появления своего первого романа (передаю по памяти, поэтому не закавычиваю). Суть же в следующем.

Как-то в самом конце «эпохи позднего Брежнева», уже украшенного пятью геройскими звездами в два ряда, приснился тогдашнему инженеруконструктору тульского оборонного предприятия и студенту-заочнику Литературного института им. А.М.Горького головоломный, но и обстоятельный сон. И ещё один существенный момент. Обычно почти все детали сна забываются напрочь, остается только его «укрупненная» тема.

Но в данном случае, во-первых, сам сон оказался построенным как продуманное художественное произведение с ясной фабулой, четким сюжетом и композицией... вплоть до характеристик наиболее колоритных персонажей. Во-вторых, все эти детали сна,

3

_

^{*} Ханбеков Л. Тульский энциклопедист. Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина. – М.: «Московский Парнас», 2008 (Серия «Созвездие России»); то же самое см. в книге: Ханбеков Л. Собр. соч. в 5-и тт. Т. 4. – М.: «Московский Парнас», 2009.

даже второстепенные, никуда из головы не уходили до тех пор, пока наш сновидец, потратив пару месяцев вечернего бдения за письменным столом, не перенес все это на бумагу.

Получился роман. Явно с немалой долей фантазии, но именно той, что принято называть жизненной. Всё же автор не решился по провинциальной робости не то, что «сунуться» в какое-либо издательство, даже в местное Приокское, но ни словом не обмолвился на занятиях семинара (руководитель Борис Михайлович Зубавин) в Литинституте.

Главное — автор не мог сам себе объяснить: в чем суть аллегории, составившей сюжет приснившегося романа? Что символизирует медленное тление-гибель рядового, провинциального же коммунхозовского учреждения? Но как человек любознательный, прочитавший всё, что можно было в те годы «достать» из книгохранилища областной библиотеки и домашних собраний друзей-книголюбов из изданий 20-х годов Фрейда, Лебона и их соратников, Алексей Яшин прекрасно понимал: все это не игра сонного разума.

Действительно, сон — чистая работа подсознания, то есть той гигантской (не по размерам!) вычислительной машины, что и осуществляет все процессы мышления человека. Работает эта машина сама по себе, зачастую не ставя в известность наше оперативное сознание — сиюминутное, вспомогательное.

...И вот у нашего автора его подсознание выдало аллегорическое и грозное предупреждение. Или предсказание — все на основе отображения реальной жизни. Примерно в таком смысле Алексей Яшин и писал в своей беллетризованной автобиографии.

Теперь же, уважаемый читатель среднестарших и старших поколений, вспомним реалии жизни на рубеже 70-х и 80-х годов прошлого века.

Престарелое наше Политбюро во главе с дряхлеющим «вторым Ильичем» напугано решающим натиском Запада: от размещения в Европе натовских ракет средней дальности со временем подлета к Москве 15-20 минут. А бывший голливудский актер Рейган в духе продукции «Юнион Пикчерс» запускает мифическую «утку» о создании СОИ – стратегической оборонной инициативы.

Четко улавливающие настроения «бессмертных» советские СМИ нагнетают массовый психоз среди населения СССР. Были ли уже тогда эти самые СМИ подчинены, хотя бы и втёмную, агентам влияния Запада? Сложно ответить, такие концы всегда в воду прячутся. Но ведь никто не объяснял доверчивому народу, что в противовес натовским ракетам средней дальности уже массовой серией выпускается наша «Ока», детище коломенского академика Сергея Павловича Непобедимого, способная за те же 15-20 минут разнести в клочья все базы НАТО в Европе... Не зря же первой «сдачей» Горби-демократизатора Западу стало уничтожение «Оки» и снятие с должности генерального конструктора Непобедимого – в фарсе «выборов народных руководителей» предприятий

U на голливудский миф о COU, которую в CШA никто и не собирался создавать, в CCCP уже создавалась высокоэффективная анти COU^* .

...Но никто об этом народу не говорил: СМИ уже загодя «перезагружались», говоря модным сейчас термином, на светлое капиталистическое будущее, а старцы из Политбюро становились все трусливее год от года.

Но всё же наибольшую тревогу и неуверенность в своем будущем народ испытывал, интуитивно ощущая в наметившихся внутри страны тенденциях. Это сдвиг мотива на цель, говоря языком психологии, в части роста чувства частнособственничества, накопительства и потребительства. Советский народ

^{*} Это опять же по авторитетному мнению Алексея Яшина: свои две первые диссертации – кандидата и доктора технических наук – он защитил в ведущем московском авиационно-космическом институте, где был привлечен к названной тематике, даже стал тогда автором нескольких «закрытых» изобретений...

выдержал все неимоверные испытания, но не смог устоять перед соблазном сытости 70-х годов и на глазах менял свой ориентир от коллективизма к сугубому индивидуализму.

Поэтому совершенно неудивительно, что автор предваряемого нами романа, подсознательно анализируя эти невеселые тенденции, и отобразил все это в своей художественной аллегории. Более того, спрогнозировал рост тенденции разрушения до наших дней и, чего бы не хотелось, на последующие годы.

Что ещё стоит сказать читателю, открывшему эту книгу? Аллегория автора столь ясна, прозрачна и незатуманенна, что автор не счёл нужным менять реалистический антураж сюжета, то есть переименовывать контору в офис, столоначальников в менеджеры и так далее. А зачем? Неужели что-то существенное, исключая порчу русского языка американизмами, изменилось за последнюю четверть века в сознании и бытии обычного человека? Простого — по советской терминологии, обывателя — по нынешней... Разве что еще доселе невиданное в мире диспропорциональное разделение на сверхбогатых и сверхнищих ещё более усилилось? Но это лишь один из признаков всеобщего разрушения в социальном плане.

...Как всегда в книгах Алексея Яшина, очень к месту иллюстрации. Здесь на контрасте: что строили и что получили в результате проигрыша СССР в Третьей (информационной) мировой войне, завершившей очередной этап мировой истории. А что дальше? Надо постоянно держать в уме римскую формулу: «Ганнибал у ворот».

Леонид Ханбеков, критик, вице-президент Академии российской литературы В первую очередь о возбудителе... Он относится к большой группе онкорнавирусов (ретровирусов), обладающих повышенной онкогенной потенцией, минимальной инфекционностью и способностью поражать определенный вид клеток иммунной системы, ответственный за регуляцию иммунного ответа, что приводит в конечном итоге к поражению иммунной системы и лишает организм способности противостоять каким-либо инфекциям.

(«Литературная газета», май 1986 г.)

КРЕДИТ

Вся королевская конница, Вся королевская рать Не может Шалтая, Не может Болтая, Шалтая Болтая, Болтая-Шалтая, Шалтая-Болтая собрать! Английские детская считалка

О Канцелярии всегда писали с ужимками и приплетением небылиц, ибо жизнь и дела Канцелярии внешне скучны, однообразны и скудны. Но мир этот по-своему велик, как всякое обитаемое людьми место. Отрицать такой факт — ниспровергать извечный принцип: всякий мирок есть Мир для его обитателей, а интересен любой человек. Неисчерпаем в познании как великий герой, так и великий негодяй, а равным образом — великая посредственность.

Яркие краски заметны, но их всего несколько, зато какую массу оттенков имеет серый цвет! Великая и просто посредственность необозримы в своей серой разновидности, и коль скоро с великими приходится в жизни общаться односторонне — на великого смотрят издали и недоверчиво: а настоящий ли?..— то все остальное время мы общаемся с невеликими, как это ни обидно узнать.

В защиту невеликим нашим, соседям, коллегам и друзьям: нигде не встретишь таких добрых, отзывчивых (и уживчивых) и прекрасных людей, как среди невеликих! Так кого и изучать, если не их?

Но в традициях описаний Канцелярии есть и ностальгическая тенденция: ах, Канцелярия! Ах, поэзия! Ее образ с молоком матери, а точнее — с первыми чернилами из старинной непроливайки впитался в нас и всю жизнь сохраняется нами, даже при скачке в

пресловутом гоголевском экипаже. Птица-тройка! Славная же у Канцелярии родословная! Наши неорганизованные — по писаниям историков — предки, только-только принявшие от Византии Святой крест, быть может, и не знали назначения, сути и поэзии Канцелярии. Но угодно было случиться напастям: сначала, рассуждая в русле табеля о рангах Канцелярии, пришли завоеватели-татары с начальниками-монголами. Последние были на должностях от старших счетоводов, руководителей групп и выше, вплоть до патрона — заведующего Канцелярией. Онито и привнесли в размеренную и практичную жизнь трудолюбивых землепашцев и ремесленников (кстати, изначально не запойных) азиатскую хитрость в части выеденного яйца, бестолковую суетливость по настроению, вперемежку с не ограниченной никаким здравым смыслом ленью и привычкой кочевников жить сегодняшним днем, и трепетать лишь при упоминании имени Начальника: от десятника до темника, не говоря уж о Чингисхане. Принесли они и удовольствие массовых сборищ: каждый веселился в своем кругу — кто на сабантуе, а кто и на курултае.

С такими занимательными качествами народ наш прожил триста лет. Качества эти раздирали его, тащили в разные стороны, в зависимости от того, какое из них начинало преобладать в массе, в правлении или в голове сильной личности.

Петр, сам переболевший всеми наследственными качествами послетатарской Руси, острым своим обонянием, которого не смогли притупить табак и имбирное пиво, почувствовал из Европы восхитивший его дух порядка и регламента. Он воочию увидел, что этот дух сделал с Европой: трудолюбивый ремесленник день-деньской ковал, кроил, тачал, лудил, а также строгал и выделывал прекраснейшие вещицы. А вечерами, утолив дневную усталость кружкой все того же двойного имбирного пива, сидел с дородной своей и краснощекой от жизненного благополучия Муттерхен в трактире в кругу таких же умиротворенных Фаттерхен-Муттерхен, курил прекрасный голландский

табак и вполне здраво рассуждал о не менее прекрасной, мудрой и солидной политике своего курфюрста, а также о бездумном коварстве азиатов. А в спаленках их чистеньких, аккуратных и незапертых (воров-то нет!) домиков безмятежно спали Киндерхен, с самого розового детства — копии своих благомыслящих родителей.

Петр азиатским кнутом завел на Русь немецких гостей: порядок, регламент и ответственность. Вот тогда-то возник тот восхитительный, от торопливости введения в обиход, винегрет: немецко-татарский бюрократизм и родное его, любимейшее дитя — Канцелярия, что во многом в последующем определяло уклад русской жизни.

Канцелярия, как овеществление бюрократизма, одновременно отвратительна и восхитительна. В ней сон и поэзия, деспотическая субординация и самый привольный отдых от активной жизни. Трудно полюбить ее с налета. Следует не одну пару суконных штанов просидеть. Не один с т у л под тобой рассохнется, прежде чем как-то пополудни, после обеда, нахлынет на душу тепло и поймешь: вот Мекка моей жизни, вот мой истинный дом!

Отдых от жизни в бестолковщине, порядок — в чинопочитании, хотя, может быть, и в искреннем, тепло на душе и ниже — в животе — от уюта замкнутого мирка, отделенного, как Гималаями, от мира реального и живого деревянным барьером. А Мекка потому, что не дано тебе было взойти на горние вершины окладов, наук и власти. Это ты понял, умница, и укрылся от беспокойной жизни в Канцелярии, а в ней за тебя подумают обо всем, только будь винтиком и исправно крепи отведенный тебе участок бюрократического мирка в паре с сопряженной с тобою гайкой.

Милости просим к нам, в нашу Канцелярию!

ЧАСТЬ 1 *от ужаса к покою*

Человек несет по свету стол на спине, как нужно со столами, будто мебель в небе расставляет. А когда он выпить отошел, стол висеть в пространстве оставался.

(Андрей Вознесенский)

Николай Данилович М. в половине девятого, ровно к звонку, вошел в коридор учреждения, бросил пропуск в табельный ящик, поднялся на второй этаж, отсчитал шагами третью налево дверь и вошел в канцелярию. Поздоровавшись, сел на стул у заглавного стола, что в среднем ряду — лицом к сидевшим колонной десяти своим счетоводам. Николай Данилович служил руководителем финансово-счетной группы. Взглянув на столы в среднем ряду, уяснил: сегодня нет троих, а посмотрев направо-налево, с удовольствием отметил, что столы двух других руководителей групп пока еще пусты. Также плотно была закрыта дверь за спиной игрушечный кабинетик Начальника отдела. Однако скоро вошли в канцелярию Петров с Кефалиным и, поздоровавшись с Николаем Даниловичем за руку, причем тот дважды привстал, уселись за свои столы справа и слева от него. Еще минуты две-три входили запыхавшиеся от бега, притворно деловитые женщины-счетоводы и бухгалтеры: обычные и старшие, И когда за последней затворилась коридорная дверь, в канцелярии начался рабочий день.

Николай Данилович в первые полчаса просмотрел оставленные со вчерашнего дня бумаги, подозвал Нину Тимофеевну с Верой, распределил бумаги между ними для работы. В наступившем затем затишье вдруг вспомнил он, что сегодня исполняется двадцать пять лет его работы в этой вот самой канцелярии. Точнее,

вспомнил не сам факт юбилея, а то, как на прошлой неделе, перелистывая записную книжку,— искал нужный телефон знакомого из горфинотдела,— случайно открыл на листе, куда заносил на всякий случай все более или менее значительные даты жизни. Но поскольку исполнилось лишь двадцать пять лет его пребывания в этой канцелярии, а не вообще в этом учреждении, где работал он свыше тридцати лет, то официально дата была не круглой, потому сегодня и не подносили цветов, торжественного адреса, исполненного учрежденческим художником, не произносили похвальных его трудолюбию речей.

Николай Данилович задумался. И было тому многое причиной: он проработал четверть века за одним и тем же канцелярским столом и стал почти что автоматом. Редко-редко в минуты прояснения он сам это сознавал, но, впрочем, отгонял случайные мысли, что поторопился сделать и сейчас. Одна любопытная змейкамыслишка напоследок вильнула хвостиком в голове:

«Интересно, ничего со мной не случится? Необычного?..»

И часов до одиннадцати, как обычно, он все сидел и сидел, писал, отдавал, принимал белые, желтые, лиловые графленые бумаги, подзывая Веру, Надю, Нину Тимофеевну и Бутурлину.

За минуту до одиннадцати Татьяна Викторовна из правого, Петрова ряда поднялась со стула, оправила кремовый модный свитер с просторным воротомволаном и ласково провела ладонями, оглаживая торс пышноватой, но красивой, сохранившей даже при канцелярском сидении стройность тридцатипятилетней женщины. Все трое мужчин в комнате были наготове за десять секунд до этого момента, коротко посматривая на притворно и лукаво-деловито вчитывающуюся в бумаги Татьяну Викторовну, обо всем догадывающуюся и предвкушающую свою минуту.

Николай Данилович смотрел на нее, растомившуюся от многочасового сидения, как смотрел привычно между первым и десятым ударами стенных часов с

гирями уже шесть лет, как смотрели не менее привычно столько же лет Петров и Кефалин, и в эти десять секунд пышное стройное видение наплывало терпким туманом на их отяжелевшие от скучных цифр головы, что-то сладкое томило и разливалось по всему телу, внезапно начинало стучать сердце.

В глазах Петрова и Кефалина, полузащуренных, влажно запотевших, он видел то же самое. Николай Данилович начинал испытывать неудобство общего интереса тех десяти секунд: их взгляды, пролетев тремя лучами полкомнаты, перекрещивались в одной точке, яростно блуждающей по манящим выпуклостям. Тогда он, стыдясь своих вожделений, отводил предательские глаза и, нарочито равнодушный всем своим видом, слушал, как Татьяна Викторовна крепким, но весьма женственным голосом произносила:

— Товарищи! Одиннадцать часо-о-ов? Мужчины — курить, девушкам — на зарядку!

В голове Николая Даниловича, когда задвигал ноги под стул, готовясь встать, мелькнуло: он заранее знает, о чем подумает, встав со стула,— подумает со всегдашней завистью о том, как везет в жизни их Начальнику, сидящему сейчас в кабинетике и знающему, в свою очередь, что в половине двенадцатого к нему войдет Татьяна Викторовна с папкой бумаг на подпись; она совмещала свою работу с секретарством. Войдет порозовевшая от гимнастики, чистого воздуха из раскрытых настежь окон, проворкуют они с полчаса при демонстративно полуприкрытой двери, а то и уедут перед обедом в банк с отчетом, но вернутся порознь. Это была обычная мысль Николая Даниловича.

И еще он знал («Уж не слишком ли много знал?»—думал он порой), что Петров и Кефалин мыслят о том же, выходя между рядами столов к коридорной двери, вынимая на ходу из карманов сигареты и спички, а Петров на правах начальника, проходя мимо Татьяны Викторовны, даже легонько и игриво охватывая ее рукой по талии:

— Все хорошеете, Танечка!

Так было и сегодня. Та обвела его улыбкой и притворно всхохотнула, а затем с четвертью прежней улыбки — обычным выражением лица при разговоре с рядовым мужчиной — остановила взгляд на Николае Даниловиче, но тот замешкался: уже и дважды подводил ноги под «вскок» со стула, и пригибался грудью к кромке стола, перенося тяжесть тела на локти и кисти рук, но что-то мешало подняться. Татьяна Викторовна согнала улыбку с лица, только контур ее на губах и щеках некрасиво искажал гармонию пухленького личика. И остальные женщины постепенно прекращали свою мышиную возню, по одной все замолчали и, стоя около своих столов в проходах, недоуменно и выжидающе смотрели на Николая Даниловича.

Вышел из кабинета сам Начальник, считавший неприличным оставаться в тылу во время женской физкультуры, а точнее, он полагал более естественным проводить эти четверть часа в коридоре, куря со своими столоначальниками. То был своего рода акт мужской солидарности, временного отрешения от чинов перед лицом женской соорганизованности.

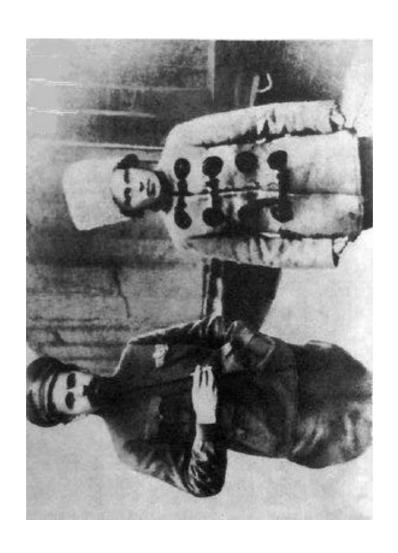
По многолетней инерции Начальник прошел было мимо стола Николая Даниловича, зная, что стол уже должен быть пуст, и даже легонько прихлопнул ладонью по закосившей в углу стола стопке бумаг, как делал каждый день в одиннадцать часов не столько потому, что его беспокоил этот несимметричный беспорядок на столе, сколько для того, чтобы на несколько секунд задержаться в вершине канцелярии и окинуть взглядом: не комнату, а ее, Татьяну Викторовну, специально принимающую нарочито картинную позу, заставлявшую Начальника вновь и вновь ощущать удовольствие жизни и заряжаться оптимизмом на вторую половину дня. И что удивило сегодня: Татьяна Викторовна как будто и не ждала его взгляда, она даже чуть горбилась, а в глазах застыло недоумение, неловко согнанное от быстроты совсем неяркой улыбкой, какую он не привык видеть.

В тот же миг отнял руку от стола, ибо хлопнула она не по стопке шершавой исписанной бумаги, а... по руке! Он скосил глаза и увидел Николая Даниловича, почему-то сидевшего за столом.

- Пошли, пошли, Данилыч! Заработался, смотрю, а женщины все никак не могут начать,— сказал он, легонько похлопывая сидящего по плечу. А женщины угодливо и мелко засмеялись на шутливый тон Начальника.
- Да я что-то...— начал было Николай Данилович и уже с натугой попытался вырвать себя из стула, но случилось необъяснимое и от полной непонятности страшное: чуть было распрямил ноги, а спинка стула больно надавила на лопатки. Он инстинктивно дернул было руку за спину дотронуться до больного, сдавленного чем-то твердым места на лопатке, но локоть не оторвался от столешницы. То же было со второй рукой. Не в силах более стоять на подогнутых ногах, нелепо упершись локтями в стол, словно магнитом притянутый, сел и услышал, как стул с двойным стуком ударился ножками о пол.

Еще ничего не понимая, он испуганно посмотрел на Начальника и увидел в его выпуклых белесых глазах борьбу между строгостью к шутнику и недоумением перед непривычным мальчишеством седеющего столоначальника. И где-то внутри этих бесцветных, утыканных щетинистыми рыжими редкими ресницами глаз Николай Данилович рассмотрел безуспешно захороненное восхищение обычного человека, каким когда-то был и Начальник, ловко проделанным фокусом.

- Что это вы придумали, Николай Данилович?— спросил он, помедлив, наконец-то начальнической интонации голосом. Уже женщины подтягивались с проходов к столу, а Николай Данилович, не видя и не слыша их и самого Начальника, раз за разом часточасто пытался встать, но вновь и вновь стягивало его стулом, и он садился. Его прошиб пот...
- Ax-ax! Смотрите, женщины, стул прилип,— всплеснулся в стукотной тишине голос Веры,— и

локти, локти-то к столу как пришпиленные!..

- Что с вами, Николай Данилович?— услышал несчастный руководитель группы сквозь нарастающий звон в ушах голос Начальника. Он еще раз попытался встать, но, особенно резко выпрямившись, получил удар спинкой стула по самой косточке и вновь рухнул, уже больше не пытался оторваться от стула и стола, бессмысленно уставился на комнату, на пустые столы, на сбившихся в кучу испуганных женщин. Соленый пот лил со лба, попадал прямо в глаза, щипал их. Хорошо, платок был в наружном кармане пиджака, он смог дотянуться рукой и вытащить его, вытереть глаза, отереть лоб, шею.
- Что же это?..— только и смог произнести осипшим голосом. Уже серьезный Начальник приструнил взглядом женщин, в естественном своем любопытстве сгрудившихся у стола и молча, с широко раскрытыми глазами — все запомнить, чтобы можно было рассказывать в коридоре, на других этажах, по пути домой, дома, в магазине, в прачечной, в парикмахерской,пожиравших самого малозаметного, как мужчину, из столоначальников. Они, как стадо вспугнутых овец, шарахнулись: кто стал поодаль, а кто-то сразу выбежал из канцелярии — рассказывать. Отхлынувшая волна оставила, как крупную рыбу на песке, одну лишь Татьяну Викторовну, которая инстинктивно прижалась к плечу Начальника: жест, в минуту испуга всегда выдающий привязанность женщины. А из коридора в дверь входили через разреженную толпу женщин озабоченные Петров и Кефалин. У последнего дымилась в руке невыброшенная сигарета.

Начальник обошел тем временем стол с Николаем Даниловичем, все еще подозревая до несуразности дикую над собой шутку, попробовал отнять локоть подчиненного, но и сам Николай Данилович плачущим выражением лица изобразил натугу, показывая, что локоть-то накрепко врос.

И действительно, все увидели: за напряженной рукой слегка выгорбился верх фанерной крышки, а сам

стол, чуть скрипнув, приподнялся на какой-то миллиметр от пола и с легким хлопком опустился вновь. При этом лицо несчастного исказилось гримасой еле сдерживаемой боли.

Совсем уже серьезный Начальник остановил Петрова и Кефалина, вошедших в азарт отрывания рук и спины Николая Даниловича от канцелярской утвари, спросил с некоторой надеждой:

— Может, кто подшутил с вами? Клеем, например, или еще как? Вы попробуйте снять пиджак. Петров, и вы, Ефим Маркович, помогите!

Николай Данилович, не отрывая понапрасну локтей от стола, изловчился расстегнуть пуговицы и, сузив плечи, помог Петрову и Кефалину стащить пиджак вниз по спине. Однако они раскрыли спину только до спинки стула, а дальше пиджак точно залип между рубашкой и деревом.

- Не идет, Семен Игнатьевич!— сообщил Петров.— Придется разрезать.
- Ну, резать-то не стоит,— засомневался Начальник.
- Режьте, режьте, чуть не закричал Николай Данилович.
- Подождите, товарищи!— остановила их практичная Татьяна Викторовна, увидев, что Петров вынул из кармана и раскрывает перочинный ножик,— бритвочкой распорите аккуратно по спинному шву, слава богу, пиджак-то курточного фасона, потом можно снова застрочить...

Кефалин взял с соседнего стола оказавшуюся кстати бритву и уже совсем было собрался полоснуть поперек оттянутого от шеи коллеги воротника, как Татьяна Викторовна схватила его за руку, отобрала бритву и, оставив воротник в покое, ловко подрезала нитки шва до спинки стула, после чего Петров и Кефалин раздернули половинки распузырившегося надвое импортного курточного пиджака их коллеги. Затем дернули посильнее, половинки разошлись, вызвав болезненный вскрик Николая Даниловича, обогнув то место, где пиджак ранее прилипал к стулу.

- И подкладка приклеена!— удивился Петров.
- Режьте и подкладку, приказал Начальник.

Надрезали и разорвали надвое подкладку, что опять сопровождалось криком несчастного.

- Потерпи, потерпи, Данилыч,— уговаривал Петров... По-прежнему Николай Данилович не отлипал от стула. С последней надеждой разрезали и надорвали рубашку и майку: ничего не изменилось, спина таинственным образом вросла в спинку стула.
- Ну как там?— тревожился, но и с немалой надеждой спрашивал Николай Данилович, безуспешно пытаясь заглянуть через плечо за спину. Петров, Кефалин и Начальник серьезно взглянули друг на друга. Татьяна Викторовна, понятно, совестясь обнаженной спины, отошла и стала чуть поодаль.
- Послушайте, а-а... так сказать, на сиденье стула вы тоже того, прилипли?— спросил Начальник. Николай Данилович поерзал и с дрожью в голосе выдавил свое «да».

Наступила пауза. Надо было что-то предпринимать, и Начальник, сжав и тотчас разомкнув губы, принял волевое решение:

— Нда-а! Значит, так. Вы, Петров, немедленно за врачом в медпункт, я — доложу Ивану Григорьевичу, а вы, Татьяна Викторовна, побудьте здесь с Кефалиным. А женщин попрошу на время выйти.— Он подошел к двери, но, не доходя до порога, остановился и, чуть помедлив, велел Кефалину идти за ним.

«Боится, что не поверят»,— подумал, ужасаясь, Николай Данилович. И от такой мысли стало совсем страшно. Комната канцелярии опустела. Татьяна Викторовна, почувствовав себя неловко в тишине, бросилась закрывать распахнутые женщинами для зарядки окна. Иная забота завладела ею, даже на миг забывшей, что рядом сидит человек в самом ужаснейшем положении: таинственно-непонятном и пугающем. Предмет же забот ее должен был вот-вот появиться. Татьяна Викторовна, дергая за веревочки фрамуг, часто и быстро скашивала взор на коридорную дверь. Не

успела она закрыть последнее окно, как дверь отворилась и на пороге, поддерживаемая под локоток галантным Петровым, появилась заведующая медпунктом в белом халате и белой же шапочке, из-под которой рассыпа́лись по плечам в меру крашенные каштановые вьющиеся волосы. Эта хорошо кормленная, плотная — под стать Татьяне Викторовне — врачиха и была причиной озабоченности канцелярской примы: по твердым слухам, врачиха делила с ней часы благосклонности Начальника, неравнодушного к слегка полноватым женщинам вообще, полигамно. У врачихи были некоторые, правда, несущественные, недостатки по сравнению с Татьяной Викторовной, но она имела одно неоспоримое преимущество: была моложе на шесть лет.

И тонкий знаток учрежденческих нравов Петров вмиг почувствовал, как на него дохнуло замораживающим холодом сразу от двух образовавшихся в канцелярии полюсов.

— Здравствуйте, где больной? За столом?— некстати и неуместно проворковала врачиха, недоумевая, посмотрела на растерзанную одежду и голую спину Николая Даниловича.— Что это?!

Петров начал было рассказывать по порядку, стараясь попеременно улыбаться и обращаться к врачихе и стоявшей поодаль в каменно-равнодушной позе Татьяне Викторовне, как вновь хлопнула дверь и рысцой вбежавший Кефалин придушенно шепнул:

— Иван Григорьевич!— и попридержал ладонью открытую дверь, сам стоя в канцелярии и неестественно отгибая рукой дверь в коридор. И вошел сам Иван Григорьевич, глава учреждения. Войдя, он даже на миг остановился на порожке, переводя дух от ходьбы и жмуря глаза после полутемного коридора, попав в светлую пятиоконную комнату. Начальник отдела маячил сзади, держа ладошку сантиметрах в пяти под локотком полусогнутой руки Ивана Григорьевича. Затем директор в полном молчании подошел к развернувшейся к нему каре группке, мельком смазав взглядом зардевшуюся от такого внимания и затрепетав-

шую перепелкой Татьяну Викторовну (помимо воли все, в том числе и виновник происшествия, вспомнили бытовавший в учреждении слушок о предполагаемых причинах позапрошлогоднего совпадения отпусков директора и Татьяны Викторовны, одинаковом их южном загаре и туманных ответах последней на расспросы женщин канцелярии о месте отдыха...), подошел к столу и так же молча посмотрел на голую спину Николая Даниловича.

— Вот дела-а,— протянул он, — вы, Людмила Сергеевна, уже осмотрели? Что это может быть? А?— обратился он к врачихе. При этом Татьяна Викторовна впилась взглядом в ее лицо, стараясь угадать по выражению: действительно ли, как болтают в учреждении, директор сделал эту рыжую шалаву своей любовницей? И, безошибочным женским чутьем поняв, что это действительно так, поджала губы, втянула щеки, отчего две некрасивые изогнутые морщины побежали от носа, огибая рот, к подбородку.

Врачиха энергично забегала вокруг все молчавшего Николая Даниловича, то нажимая на плечи, чтобы убедиться в крепкой связи спинки стула со спиной несчастного, то сгибая ему локтевой сустав.

- Ясно, сказал в заключение осмотра директор и, наклонившись над столом, внимательно посмотрел в растревоженные глаза пожилого столоначальника, спросил совсем не начальническим голосом:
- Вы сами-то, М., как думаете, что это? Может, психическое, поволновались, а? Нет? Ничего такого не было? С женой не ссорились, в вытрезвитель не попалали?
- Да ума не приложу,— плачуще застонал Николай Данилович.— Господи, да что это за сон такой!— и в отчаянии дернул правой рукой, так что стол пристукнул об пол, а лежавшая с края тридцатипятикопеечная шариковая ручка покатилась по наклонной и упала на пол. Петров тотчас нагнулся за ней, а директор распорядился позвонить в городскую больницу и в психоневрологический диспансер, вызвать срочно для детального обследования специалистов. При слове

«специалисты» он виновато посмотрел на Людмилу Сергеевну. Петров тотчас перехватил взгляд Кефалина: оба как-то по-своему интерпретировали это слово в приложении к врачихе...

Директор еще раз внимательно взглянул на спину Николая Даниловича, подбодрил его:

- Ничего. Потерпите с четверть часа, все утрясется,— и, дважды отечески прихлопнув по его плечу, пошел к выходу, провожаемый Начальником и подхалимом Кефалиным. Уже дойдя до двери и взявшись, опередив Кефалина, за ручку, он вспомнил что-то, остановился и сказал через плечо:
- В комнату никого не впускайте, а женщин вы, Семен Игнатьевич, чтобы время рабочее попусту не пропадало, отошлите в распоряжение завхоза, он сегодня ко мне приходил, просил народ цветы на подоконниках первого этажа в порядок привести, а то стыд и срам: пыльные, какие-то кактусы поломанные, а там народ посторонний вертится целый день...

Директор вышел, за ним выбежал Начальник, и слышно было, как он, возвысив голос, отсылает столпившихся в коридоре женщин, те зашумели, потом по двое, по трое, старательно поджав губы, отводя глаза от вершины комнаты, стали заходить, пробегать к своим столам и, забрав сумки, пакеты, свертки, уходили, пропуская у двери следующую партию.

Возвратившись из коридора, Начальник прошел в кабинет и стал звонить в медучреждения города, громко крича в трубку, даже обитая дерматином с проложенным войлоком дверь не заглушала раскатов его голоса. Дозвонившись до медицины, Начальник — видно, директор в коридоре, наедине кое-что сказал — позвонил еще в одно место, но говорил очень почтительно и через дверь неслышно.

Петров перенес стул к коридорной двери, сел настороже. Кефалин уселся напротив Николая Даниловича и потихоньку стал утешать косвенным разговором. Татьяна Викторовна, угнетенная улыбчивым выражением лица своей соперницы, внезапно сделала отчаянный ход: вошла в кабинет Начальника. В наступившей за хлопком двери тишине оттуда донеслось глухое двухтональное бормотание. Впрочем, здесь даже Кефалин не смог уловить никакой связи с имевшими место слухами.

— Ну, а я на пяток минут отойду распорядиться в медпункте,— сказала поскучневшая врачиха и ушла, постукивая платформами сапог, оправляя шапочку, заскользившую на макушке густых жестковатых волос. Интереснейшая догадка электрическим током пронзила Кефалина...

Прошло четверть часа. Кефалин — лучший анекдотист учреждения — докладывал чуть повеселевшему Николаю Даниловичу из последнего пополнения своей нескучной коллекции. Петров готовился задремать. Из-за кабинетной двери в какой-то момент донесся даже сдержанный плач. Кефалин деликатно возвысил голос, а заинтересовавшийся его последними словами: «...И вот стук, любовник срывается с постели и распахивает окно»,— Петров нерешительно раз-другой взглянул на охраняемую им коридорную дверь, махнул рукой и подсел к рассказчику, не упуская, впрочем, дверь из виду.

Еще через пару минут с улицы просигналил санитарный гудок, почти следом — другой. Подбежавший к окну Петров почему-то весело выкрикнул:

— Приехали! Сразу обе машины...

А Кефалин, также подошедший к окну, как человек с цепким вниманием, отметил про себя: тихо и без сигнала подъехала третья машина — обыкновенный «Москвич».

На шум гудков и голос Петрова из кабинета вышел Начальник, чуть погодя — Татьяна Викторовна со свеженапудренным, но повеселевшим лицом. Вместе с Кефалиным она побежала встречать гостей.

Через пару минут канцелярия заполнилась белыми халатами, медицинскими саквояжами и неизбежным запахом йодоформа. Все завертелось в голове бедного

Николая Даниловича: его ощупывали, мерили пульс, давление, оттягивали вниз и вверх веки, надавливали на глазное яблоко. Между собой врачи переговаривались на тарабарском языке, обстоятельно расспрашивали Начальника, Петрова и Татьяну Викторовну тож. Общительный Кефалин встретил среди врачей сразу двух знакомцев и одного дальнего родственника. А в дальнем углу канцелярии неторопливо прохаживался неприметный скромный молодой человек без халата, внимательно, коротко поглядывая по сторонам и на собравшихся. Увидев его, Начальник, не слушая более пожилого солидного врача с бородкой, устремился к молодому человеку и тихо, быстро заговорил, вертя головой, оглядываясь. Молодой человек скромно потупился, кивнул и ловко затерялся в толпе белохалатников. Начальник возвратился к покинутому врачу.

Николай Данилович сидел в белом дурмане, халаты закрыли от него весь мир, а медицинский запах вызывал стойкий колющий холодок в низу живота. Минутами он выключался из мелькающей белой дремоты, но медицинский запах белых халатов и осторожные холодные прикосновения пальцев врачей снова возвращали в дурман.

В одно из таких пробуждений Николай Данилович ощутил холод всеми частями тела. Даже не оглянув себя, понял, что полностью раздет. Врачи не оставили на нем и малой тряпочки. В другие пробуждения соображал, что число врачей в комнате прибывает, сигналили все новые подъезжающие санитарные машины. Обернувшись на звуки за спиной, Николай Данилович в растворенную настежь кабинетную дверь увидел сидевшего за начальническим столом давешнего доктора с бородой. Он только что закончил набирать на новомодном клавишном телефоне Начальника многозначный междугородный номер, с кем-то поздоровался по-приятельски, заговорил, пересыпая речь медицинскими названиями.

В минуту любопытства Николая Даниловича больно царапнуло, вслед за тем острые, длинные царапины

стали терзать тело, и он, почувствовав, что раны от царапин заливаются выступившей кровью, сдавленно застонал. На его стон встрепенулась стоявшая справа молодая докторша, что в рассеянии водила длинноватым ногтем по крышке стола. Была она в сквернейшем состоянии, в котором только и может быть с утра молодая женщина, разругавшаяся со свекровью, поэтому всю оставшуюся невыплеснутой в утренней сваре злость вымещала на фанерной крышке, глубоко царапая ее ногтем.

Услышав стон, она тотчас перешла в осмысленное состояние и убрала руку со стола. Николай Данилович вдохнул судорожно, режущая боль прекратилась, осталось только тупое нытье свежей раны.

Внимательный бородатый доктор, закончивший к тому времени телефонный разговор, все приметил и мигом сообразил. Он подошел к столу, вынул из стоявшего рядом саквояжа иглу и, заранее предупредив Николая Даниловича о возможном болевом эффекте, легонько кольнул в крышку стола. Несчастный ойкнул, вздернув плечами. Вокруг замолчали. Тогда профессор, как его уже называл по подсказке Кефалина Начальник, стал методично, по определенной системе укалывать ножки, ящики стола, после чего исколол по частям весь стул. И каждый раз, как игла касалась стола, а затем стула, Николай Данилович вздрагивал и сдавленно постанывал сквозь стиснутые зубы.

— Нда-а-а! — в который раз протянул озадаченный бородач.— Ну и ну! Как же прикажете транспортировать вас в клинику?

Николай Данилович робко и отчаянно посмотрел на него, пожал плечами, всем своим видом показывая: рад бы помочь, да нечем...

- A если вместе со столом и стулом?— ввернулся Петров.
- Вы полагаете?— бородатый с неудовольствием оглядел темно-синий пиджак Петрова.— Ну что ж, давайте.— Двое белохалатников чуть-чуть приподняли стол.

- Ну как? Ничего не беспокоит?— нагнулся профессор к Николаю Даниловичу.
- Да вроде бы ничего, все нормально, только чувствую, что руки за локти крепко сжали и тянут вниз. И ноги... вот как под колени взяли, приподняли их, а тянет-то вниз, будто подошва свинцовая на каждой ноге.
- Так, теперь отрывайте от пола стул, только чутьчуть, аккуратно,— вновь предупредил профессор.
- А-а-а!!— истошно, ужасно громко закричал несчастный, как только санитары с подошедшими на помощь Петровым, Кефалиным и самим Начальником подняли стул с ним на сантиметр от пола. От внезапности страшного крика они остолбенели, так и держа на весу несчастного столоначальника, однако опытный профессор мигом надавил на спинку стула, тот ударился о пол ножками, а освобожденный от мук Николай Данилович бессильно упал головой на крышку стола и горько зарыдал, затем зачихал, когда подбежавшая медсестра сунула под нос пронашатыренную ватку. С запозданием санитары опустили, наконец, и стол.
- Что, очень больно было? Что вы почувствовали? расспрашивал тем временем бородатый профессор бледного от пережитого ужаса Николая Даниловича.
- Б-б-буд-д-то ноги в тиски зажали и потянули страшно сильно. Чувствую, что ступни напрочь выворачивает... Ради бога, больше не поднимайте,— едва промолвил тот, судорожно заглатывая воздух.
- Нет, нет, успокойтесь, голубчик! Что вы, ничего не будем больше трогать, успокойтесь!— заизвинялся, сам перепуганный, профессор и возвратился в кабинет Начальника. Туда же по его знаку заструились остальные белохалатники, начальники и неприметный скромный гость. Последний тщательно и неслышно прикрыл за собою дверь.

Потянулось время. За дверью временами ухало невнятно и гулко, беспрерывно звонил телефон. По комнате бродили недопущенные в кабинет нижние медицинские чины, Петров, Кефалин и Татьяна Викто-

ровна с ними. На Николая Даниловича набросили для тепла потертый шерстяной плед, снятый с диванчика, в кабинете Начальника.

— Вот дела!— услышал Николай Данилович восхищенный шепот Петрова и чуть снова не заплакал. Время шло. Сколько-то его прошло? И уже заканчивался рабочий день. По учреждению прокатилась цепь звонков, топотом прошелся по коридорам служащий народ. Несколько раз коридорная дверь приоткрывалась, самые настырные и разволнованные слухами пытались заглянуть в канцелярию, увидеть своими глазами Николая Даниловича, но Петров с Кефалиным были настороже и грубо упихивали горячие головы назад в коридор, с рассерженным стуком вновь затворяли дверь.

Через двадцать минут по окончании рабочего дня дверь уверенным рывком ушла в затененный по случаю месячника экономии электроэнергии коридор, и Иван Григорьевич, озабоченно окинув комнату, молча проследовав между вторым и третьим рядами столов, зашел в кабинет Начальника.

Скоро, однако, оттуда повалили белые халаты. В поднявшемся общем гуле Николай Данилович хотя и напряг слух, но путного ничего не расслышал. Только с тревогой наблюдал, как медики группками по двоетрое покидали канцелярию, прихватывая свои саквояжи.

Подошедшие к Николаю Даниловичу директор с профессором очень вразумительно объяснили, что «пока его болезнь, к сожалению, остается феноменом, однако ни в коем случае не отчаиваться, духом не падать: из Москвы завтра выезжают авторитетнейшие специалисты («По феноменам, что ли, специалисты?» — некстати подумалось несчастному). И вообще — медицина всесильна...»

Прошел его первый день и наступила первая ночь. Prima nostis... Вызванные нарочным взрослый сын и жена не знали: чему верить? Что случилось? Последняя на всякий случай горько всплакнула. Собственно, она была не жена, а сожительница, скрашивала по мере возможностей последние три года жизни Николая Даниловича, ибо с настоящей женой он развелся по ее инициативе еще пять лет тому назад. В то время он на целый месяц стал предметом обсуждения в канцелярии, даже затмив случившееся тогда же скандальное судебное дело Петрова с тещей. Женщины в канцелярии ему очень сочувствовали...

Сын был встревожен и смущен, казалось, больше обстановкой происшествия, нежели сутью случившегося. К ночи взявший себя в руки Николай Данилович отослал их домой. К своей странно выглядевшей одежде его вновь одели после осмотра, начерно зашив распоротые швы редкими стежками,— он добавил только шарф, одеяло и маленькую подушку, за которыми съездили к нему домой на машине Кефалина. Стал устраиваться ко сну: поел горячего, привезенного тем же рейсом в судках, взятых в буфете учреждения, попил чаю с лимоном из термоса. Затем проглотил пару таблеток транквилизатора. На него накинули одеяло и шарф, подушку положили на стол; вскоре больной начал похрапывать, часто ворочаясь в неудобной постели, перекладывая голову с одного уха на другое.

Дико выглядела большая комната с высокими, зашторенными казенными портьерами окнами, уставленная канцелярскими столами. В полумраке сгорбилась бесформенная, серая в одеяле фигура, а на другом конце комнаты, рядом с коридорной дверью, за последним в третьей колонне столом под конусом света настольной лампы, принесенной из кабинета Начальника, бодрствовала дежурная сестра. Она читала французский роман, время от времени, заслоняя ладонью свет, посматривая на спящего. Иногда подходила и, прислушиваясь к дыханию, поправляла одеяло. Из щелки неплотно прикрытой кабинетной двери пробивалась бритвенная полоска света. Там сидел оставленный профессором ординатор. Он дремал, полулежа в кресле Начальника, изредка, тихо поскрипывая дверью, выходил к больному, шептался с сестрой. Через каждые полтора часа набирал номер телефона клиники,

что-то докладывал. Было спокойно, уютно побольничному, лишь слабо возились под полом старого учрежденческого здания мыши.

В шесть тридцать пять взошло солнце, а через десять минут не задержанные ничем лучи, пробившись через щели в портьерах, соскользнули с потолка на стену и, быстро опускаясь, нащупали лысеющую макушку согбенной головы. Николай Данилович проснулся, понятно, ничего не смог сообразить. Подошла медсестра с отяжелевшими, красными от ночного бдения веками. Волосы растрепались, на ходу она оправила их мягким домашним взмахом рук.

— Ну, как вы себя чувствуете?— услышав голос медсестры, из кабинета вышел врач. К тому времени Николай Данилович все вспомнил, более того, за ночь в нем крепко утвердилась обычная психология больного: теперь за тебя думает врач. Уже спокойно, позевывая, смотрел, как врач и сестра, распустив по живой нитке швы одежд, осматривали тело, измеряли пульс, давление. Он вполне спокойно перенес укрепляющий витаминный укол в вену левой руки.

В половине седьмого приехала смена врачу и сестре, вслед за ними разноликий народ стал вносить, вкатывать на роликовых тележках малые и большие металлические ящики. Было их много. Два лохматых, плохо выспавшихся юнца в синих грубых халатах раскрывали ящики и собирали вокруг Николая Даниловича механизм — рентгеновский аппарат, как сам он догадался. Из коридора протянули толстый кабель в черной резиновой оболочке, затем аппарат подключили, опробовали, прислушиваясь к гудению и дребезжанию металлических стенок, всматриваясь в матовый экран. После юнцов аппаратом завладели врачи, с полчаса они вертели и укладывали в надлежащие позы голову, плечи, руки, ноги поважневшего Николая Даниловича. с мелкоколесным грохотом передвигали аппарат, экран, еще что-то вокруг ансамбля из больного и его служебной мебели.

После окончания просвечивания и съемок сонные лохмачи разобрали аппарат, растолкали все по ящикам, вынесли из канцелярии. Разный народ, включая неврачей, начал прибывать с восьми часов. Перед половиной девятого в дверь стали заглядывать пришедшие на работу женщины — свои и из других канцелярий,— но их в комнату не впускали, даже когда прозвенел звонок. Не впустили Петрова с Кефалиным, один Начальник, как всегда, пришедший в четверть десятого, предупредительно-ласково пожал руку Николаю Даниловичу, зашел к себе в кабинет, взял папку «К докладу» и вновь вышел — на пятиминутку к директору.

Снова с утра приходили домашние, принесли передачку, но прибывший профессор объяснил, что кормить больного будут пока специальной пищей, приготовленной в университетской клинике. Действительно, скоро привезли в белой дюралевой коробке с отделениями завтрак: фруктовый сок, коричневые вязкие пастилки, яйцо всмятку без соли, а также сделали еще один витаминный укол.

После завтрака Николай Данилович, вполне уже свыкшийся с положением привилегированного больного и просто больного, то есть человека, понимающего, что с ним случилось, быть может, самое ужасное, но поскольку теперь он отдан на полный откуп врачам, то таинственным образом тяжесть этого ужасного должна перейти на них, а он может продолжать жить нормальной психической жизнью. Поэтому вполне уверенно достал, изловчившись, из бокового кармана распластанного пиджака вчерашнюю пачку «Беломора», спички, к великому изумлению врачей, закурил, сладостно глотая приятнейший белесый дым.

— Что вы, что вы! Абсолютно запрещено!— накинулись на него те, отобрали пачку и спички, выдернули изо рта дымящуюся папиросу. А чтобы погасить недоумение на его лице, заставили выпить таблетку снотворного. М. задремал. Большая часть взволнованных таким оборотом дела врачей вышла в коридор.

Нервно размяв и закурив сигареты, они принялись обсуждать создавшуюся ситуацию, предвидеть которую в спешке не сумели.

Когда Николая Даниловича легонько потрясли и разбудили, было за полдень, перед столом выстроились важные медики, срочно приехавшие из столицы. Осоловевшего от дневного жаркого, искусственного сна Николая Даниловича опять раздели, долго рассматривали, вытянули много крови для проб, потом, попросив особенно не толпиться у стола, выполнили деликатную процедуру для известного анализа. Очень неудобно и хлопотно было застыдившемуся Николаю Даниловичу выполнить эту просьбу... К концу дня медики с сантехниками кой-как решили и другую проблему...

Вот такой неспокойной жизнью он прожил два дня: сон с таблеткой, осмотр, потом снова сон, диетический обед и так далее. Впрочем, Николай Данилович за это время совсем успокоился. Между нами говоря, он любил неопасно поболеть, особенно дома, на больничном. К исходу второго дня даже начал слегка капризничать. Спутница последних трех лет его жизни приходила по два раза на день, сын — только вечерами.

На третий день состоялся заключительный консилиум местных и столичных медиков, среди которых был даже заезжий японец (по обмену стажировался в московской психоневрологической клинике). Ставший Николаю Даниловичу другом бородатый профессор подробно рассказал с глазу на глаз о результатах.

— К сожалению, уважаемый Николай Данилович, вы пока остаетесь феноменом. Да не пугайтесь этого слова! Быть феноменом — в этом есть нечто исключительное, неординарное. А главное — у вас не рак, даже не туберкулез! Если на то пошло, это не больше, чем болеть гриппом. Пройдет, ну-у, не надо думать, что так и будет на всю жизнь эта непонятность. Все прояснится. И вы станете героем дня, начнете со смехом вспоминать такой вот престраннейший случай. Я, Николай Данилович, не буду вам пересказывать всех предположений и теорий, их очень много. Я сообщу

только свою гипотезу, подчеркиваю — только гипотезу, кой-чем, правда, подтвержденную. Имею в виду не столько мои наблюдения в эти дни, анализы и прочее. Должен сказать, что они не зафиксировали никаких патологических отклонений. Рентген тоже абсолютно ничего не дал: на снимках виден только плотный контакт тела с деревом или, точнее говоря, с дерматином на сиденье стула, а между ними — прослойка ткани, что осталась от одежды. То же самое со спиной и локтями.

Нет, имею в виду тщательное изучение вашего, прошу прощения, личного дела. Я долго и методически беседовал о вас с начальниками, родными, опросил по особой системе всех ваших коллег в учреждении, даже познакомился кое с кем из соседей по дому.

Вы ведь около тридцати лет работаете в этом вот учреждении. Я не ошибаюсь? Да? Сначала простым счетоводом, потом бухгалтером, затем закончили курсы и последние одиннадцать лет руководите группой. Как я понял из документов, официальных и частных бесед, человек вы спокойный, тихий, пьете в меру, скорее из компанейской вежливости. Ни разу в жизни не опоздали на службу. В работе — аккуратный, исполнительный, методичный. Ни внешне, ни как-либо иначе не выделяетесь среди коллег. Наибольшее потрясение в вашей жизни — развод с женой — перенесли, в общем-то, в пределах нормальной психической возбудимости. Помогло в этом предельно спокойное течение жизни и, извините, возраст какой-никакой... Тем более, что в настоящее время — имею в виду последние годы — в психосексуальном аспекте ваша жизнь находится в норме.

Итак, что у вас было, кроме работы? Ну, в остающиеся от обеда 10-15 минут сыграете с коллегами несколько партий-скороспелок в шахматы, после работы идете прямо домой, ужинаете, читаете подряд, тщательно местную и центральную газеты. Потом — телевизор, а в половине одиннадцатого, если нет хоккея, футбола или фигурного катания, ложитесь спать. В выходные дни то же самое: газеты, телевизор, еда, ред-

ко-редко с женой сходите в цирк. В театре бываете только когда на гастроли провинциальных артистов профком раздает в учреждении бесплатные билеты, на концерты не ходите («Телевизор дома стоит!..»). Летом оба выходных проводите на даче в кооперативном саду. Отпуск — там же. То есть все как у людей. Как говорится, ни исканий, ни тревог измученной души... Ха-ха! Вы только не обижайтесь. И обижаться не на что, ведь здесь с какой стороны посмотреть? Газеты читаете, статьи на темы морали, воспитания и тому подобное? Книжки в отпуске тоже ведь почитываете? Так вот, там принято противопоставлять людей, ведущих размеренный, спокойный образ жизни, без особых запросов, с нормальными квартирными условиями, средней зарплатой и реальными, прилавком обеспеченными потребностями — как вы, и людей дерзающих, стремящихся к чему-либо — героев наших дней, словом. Но вы-то своим житейским опытом прекрасно представляете, что большинство живет вроде вас, иногда разбавляя размеренность каким-нибудь увлечением: шахматами теми же, рыбалкой, а то, по слабости душевной, и чем-либо предрассудительным: вином, слабостью к женскому полу... Есть, конечно, ищущие, творчески работающие начальствующие. Не без этого. Но ведь если бы все такими стали, а? Не представляете? Я тоже. Нелепость бы была, поэтому социальный механизм, что управляет обществом распорядился мудро отвесить того и другого в нужных пропорциях.

И хотя это есть закон природы, диалектики, но прямо об этом в газетах и книжках говорить не принято. Думают, очевидно, так: а ну как сказать, что Николаев Даниловичей имя легион? Ведь это в людях веру

во все святое и светлое будущее убьет! А как наши недруги за границей руки потирать будут? А помоему, ничегошеньки не случится, только польза выйдет, перестанут нормальные люди видеть себя в газетах да книжечках в кривом зеркале, спокойнее их душам станет. И как веру в святое убить можно: у кого? У спокойных она и есть в спокойствии, а беспокойным это не грозит — они в другом стане жизни. А что касается недругов — я частенько бываю за границей по работе, — так там своих забот хватает. В этой части тоже.

Мы отвлеклись. Значит, я правильно все понял? Так вот, при такой обычной, размеренной жизни, тем более человек вы не болезненный, случившееся с вами может иметь лишь одно толкование: как явление психофизиологического характера. Не пугайтесь слов. смысл их совсем не зловещий, а, по моему предположению, следующий: вы, Николай Данилович, настолько стабилизировали ритм своей жизни, настолько долго — тридцать лет — придерживаетесь раз навсегда заведенного порядка, центр которого и исходный момент вашей жизнедеятельности — ваша служба... Опять отвлекусь на общеизвестное. В тех же газетах, романах с производственным уклоном, а реже в жизни можно наблюдать: описываются герои, инженеры и начальники по преимуществу, что всю жизнь, за исключением минимального времени на сон и еду, отдают своей работе. И что же? Все знают, что это очень хорошо, это героично. И в жизни мы знаем, подчеркиваю, таких людей, завидуем даже: как трудовые ордена блестят на демонстрациях?! С каким уважением произносят в разговорах их имена? Они на своем рабочем месте делают полезное дело, делают самоотверженно. Но мы уже говорили, что социальный механизм общества, общества в широком толковании — и нашего и ненашего — четко устанавливает пропорции категорий людей. Так чем же вы, типичный представитель наиболее многочисленной категории, хуже этих инженеров, изобретателей, героев-космонавтов и начальников крупнейших строек, если вы отдаете всю жизнь героической работе на своем рабочем месте? Почему ее надо стыдиться, следуя указаниям фельетонистов из журнальчиков, избравших наиболее безопасный объект для юмористических упражнений? Только потому, что ваша служебная деятельность облачена до сих пор в традиционные формы «присутствия в канцелярии»? Так это не ваша вина. Не ваша вина, что в последней четверти XX века вы все еще исписываете ручками, слава богу, не перьями, толстенные амбарные книги, что легче съездить на трамвае в соседнее учреждение или на поезде в соседнюю область, чем по телефону за пару минут решить нужное дело, что на каждую справку нужно отношение и регистрация, что, слава богу опять же, только-только сдали в утиль последние арифмометры и получили по одному простенькому микрокалькулятору на троих счетоводов. А если как следует, как уже давно нужно, преобразить вашу внешнюю сторону конторского труда, дать вам микро-ЭВМ (не люблю я навязчивого сейчас, как зубная боль, бесконечно терзаемого в газетах слова «компьютер»!), современные дисплеи, печатающие устройства, исправно работающие телефоны и хотя бы в масштабах города-области автоматизированную информационную сеть? Чем бы вы тогда отличались от клерков Сити или Манхэттена? Посмели бы фельетонисты полоскать вашего брата на газетных полосах?

Так вот, любой, даже сверхгероический труд становится ненужным и смешным в глазах общества, когда социальная машина дает временный сбой, а это неизбежно в развитии любого общества — метод проб и ошибок. А вы работаете на том участке, где этот сбой наиболее наглядно и, главное — доступно для всех глаз выявляется. И по обычной психологии тотчас отыскивается стрелочник. А как его удобно отыскивать в недрах старинных по духу канцелярий! Все просчеты и недосмотры вверху можно свалить на «рутинность, тысячелетние привычки, неумение мыслить поновому», знаменитое «отсутствие инициативы на местах»! А покажи ты инициативу, помысли по-новому, если, как и раньше, на каждом деловом письме стан-

дартного формата двести десять на двести девяносто семь миллиметров содержится из делового-то только адрес и четыре строчки текста, а остальное поле лицевой стороны и весь оборот листа заполнен визами, резолюциями, контррезолюциями, отношениями, и все венчает росчерк красного карандаша: «Отказать!»

А? Разве не так, Николай Данилович? Тем втройне героичен ваш труд, что не сходите с ума, не плюете на всю запутанность канцелярского дела, не уходите работать на соседний — вон я вижу трубы — завод, где зарплата выше и работа у каждого ясная и конкретная. Впрочем, там своя канцелярия есть...

Опять я отвлекся. Извините, дорогой Николай Данилович, но на душе накипело: у себя в клинике, в университете тоже часто с канцелярией сталкиваюсь, а вот в последние дни с деятельностью вашего учреждения в связи с вами пришлось досконально разобраться: многое новое и по-новому осветилось. Да что ваше. Куда более солидные организации махровым бюрократизмом поросли. Как они умеют отпихиваться от всех полезных начинаний!...

Вернемся к вам. Ваша служебная деятельность, которая внешне выглядит как восьмичасовое сидение за одним столом на одном и том же стуле, всегда в одинаковой позе — локти на столешнице — и послужила причиной происшедшего. В какой-то момент, а именно, три дня тому назад, организм и психика ваши выдали столь редчайший и своеобразный феномен, когда в поведенческих центрах чисто подсознательно — вы понимаете меня? — сформировалась некая идея сродственности, «очеловечивания» вашего со стулом и столом. А физиологическим откликом на такое затормаживание психики явилась потребность «склеивания», «прирастания» тела к дереву. Конечно, никакого реального склеивания, прирастания или прорастания в дерево быть не может — мы материалисты и мыслим в категориях реального бытия, а предполагать прирастание — это область сказки, в лучшем случае — околонаучной фантазии. Нет, просто побуждаемое из пси

хических центров, в вашем теле появилось стремление, ощущение необходимости плотного физического контакта со стулом и столом — эффект своеобразного психофизиологического вживления в тело чужеродных предметов. Простой пример: вы постоянно носите на руке часы; даже будучи сверхрассеянным, редко когда по утрам, уходя на работу, забудете их надеть. (Разумеется, это не о вас, Николай Данилович, вы-то, я знаю, сверхпунктуальный человек!) Чего-то не хватает, да? Не хватает привычной тяжести на правой или левой кисти, а также плотного контакта. Так и профессиональные военные, даже выйдя в отставку, чувствуют себя неуютно, когда на голове нет шляпы, кепки, берета. Ведь они привыкли за два-три десятка лет службы находиться в форме, а фуражка или шапка — неотъемлемый атрибут ее. Опять-таки контакт чужеродного предмета с телом.

Следовательно, у вас появилась, как говорят ученые, психологическая установка на постоянный контакт со стулом и столом в местах обычного соприкосновения. И как только вы пытаетесь отделить их от тела либо нарушить целостность, побудительные центры мозга, переориентировавшиеся на такой странный каприз, посылают соответствующие сигналы, которые очень сложным путем воздействуют на болевые центры. Вот вся довольно простая механика. Вернее, она была бы простой, если бы не оставляла непознанным основной вопрос: что и каким образом произошло в тайниках, в глубинах подсознания, которое скрыто в вас, как заблудившийся в пещере, но тем не менее очень хорошо осведомлено о внешней жизни? Вы поняли, да? Ну и прекрасно.

Отсюда вы сами можете додумать, что такое состояние невечно, оно вполне устранимо. Отныне я беру вас под свое самое тщательное наблюдение. Как буду лечить? Этот вопрос продумывается, хотя контуры мне, понятно, ясны: укрепляющие инъекции, комбинации успокаивающих и возбуждающих препаратов, попробуем гипноз, элементы психотерапии, ну да все это вам будут подробно разъяснять по ходу дела.

Я уже подробно все обговорил с вашим руководством, с домашними. Госпитализировать вас, вопервых, обычным путем не удастся, если только отгородить бокс в этой комнате, что слишком сложно в плане техническом и административном. К тому же вы меня здесь правильно поймите — ваше теперешнее состояние будет уходить постепенно, в течение относительно долгого периода времени. И зачем вам это, предполагаемое, понятно, как крайний вариант, долгое время проводить в изоляции от обычной жизни? Правда, доктор Нома Хируоки — помните японского профессора? Он крупный психиатр — рекомендовал поступить наоборот: отвлечь вас от обычной деятельности и тем самым нарушить психофизиологический ритм, тогда нынешнее состояние само собой исчезнет. Но на консилиуме и Хируоки согласился, что это опасный путь: резко нарушив ритм, можно достичь прямо-таки противоположного эффекта, застабилизировать измененное психическое состояние. Оно утвердится в психике и останется как нечто благоприобретенное. К тому же, — скороговоркой произнес профессор, — вы будете лечиться и трудиться, что вполне в духе времени.

Так вот мой совет,— в заключение доверительного разговора наставлял профессор, — рекомендую оставить все как есть, выполнять по мере возможностей обычную работу, вас будут навещать врачи и в удобное для руководства учреждения время проводить курс лечения. В нерабочее же время сможете общаться с домашними, знакомыми внеслужебного круга. Коллектив — в этом заверили меня руководители — отнесется к случившемуся с подобающим пониманием.

Вам в такой обстановке будет намного легче переносить и в итоге пережить, подчеркну я, подобное состояние. Порой, чем дальше, тем чаще, вы совсем будете забывать о нем. А тем временем мы проведем интенсивное лечение, привлечем крупнейших специалистов: отечественных и зарубежных. Как вы, Николай Данилович, на все это смотрите? Не торопитесь, обду-

майте услышанное в общем и в деталях, а завтра утром мне скажете. Пока же — до свидания и спокойствия вам душевного.

Профессор рассказал на прощание очень уместный медицинский анекдот, тепло распрощался с Николаем Даниловичем и ушел.

Наступили сумерки, пришли жена (в отношении ее будем пользоваться терминологией Николая Даниловича, который пугался слова «сожительница», отдающего чем-то судебным, а термин «гражданская жена» не соответствовал эпохе) и сын. Видно было, что профессор основательно беседовал с ними. Жена убеждала соглашаться, сын по малолетству поучать не решался. Отца ему было очень жалко. Николай Данилович не сказал ни да ни нет, хотя в душе сразу согласился с доводами профессора, во-первых, тот ему понравился и внушал доверие, во-вторых, выбирать было не из чего. Ни да ни нет же он не сказал на всякий случай, впрочем, жена успокоилась, прочтя согласие на лице Николая Даниловича: за три года она несколько научилась понимать, что у того в душе происходит.

Ушли. Стемнело. Пожилая дежурная сестра погасила верещащий — барахлил дроссель в одной из неоновых ламп — верхний свет и ушла в кабинет Начальника. Через открытую дверь было видно, как она вязала кофточку из розовой шерсти. Николай Данилович пригорюнился на своем столе, освещенном лампочкой в жестяном абажуре, немигающе глядел в раскрытый детектив, принесенный сыном. Мысли нехорошие, все вновь и вновь возвращающиеся, терзали его. Ладно не думалось, лихорадкой наскакивало отчаяние, отгоняемое ставшим за эти дни привычным успокоением, что-де все образуется.

— Что-то будет?..— в долгой, казалось, нескончаемой борьбе яви с дремотой Николая Даниловича победило-таки последнее. Он заснул и спал неслышно. Медсестра выглянула в очередной раз из кабинета, увидела спящего пациента и погасила лампу в жестяном абажуре. После таких тревожных мыслей сон Николая Даниловича оказался на удивление легким. Снилось, что он освободился от стола со стулом и волен в своих движениях, как прежде; наступила весна, у него отпуск, и день-деньской на дачке копает землю, подвязывает и опрыскивает яблони, сливы. Высадил два новых куста черной смородины и куст крыжовника, а жена (во сне присутствовала прежняя, настоящая жена) советует на этот год картошку вообще на участке не сажать,— на базаре купим мешка два, остальное в магазине, в октябре-то завезут,— бубнит она, а высадить побольше помидор и огурцов; тот плохой куст крыжовника у калитки выкопать, пересадить пониже на солнечную сторону, а на место куста — астры, соседка обещала семян дать, вишь, какие в прошлом году у нее были?

Весеннее солнце пробивает холодный, не отогревшийся еще от зимы воздух, и, пока день, оно стоит, караулит на небе, согревает цепенеющий к вечеру воздух. «Зона рискованного земледелия»,— вспомнились ни к селу ни к городу рассуждения типичного потомственного горожанина Кефалина, почерпнутые из газет. Справа и слева от его участка два чудака на смех всему кооперативу трудятся: один четвертый год рапсом всю землю засевает — «готовлю навоз»,— а другой все пытается спаржу вырастить. Очень ему хочется буржуйского овоща попробовать: с чем его едят?

Из раскрытой двери дачки (внутри еще пахнущей зимней изморозью, пропитанной густой влагой), сколоченной им с подраставшим тогда сыном из всякой бросовой дряни: горбыля, жердей и некондиционного шифера, веселится «Альпинист», подаренный в день двадцатилетия работы в учреждении. Жена, что-то учуяв носом, убегает в домик. Николай Данилович предвкушает обед, готовящийся на керосинке, через подслеповатое окошко видит горлышко непочатой бутылки перцовки. Радостная волна аппетита и душевного спокойствия, умиротворенности жизнью окатывает его, с новой силой он вскапывает сверкающей от работы в песчаной земле лопатой комья перегноя, переви-

тые корешками трав. Музыка и голоса несутся со всех сторон дачного муравейника.

Вот после такого радостного, с весенней дымкой костров горящей прошлогодней листвы, сна проснулся Николай Данилович от тормошения по плечу. Надо сказать, что накануне принесли удобно сделанное одеяло с застежками, которым он и покрывался на ночь. Спать было теперь намного удобнее, одеяло более не сползало на пол. На стенных часах стрелка подбежала вплотную к семи, на ручных — стрелка шла на три минуты скорее, а разбудил его приехавший спозаранку дежурный врач.

- Как спали, Николай Данилович, что во сне видели? А нам что *скажете?*
- В общем, согласен я,— неожиданно даже для себя, спросонья веселый со сна на дачке, ответил Николай Данилович. Сказал и испугался, подумал нехорошее, похолодел от внезапной решимости, но через секунду словно гора с плеч свалилась.

«Слава богу, все определилось»,— вот о чем подумал он.

— И прекрасно. Молодцом! Так я сейчас звоню шефу.

Врач, молодой и длинный, пошел звонить в кабинет, притворив за собою дверь. Через минуту вновь вышел, проделал с Николаем Даниловичем обычные процедуры: укол, пульс, давление, разложил прибор для кардиограммы. Медсестра, новая и молодая, тоже длинная, помогала ему. Дверь из коридора отворилась, вошли двое в халатах, Начальник и Петров с большим мягким чемоданом из добротной искусственной кожи.

Николай Данилович даже чуть потерялся в поднятом ими шуме, веселых, дружелюбных и одобрительных восклицаниях. Начальник, лихо расслабив узел галстука, хлопал по плечу:

— Поработаем еще, старина, наворочаем гору дел... А мы вот с докторами тебе спецодежду приготовили!

Петров тем временем выкладывал из чемодана пиджак, брюки, рубашку, белье — три комплекта, все

похожее на обыкновенное, но с приспособлениями и разрезами для положения Николая Даниловича. Он же помог коллеге обрядиться. В чемодан уложили белье, запасную одежду, ночное одеяло, подушку-думку и все отнесли до ночи в кабинет Начальника.

— Это пока временно,— шепнул Петров, одевая Данилыча,— ух, знаешь, что для тебя готовят: полный гардероб, приспособления всякие. В мастерской горкомхоза целый участок в срочном порядке на нас переключили, даже забор для дачи самого Башкирцева отложили. Ох и скандал был! Врачи по мастерской мечутся между работяг, указывают, что и как делать. В ателье на Перовской, как невесте, приданое тебе шьют! Вот такие дела, парень!

В четверть девятого суета улеглась, врачи, распростившись с Николаем Даниловичем, Начальником и Петровым, ушли. Подоспел Кефалин. Николай Данилович начал заметно волноваться: он успел за эти дни отвыкнуть от неврачебных людей, освоился со своим привилегированным положением, потому с заметным страхом поглядывал на стрелку часов, прокрадывающуюся к половине девятого.

- Не волнуйся ты, Данилыч!— ободряли Петров с Кефалиным.
- Да не волнуюсь я, нет...— Но часы показывали двадцать пять минут. Скрипнула коридорная дверь, Николай Данилович осел, огруз всем телом, прикрыл глаза. Сколько длился этот миг? Для Николая Даниловича он и позже, в воспоминаниях, казался вечностью, на самом же деле прошла одна лишь секунда. И когда поднял глаза, то вошедшая энергичной, но и женственной походкой Татьяна Викторовна, в шапочке, с шарфиком на плечах, разрумяненная от ходьбы на свежем мартовском воздухе (в незатворенную за ней дверь был виден кусочек коридора, то и дело затемняемый быстро расходящимися по своим канцеляриям служащими), поздоровалась с ним:
- Здравствуйте. Николай Данилович!— растягивая на гласных, проворковала канцелярская красавица.—

С выходом вас... И осеклась, вспомнив, что с прошлого вторника до нынешнего понедельника Николай Данилович был не в командировке, не в отгулах, даже не на обычном больничном, а... Здесь она с истинно женской ловкостью сообразилась и все перевернула в милую добрую шутку, сказав, что это их всех нужно поздравить с выходом, а поздравлять должен Николай Данилович. И, чувствуя, что шутка эта, впопыхах перевернутая, получилась несколько натянутой, хотя Петров с Кефалиным, принужденные обстоятельствами, рассмеялись, она все быстренько скомкала: хихикнула, поперхнулась и исправила последним и самым верным средством: ослепительно улыбнулась Николаю Даниловичу, подойдя к его столу, для видимости поправила выложенные для работы и оставшиеся со злополучного вторника бумаги в ровную, параллельную бортикам стола пачку, мило щебеча о последних веяниях в погоде, приняла свою роскошную одиннадцатичасовую позу — специально для несчастного руководителя группы — и в заключение дружески кивнула М.: «Так держать!»

После такой атаки Николай Данилович только и смог, не отрывая оживившегося взгляда от прелестей Татьяны Викторовны, шлепнуть пару раз губами, ставшими вмиг совершенно сухими, и пропустить меж ними слабый звук. Она же, убедившись по этим признакам явной победы над мужчиной, что дело исправлено, переменила позу и улыбку на более обыденные, отошла к своему столу, защебетала с Петровым и Кефалиным, устремившимися за нею, забывшими о несчастном собрате.

Потрясенный, отвыкший за неделю от вида свежей женщины без обезлички белого халата, Николай Данилович даже не замечал, как в канцелярию просачивались одна за другой сотрудницы. И только когда женщины из его группы окружили стол, он очнулся, убежал от сладостного видения, снова почувствовал неловкость своего положения.

Прозвенел звонок, и... комната приняла столь знакомый рабочий вид: женщины расселись, принялись перекладывать с места на место платки, пудреницы, помаду, бутерброды, термосы, шпильки, туфли уличные и внутрислужебные, журналы мод и принятые в их кругу романы. Петров с Кефалиным копались в бумагах. Чувствовалось, что неделя без привычных занятий всех расслабила и выбила из колеи. Вскоре Начальник вошел в канцелярию. На этот раз, кроме выпрямившейся за столом Татьяны Викторовны, он заметил и Николая Даниловича, а выходя через минуту пребывания из кабинета с кожаной папкой «К докладу», дружески похлопал его по плечу.

И уже безо всякого удивления Николай Данилович обнаружил, что с боковой стороны стола подсела Нина Тимофеевна, вынимающая из табачного цвета картонной папки-скоросшивателя полупрозрачные графленые листочки накладных и более солидные бумаги: сахарно-оберточного цвета грубошерстные листы ведомостей.

Его руки по тридцатилетней привычке живого автомата брали бумажки поочередно: накладные он после просмотра складывал в стопку в правый угол стола, оберточные ведомости клал в раскрытую папку, лежавшую в левом углу, а разнокалиберные некондиционные справки и отношения — в стопку перед собой, ближе к краю стола. Наиболее нужное для срочной работы на сегодня он накапливал на середине стола.

— Спасибо, Тимофеевна!— отпустил он старушку, выбрав у нее запасенные бумажки, после чего подозвал Веру и Бутурлину, распределил разобранные бумаги между ними: грубой, сварливой Бутурлиной — требующие кропотливой работы со сверкой ведомости, семнадцатилетней Верочке — менее хлопотные накладные. Наде дал задание составить опись накладных за прошедшую неделю и с некоторым недоумением отметил, что по прошествии недели трех остальных по-прежнему нет.

«Перемерли, что ли, они?..»— вскользь мелькнуло в голове. Сам он, раскидав бумаги между женщинами, углубился в отчетную сводную ведомость за квартал, на чтении которой он остановился шесть дней тому назад в десять часов пятьдесят девять минут, когда так выжидающе посмотрела на мужчин канцелярии вставшая из-за стола Татьяна Викторовна.

Он не замечал, склонив голову и перелистывая страницы ведомости, как то одна, то другая женщина с любопытством стреляют в него глазами и глазками, что Татьяна Викторовна часто встает с места, подходит к своим ближайшим подругам и шепчет на ушко быстро-быстро без остановки, не отрывая при этом взгляда от согбенной фигуры руководителя среднего ряда. В другое бы время он заметил: такое внимание польстило бы Николаю Даниловичу.

Впрочем, не замечал он переглядываний через его голову Петрова с Кефалиным, и что они в паре уходили курить не через час, как было принято, даже регламентировано на отчетно-выборном профсоюзном собрании, а минут через тридцать — сорок. Заметил он только Начальника, возвратившегося с утреннего доклада; за десятилетия работы Николай Данилович научился различать стук каблуков Семена Игнатьевича среди многих других, более громких звуков, когда тот шел по коридору их этажа, а в моменты наивысшей чувствительности — когда Начальник спускался сверху от директора. Правду сказать, что он, как любой другой служащий канцелярии с более чем пятилетним стажем работы, не удивлялся такой избирательной сверхчувствительности: за годы службы и Петров, и Кефалин, и старослужащие из женщин, очень способная Татьяна Викторовна в совершенстве, научились тому же, изощренно специализировав свои органы чувствования. И сам Начальник обладал – это тоже знали все в учреждении — таким же сверхчутьем, но только на ботиночный стук ног директора и первых замов с правом проставления гербовой печати на их подписях. Не раз, не два, а много поболее выбегал он

из кабинета и, орлино окинув всю канцелярию разом и каждого по отдельности, но очень быстро, скороговоркой предупреждал (а телефон в кабинете перед этим не звонил, звонков-то никто не слышал!):

— Рабочий порядок, товарищи! Петров и остальные — отложите выходить на перекур... Иван Григорьевич к нам спускается на этаж, может в канцелярию зайти

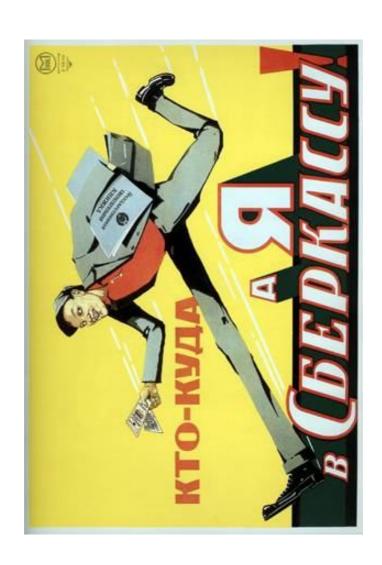
И... чудо, едва неряха Бутурлина разравнивала бумаги на столе, обжора и толстуха Федорова с Кефалина ряда прятала в ящик отъеденную булку, а Татьяна Викторовна двумя-тремя быстрыми мазками подкрашивала губки, как отверзалась коридорная дверь и входил сам директор. Кефалин, читавший в минуты душевной хандры научно-популярные книжки по мировым загадкам истории и науки, полагал, что каждый Начальник по отношению к подчиненным излучает сильное биополе, причем улавливаемое только настроенным на данную частоту мозгом его подчиненного.

Так и теперь, услышав стук темно-коричневых голландских ботинок Начальника канцелярии, Николай Данилович поднял голову, скорчил почтительную улыбку верности, чуть тонированную показной усталостью, мол, не дремлем, в ответ на ободряющий кивок Начальника, также слегка окрашенный дымкой понимающего сочувствия.

Время за работой шло, летело, и за положенные до одиннадцати часов минуты некий толчок заставил поднять голову Николая Даниловича. Независимо от его воли и мысли, голова помоталась, как пружинный механизм, и самопроизвольно нацелилась глазами на поднявшуюся со стула Татьяну Викторовну. Последняя же, встав и одернув вниз (на сей раз голубой) свитер, ласково провела ладонями по мягкой шерсти, оглаживая соблазнительный торс, выгнула стан, слегка потянулась, произнесла обычное распевное:

— Товарищи! Одиннадцать часо-о-ов! Мужчины — курить, девушкам на зарядку!

В канцелярии на миг воцарился тарарам отодвигаемых стульев, который могут произвести одновременно

три без малого десятка женщин. Привычно ласково же окинув взглядами стоящую в картинной позе Татьяну Викторовну, поднялись Петров с Кефалиным, но в этот момент все дружно осеклись и замерли в наступившей неловкой, громоздкой тишине, вдруг разом посмотрев на пригвожденного к служебной утвари столоначальника.

— А как же Николай Данилович?— вскинулся и погас непривычно одинокий голос Нади, тридцатипятилетней девушки с тайной симпатией к своему начальнику.

Даже никогда не теряющаяся Татьяна Викторовна ничего не смогла попервоначалу сообразить, слава богу, что сам Николай Данилович, видя общее смятение, а себя — виновником случившейся неловкости, оттого краснея, готовясь провалиться сквозь пол, сориентировался и, торопясь, чтобы никто не опередил, не усилил неловкость, предложил:

- Ничего, ничего, товарищи! Занимайтесь себе, чтобы вам не мешать, я газетку почитаю. Не обращайте на меня внимания.— И, снова торопясь, фигурно изогнув руку, выхватил из верхнего ящика стола принесенную давеча сыном местную газету, развернул, в спешке надорвав лист, отгородился от комнаты простынным листом еще вчера прочитанной газеты. Наблюдательный Кефалин, заметив вчерашнее число на листе, взял со своего стола сегодняшнюю и протянул соседу:
- Свеженькую, Данилыч, лучше почитай. Кстати, там на третьей полосе статья к юбилею Луки Паччоли, был такой итальянец в средние века, так вот он, оказывается, наш хлеб-соль двойную бухгалтерию изобрел. Я еще с утра хотел показать, да отвлекся работой. И самое-то главное: кто написал статью? Знаешь Анциферова из горфинотдела, того, что в нарукавниках всегда? Это он. Оказывается, старик кропает уже десяток лет историю финансовых учреждений нашего города! То-то я его по вечерам встречал за цирком у меня там дядя, зубной врач, живет, место глухое, как в деревне; думаю: «Что он здесь хо-

дит-ищет?» А ведь там архив областной находится... Теперь понятно.— С этим он взял Петрова под локоток, и столоначальники удалились в коридор.

За газетным листом, буквы которого прыгали, не попадая в глаза разволновавшемуся Николаю Даниловичу, поначалу слышался неясный легкий шумок, потом стукоток переставляемых стульев. Раздался перекрестный женский гомон, загремела барабаннофлейтовая музыка из включенного до отказа динамика, под ритмичную румбу зазвучали четкие команды свежего голоса Татьяны Викторовны. А перед Николаем Даниловичем, мужчиной, тайно неравнодушным к противуположному полу, хорошо сохранившемуся для своих пятидесяти с хвостиком лет, причем на нем довольно явственно сказывались последние шесть дней. проведенных в супружеском отъединении, на газетном листе пылало обольстительнейшее видение Татьяны Викторовны, изгибающейся в самых немыслимых физкультурных позах.

Чем дальше, тем хуже: видение жгло, до боли вонзалось в глаза несчастному, совершенно вытеснив из головы мысли о том, кто он теперь, что с ним случилось, что он — больной-уникум. Все-все отлетело, повинуясь зову природы, вытесненное гибко извиваюшимся видением. Стыдясь, посмеиваясь трусливо над собой, он даже сошкольничал: унимая шелест газетного листа, притянул его к самым глазам, надеясь хоть силуэты увидеть через блеклую бумагу, но различил только копошащиеся бесформенные, расползающиеся серые мешки... Тут лучик солнца попал в переносицу, соскользнул на глаз — то была крохотная, со спичечную головку, дырочка на сгибе газетного листа. Он уравнял ее с глазом: в рваную, растекающуюся снежными кристаллами по краям дырочку виднелись отдельно машущие руки, попадала чья-то голова с крашеными взлохмаченными космами. Николай Данилович затаил ненужное дыхание и секунд через десять уловил голову Татьяны Викторовны. Увы? Отверстие было столь мало, что угол зрения не захватывал даже пятой части фигуры, не открывая ее в соблазнительном ракурсе. А еще ближе, совсем вплотную прижать лист к переносице, чтобы расширить обзор, он трусил. Немыслимо мучительные для Николая Даниловича пятнадцать минут кончались. Руки его дрожали.

— Николай Данилович! Николай Дани-и-лыч!— пропела за листом Татьяна Викторовна.— Мы закончили.

Для маскировки он с полминуты подержал еще газету, наконец-то найдя заголовок статьи Анциферова и делая вид полной заинтересованности читкой, а отложив газету, рассеянно взглянул на комнату: вспотевшие полные женщины постарше обмахивались листами ведомостей, молодые же девушки, вчерашние школьницы с румянцами, как ни в чем не бывало подпудривались, взбивали сгладившиеся во время гимнастики каштановые, иссиня-черные и рыжекрашеные прически.

Николай Данилович довел свой нарочито рассеянный взор до Татьяны Викторовны и... густо покраснел, прямо-таки по-детски: она, прищурясь, с улыбкой, понимающе, по-свойски смотрела на него в упор и даже (показалось?) краешком века подмигнула. Она все прекрасно поняла, иначе это была бы не она, красивая, вечно привлекательная, от природы любвеобильная, многоопытная в чувствованиях мужчин любого возраста, а какая-нибудь заштатная, безликая Верочка-Надечка.

Надя же, перехватившая их взгляды, недоуменно и возмущенно передернула плечами, углубилась в бумаги. Николай Данилович, заметивший это, почувствовал себя виноватым. Несколько женщин поопытней также переглянулись между собой. Пристыженный столоначальник с отвращением посмотрел на рваную дырочку в газете.

«Ничего не скроешь от этих баб,— мелькнуло в голове, тогда почему они так часто в цифрах ошибки делают?»

Обстановку в канцелярии разрядили возвратившиеся Петров с Кефалиным, гнавшие перед собой облачко коридорного табачного дыма («Уй, ну и накурились

вы!»— верещала Стелла, любимица Кефалина). Подрагивая животиками, размахивая руками, они совсем затормошили Николая Даниловича, похохатывая над дедом, попавшим в такой цветник.

— Признавайся, дырку-то заранее проделал? ткнул в газету падкий на мелкие пакости Петров, шепотом и сигаретным дымом дыша на ухо окончательно смутившегося руководителя группы. После чего все расселись по местам, вновь понеслось обычное жужжание, щелканье, сморкание и кашель канцелярской работы. Николай же Данилович был выбит из колеи всеобщим, как ему казалось, разоблачением непристойного подглядывания. Но все вытеснялось жгучим желанием закурить («Один порок тянет за собой другой, так и поселяются они в человеке дружной семьей, как селится, к изумлению хозяина, сдавшего внаем квартиру цыгану, в ней целый табор», — некстати вспомнились слова лектора из городского общества «Знание», наставлявшего с месяц назад их канцелярию правильному образу жизни): осторожные врачи, следуя своей извечной доктрине «лучше запретить, чем подумать и разрешить», ограничили его пятком папирос в сутки. Последнюю из вчерашней пайки он выкурил в семь утра, а теперь, разбуженный табачным дыханием Петрова с Кефалиным, неистовый зверь бушевал в легких, перша бронхи, сводя живот, требуя никотина.

«Как же быть?»— нетерпение становилось невыносимым.

- Товарищи женщины?— сильно и громко от неожиданности спросил он.— Вы не возражаете, если я немного покурю. С самого утра не курил...— добавил он жалостливым голосом. На миг все, оторвавшись от бумаг, кое-кто от бутербродов, замолчали, осмысливая неожиданную, диковатую просьбу.
- Да, конечно! Надо же человеку покурить!— воскликнула сердобольная Надя.
- Давай-давай, кури, Данилыч,— зашумели компатриоты Кефалин с Петровым, а последний услужливо, не дожидаясь вердикта женщин, протянул сигарету

и спички, но его опередил Кефалин, который уже стоял у стола соседа, держа наготове зажигалку.

В комнате поднялся легкий, неясный шумок, развеянный однако разрешающим голосом Татьяны Викторовны:

— Курите, Николай Данилович, а мы окна пока приоткроем, все и вытянет.

Благодарно кивая ей головой, Николай Данилович прикурил сигарету Петрова от кефалинской зажигалки, сладко, дрожа всем телом, затянулся. Однако наслаждение было неполным: злобная Бутурлина встала и демонстративно вышла, не произнося ни слова.

— Не обращайте на нее внимания, Николай Данилович, — успокоили его, поперхнувшегося было дымом, сразу несколько женщин. И еще тихо, стараясь не обращать на себя внимания, вышла беременная Валентина Тихоновна из группы Петрова.

Николай Данилович курил, стряхивая пепел в подставленную Петровым личную пепельницу, которой раньше они все втроем пользовались, задерживаясь за квартальными отчетами после работы, когда уходили женщины, а также в предпраздничные дни после традиционного обеда всей канцелярией; тогда можно было по неписаному закону курить при женщинах.

Покурив, Николай Данилович с благодарностью посмотрел на Татьяну Викторовну и продолжил, освеженный, изучение сводной ведомости. К обеду он совсем заработался, даже дважды звонил по телефону в плановый за справками. Аппарат, единственный на всю комнату, стоял на столе Петрова, тот ему протягивал трубку и набирал номер. Это его стало раздражать, но поделать было ничего нельзя. Бестелефонный Кефалин в душе мелко злорадствовал.

Перед обеденным перерывом в канцелярию зашел сам директор, вызвав среди женщин переполох: Семен Игнатьевич в это время отлучился, потому канцелярию никто не предупредил, так как способность слышать из коридора шаги самого Ивана Григорьевича не

была дана рангу Петрова, Кефалина и Николая Даниловича, тем более — женщинам.

Он зашел вроде по делу, даже взял какой-то малозначащий листок в пустом кабинете Начальника, отыскать его помогла подбежавшая на помощь Татьяна Викторовна, но всем стало понятно: пришел проведать Николая Даниловича; с ним он даже имел короткий разговор о самочувствии и успешности сегодняшней работы.

Ушел директор. С ним выбежал Кефалин по данному рукой знаку. На этом закончилась первая, предобеденная половина рабочего дня. Однако звонок на перерыв, такой обычно радостный и счастливый, сегодня вконец рассердил нескольких женщин, в основном постарше, которые в столовую не ходили, а обедали бутербродами, копченой рыбкой, булками и чаем канцелярской заварки или из термосов. Еще вчера их предупредили, что на обеденный час все должны комнату освобождать. Это была трагедия, если учесть, что английский клерк, по какой-либо причине не получивший свою утреннюю газету, страдает неделю после этого несварением желудка; что же говорить о самом святом для человека — еде? Даже учитывая, что наш служащий вроде и живет в постоянном ожидании очередных укрупнений, размежеваний отделов, упразднений, нововведений, что, впрочем, направлено на повышение фондоотдачи и прирост производительности труда.

Глухо ворча, кипя душой, одергивая цветастые полинялые кофточки, четверо старушек и с ними толстая Татьяна, но не Викторовна, конечно, а Бузилкина — молодая, двадцати двух лет, но уже очень хозяйственная, с двумя детьми, весом пудов на шесть с половиной при метре пятидесяти шести роста, удивительное создание, вид, а главное, характер которой заставляли морщиться Николая Даниловича и его соначальников, эталонизировавших соблазнительнейшую Татьяну Викторовну,— вышли из канцелярии. Остальные просто покинули комнату.

Вернулся Кефалин, шепнул Петрову и — к Николаю Даниловичу:

— Сейчас к вам врачи придут на дневной осмотр!

Они, действительно, скоро пришли, уже все знакомые, проделали обычные процедуры, всадили два укола: в вену и — Петров с Кефалиным деликатно отвернулись — в ягодицу. Очень удобно были пошиты брюки Николая Даниловича.

Надо заметить, что последние два часа он испытывал некоторые мучения, но его уже предупреждали много не пить, вырабатывать физиологический ритм. С врачами пришла санитарка, так что и муки закончились.

Врачи ушли, из столовой учреждения принесли специально приготовленный (повара консультировал диетолог из клиники бородатого профессора) и довольно отличный от обычных столовских обел. В оставшиеся до конца перерыва четверть часа Петров и Кефалин по очереди сыграли с Николаем Даниловичем по паре блицов в шахматы, что было обычной утехой дня. Во время игры канцелярия постепенно наполнялась вернувшимися с обеда или пробежки по магазинам женщинами. Они со вновь вспыхнувшим, подогретым расспросами знакомых женщин любопытством вглядывались в приросшего к стулу руководителя группы. Конец перерыва потонул в женском гаме, шелесте бумаги. в которую замужние заворачивали сосиски, купленные в учрежденческом буфете, а незамужние — просмотренные или прочитанные до обеда журналы мод, «Ванду» и «Юность». Со звонком все расселись по местам, не было только Татьяны Викторовны, после обеда уехавшей референтом при Начальнике на городское межучрежденческое совещание и больше в этот день на работу не вернувшейся. Начальник звонил в половине пятого Петрову, сообщил, что совещание затягивается, и он сегодня в учреждение заглянуть не успеет. Бутурлина и Нина Тимофеевна долго шушукались. И.О. Начальника Петров, глядя на пустой стол подчиненной, сипел от обиды и зависти, а Стелла сияла, в какой-то мере заменяя своей фигуркой на сегодня Татьяну Викторовну в мужском обозрении. Ей, правда, было очень и очень далеко до нее; в таком деле одного смазливого личика недостаточно, им врасплох не возьмешь опытного мужчину. Так завершился рабочий день.

Вечером приходили врач с медсестрой, затем из учрежденческого буфета принесли ужин, приготовленный заранее в столовой и разогретый специально задержанной буфетчицей (за введенное дежурство после работы директор приказом, согласованным с вышестоящей организацией с учетом ходатайства из университетской клиники и звонка из столицы, надбавил буфетчице двадцатку в месяц). Из дома принесли термос с заваренным, любимым Николаем Даниловичем индийским чаем, бутылку кефира, бутерброды, а также сегодняшние газеты и купленный по дороге «Огонек». Николай Данилович просил приносить книги.

Жизнь его пошла удивительно ладно и нехлопотно, ибо последние хлопоты, выпадавшие на работе и дома, исчезли: режим соблюдали врачи, уже не жаловался он на временами беспокоивший застарелым гастритом желудок, выпив чуть больше нормы пива или водки, переев соленого или маринованного. Он не испрашивал у Начальника отпуск на сезон посадки или уборки урожая на дачке, клятвенно обещая втрое быстрее подготовить квартальный отчет; сама-то дачка-утеха вспоминалась только мозолями, жарой, перебранкой с соседями из-за разбора воды по бакам. С ужасом вспоминал многочасовые лекции соседей-специалистов по рапсу и спарже. Удивительно четкая, ритмичная и спокойная жизнь пошла попервоначалу у Николая Даниловича.

Быт его устроился как нельзя лучше: стул обставили со временем, как трон парфянского царя, оставив нетронутой в центре драгоценную сердцевину, присовокупившуюся к телу Николая Даниловича, а остальное упрятали под всякие нужные приспособления: мягкие подлокотники, пружинный регулируемый подголовник, на котором он так сладко проводил ночи. На внешней стороне спинки был приторочен кожаный сак, где хранились одеяло, простыни, несколько смен

белья — все специального пошива. В саке хранились три специально пошитых костюма: рабочие — для теплой и холодной погоды, парадный вечерний. В последний Николай Данилович мог облачаться для торжественности в табельные предпраздничные дни, в дни личных юбилеев.

Стол обрамили удобными бортиками-стенками, где поместились читаемые им книги: очень редкостные детективы, отпускаемые областной базой книготорга по специальному отношению из исполкома, книги по отечественной истории от времен Ледового побоища до Крымской войны включительно. В тумбе, приставленной к столу, в ящиках хранилась обеденная посуда, электробритва, всякие иные бытовые приспособления, имелись кофейник и небольшой электрический чайник. Слева у стола встал маленький холодильник, в котором, кроме легкой закуски для проголодавшегося Николая Даниловича, иногда радением сына или Петрова с Кефалиным появлялись пивные бутылки. Грешен был насчет этого напитка. На столе стоял небольшой пультик с кнопками: одна включала чайник, другая — кофейник, третья автоматически удобно подводила под руку книжную полку, а стоило нажать четвертую, как из недр еще одной тумбы, стоявшей поодаль перед первым столом его ряда, с моторным жужжанием вылезал, как Старик Хоттабыч, телевизор. Приличный транзисторный приемник — не чета его «Альпинисту» — стоял под рукой, но так, чтобы не бросался в глаза сидящим в канцелярии. Очень хитроумное приспособление, сделанное по межведомственным связям в НИИ сангигиены, заменяло унитаз, умывальник и душ. Водопровод с холодной и горячей водой, а также стояк, были специально подведены к столу. Ко всему прочему Николай Данилович нежданнонегаданно получил то, о чем не мог мечтать все тридцать лет своей службы: у него появился собственный телефон.

По потолку стол Николая Даниловича полукругом, опирающимся в заднюю стену канцелярии, охватывали блестящие, похожие на рельсы направляющие; пя-

тая кнопка на пульте выдвигала из высокого узкого шкафчика на задней стене портьеру, которая бесшумно охватывала пространство в 12 квадратных метров (в квартире его было 27 метров на троих) с Николаем Даниловичем в центре; он оставался один в маленькой, но очень уютной комнатке с высоким, недостижимым в обычной квартире блочного дома потолком. На предмет курения, на потолке, прямо над головой помещалась принудительная вытяжка — шестая кнопка на пульте. Седьмая кнопка вместо вытяжки включала очень мощный вентилятор. Женщины поставили на стол Николая Даниловича принесенную из дома вазу с роскошным букетом покупных цветов, когда по требованию и немалому к тому ходатайству бородатого профессора в канцелярии установили кондиционеры. О кондиционере не смел думать даже Начальник; единственный до сей поры, плохонький кондиционер стоял лишь у самого директора, и то получить его стоило большой траты нервов. Николай Данилович понимал радость женщин и был смущен собственной ролью: это казалось уже излишним, ибо всякое излишество неотвратимо наказывает, налагает новые обязательства. Огорчала же Николая Даниловича только необходимость, употреблять слабительное — существенный элемент естественных отправлений в его ситуации.

Жизнь устроилась как нельзя лучше. Можно предположить, что все идеальные устремления души Николая Даниловича к покою, удобству, размеренному ритму легкой и неомрачаемой жизни в нынешней ситуации исполнились. Уже мало кто в канцелярии задумывался о страшной неподвижности их сослуживца. Начальник позволял себе покрикивать на него, обнаружив опрометчивую описку какой-либо из женщин в годовой или полугодовой отчетной ведомости. Петров и Кефалин, играя в обед или после работы с ним в шахматы, горячились, орали в бешенстве азарта, которым отличаются игроки в блиц, козла и нарды.

Зимой Николаю Даниловичу было не холодно, летом не жарко. На время обеденных процедур с меди-ками он отгораживался портьерой, поэтому Бузилкина, а с ней четверо старушек по-прежнему обедали в канцелярии; иссяк последний источник злобы. Беременная Валентина Тихоновна из группы Петрова к этому времени родила и положенный год сидела дома с ребенком. Муж ее, наслушавшийся россказней об ужасном происшествии на работе жены, сказал, что детей по мере их возрастания он близко не подпустит к канцеляриям, а наставит к спортивной, военной или какой иной подвижной деятельности. Сам он работал на строительстве крановщиком.

- Ну и бесчувственная же скотина, разговаривали в обед Петров и Кефалин, зашедшие в известное им кафе по причине получения Петровым от Начальника въедливого замечания, что-де пора урегулироваться с тещей, прав не прав, но ему надоело кляузы от нее на учрежденческий адрес получать, а Кефалиным из кассы отпускных. Я бы, кажется, испсиховался, голову разбил о чертов стол в первый же час, напади на меня такая пакость! А он как ни в чем не бывало: спит, жрет да на Таньку глаза масленые пялит. Интересно, как он без баб обходится?
- Мечтательностью, убежденно сказал Кефалин. Есть в медицине такая теория, мне мой родственник помнишь, который в самом начале приходил к Данилычу? рассказывал. Мечтает себе и мечтает, сны видит с бабами, тешится мысленно, успокаивается. Словом, досрочный старческий платонизм.
- Да-а, то-то я вижу: как на Таньку посмотрит, губы распустит, поерзает своим пришпиленным задом, ведомость отложит, вздохнет, в потолок смотрит. Да кто, по правде говоря, на его месте себя спокойно бы чувствовал?..

Бросив окурки в гипсовую плевательницу, Петров с Кефалиным возвратились в канцелярию и дружески подмигнули Николаю Даниловичу, томящемуся на жарком августовском солнце, от которого не спасает ни дефицитный кондиционер, ни мощный вентилятор,

ни расстегнутая до пупа легкая льняная безрукавка. Помочь в борьбе с солнцем может только одно: придумать предлог и убедить Начальника, что интересы дела требуют присутствия его, НН или ММ, в любом месте города, кроме учреждения, а затем махнуть в прохладную (в то далекое время еще не упраздненную) пивную, а если ты резв, молод, красив собою,—то с приятельницей на городской пляж, еще лучше—на пустующую днем квартиру любезного коллегихолостяка.

Эх, мечты, мечты! Всего этого Николай Данилович был лишен: уйти он никуда не мог, собственно, и уйти-то мог только в пивную; был М. далеко не молод, малокрасив, любовницы не имел, общая же пассия мужчин Татьяна Викторовна была подругой представителей более высокого, нежели Николай Данилович, ранга. Да если бы он каким чудом возвысился по службе до этого сексуально-раскрепощающего ранга, все равно вести ему Татьяну Викторовну было некуда: Петров жил с сумасшедшей тещей, как в осажденной крепости, у Кефалина была многочисленная родня, постоянно наполнявшая квартиру.

Тем временем — не бывает добра без худа — на Николая Даниловича изредка стало накатывать, несмотря на наступившее было успокоение. Минутами он страшно пугался своего положения.

— Почему именно меня настигла эта дико странная, не отмеченная в веках, а может, в тысячелетиях болезнь?

К ужасу своему, он все меньше и меньше верил в успокоительный диагноз бородатого профессора. Не успокаивали регулярно проводимые осмотры и консилиумы знаменитостей ведущих столичных клиник и университетов, а также иностранных профессоров, к полному изумлению и восторгу служащих учреждения, приезжавших в дотоле неведомую, скрытую в провинциальной глуши канцелярию, расположенную в небольшом областном городе с плохоньким университетом, лишь недавно усилиями тщеславных городских

властей получившим этот статус на базе местного пединститута.

Кстати, эти визиты пошли кое-кому на пользу (ведь пословица верна: не бывает худа без добра): директор ничтожнейшего учреждения был замечен в верхах, как был некогда упомянут во всех газетах мира скромный собрат-чиновник, начальник крохотного полустанка, где волею судьбы выпало умереть великому мыслителю, основателю нового морального вероучения. По той же причине высоко стал котироваться в областном, правда, масштабе Начальник. На работу он приходил теперь только в отличном финском костюме, в импортных ботинках, не поступавших даже на областные базы, главное же — успешно замедлил рост своей лысины: ему довелось проконсультироваться у заезжего к Николаю Даниловичу медицинского светила по части человеческой растительности.

А Петров и Кефалин достоверно, с точностью до промили, узнали от милашки Стеллы, что Танька переспала с одним моложавым, очень талантливым медицинским профессором из Гамбурга.

— То-то она сияет, даже на Семен Игнатьича чуть свысока поглядывает,— резюмировал Петров.

Никогда раньше во всей жизни мысли Николая Даниловича не выходили за сложившийся круг, очерченный природой, воспитанием, окончательно отфильтрованный за тридцать лет работы в канцелярии: еда была едой, семья — семьей, жизнь протекала в положенных ей берегах, имела точно отмеренную скорость и длину. Понадобилось пригвоздиться к сиденью стула и крышке стола, чтобы у него, взрослого пятидесятилетнего человека, зашевелилось сомнение в жизненных истинах. Только сейчас он почувствовал, что гладкое течение — лишь видимость жизни, что она как покровом скрывает те внутренние, страшные в своей обнаженности законы жизни, которые можно постигнуть. только отбросив этот покров вольно или помимо своего желания, когда в один ужасный миг почувствуешь, что тебя пригвоздила к стулу тайная, непреодолимая сила.

С каждым днем все обнаженнее, тягостнее были видения рока, вороша остатки волос на голове подопытного Николая Даниловича; *сам он стал нестойким*, врачу пришлось давать на ночь снотворное. Днем иногда охватывало раздражение, он пугал несдержанностью тихую Надю и вежливую Нину Тимофеевну. Зато Бутурлина впервые за пятнадцать лет совместной работы стала выказывать ему что-то определенно похожее на уважение, обнаружив в своем начальнике черты, которых у самой было в изобилии.

Но, к счастью для бедного столоначальника, слишком много он прожил до своего заточения, слишком поглупел на однообразной, нудной, первобытно обставленной бумажной работе, чтобы захватывающая рефлексия полностью им овладела. В нем уже безраздельно господствовали ритм, лень души и святое неведение — нежелание мыслить. Кроме того, он начал следить за собой, удерживаясь от накатывающих раздражений, а приступы тоски и отчуждения гасил днем работой, шахматами с Петровым и Кефалиным, вечерами — телевизором, ночью — снотворным, по утрам — газетами.

В этот нелегкий для него переломный момент судьба, как то водится за ней, нанесла внезапно сверхжестокий удар, тем более однажды испытанный: от М. ушла сожительница, ранее называемая им женой, взбесившаяся в последнем приступе молодости. Она была моложе на семь лет и в последний год до происшествия стала красивой, капризной, уж очень мало ценила его как мужчину. Он даже жаловался Петрову. Тот посочувствовал, сказал, что следует быть сейчас настороже: это очень опасный момент, следует смотреть в оба, у нее последний расцвет бабий, и моложе она Николая Даниловича, да не жена вовсе, привыкла мужиков менять.

— Очень она может того...— намекнул Петров,— ты уж будь покрепче!

Но тридцатилетнее сидение в канцелярии не позволило быть «покрепче», а жена дурела день ото дня,

весной по лицу ее бродила очень туманная улыбка, какая была у нее же три года назад в период знакомства с Николаем Даниловичем. Это еще больше встревожило, к тому же Стелла через Петрова намекала, что видели ее с кем-то... Сцены ревности он не устраивал, а затаился, полагая, что минет его чаша сия.

После происшествия Николаю Даниловичу было не до нее, да кто он такой был теперь? И вот случилось... Приметы были явственны: уже не каждый вечер приходила она к нему и все под разными предлогами. Больше всего Николай Данилович отмечал в ней крепнущую бесчувственность, даже плохо скрываемую неприязнь.

Как передали ему потом, не будучи официальной женой, но все же чувствуя некоторую ответственность, не говоря пока ничего Николаю Даниловичу, она объявила о своем уходе бородатому профессору, а тот — директору учреждения. Бородатый и Сам несколько раз подолгу, муторно убеждали загулявшую бабу не ускорять печальный исход без того оказавшегося в чудовищно опасном и несуразном положении Николая Даниловича; директор учреждения говорил ей вместе с председателем профкома о высокой миссии страдалицы-женщины... После они созвонились с ее начальником, и тот безуспешно пытался отговорить от жестокого этого шага свою подчиненную.

Из всех уговаривавших наиболее убедительным был профессор, согласный с ней полностью, «что-де это уже не семья, и привязанность их взаимная не столь уж долгая, просто надо немного, ну полгода-год выждать, и Николай Данилович с легким сердцем ее отпустит» и т.д. Все напрасно, ничего было нельзя поделать с осатаневшей в приступе последней любви бабой. Единственно, на что она соглашалась — подождать месяца два, но соглашалась с видимой неохотой, видно, тот, счастливый соперник Николая Даниловича, торопил...

Однако еще до конца оговоренного срока Юрьева дня шелестящая женская молва в канцелярии долетела

до слуха Николая Даниловича. Он не стал ни жену, ни кого другого расспрашивать, но несколько дней в нем яростно вспыхивали беспочвенные надежды, которые тут же сменялись тоской. Все же баба она была ладная и ласковая, с легкой наследственной цыганщиной. За дни эти обрамление лысины несчастного посеребрилось еще больше. Николай Данилович не рвал, не стонал, не метался: неподвижное сидение на стуле довершило на шестом десятке лет его воспитание терпением и выдержкой. Поэтому, когда однажды вечером в канцелярии собрались директор, Начальник, председатель профкома, три врача во главе с бородатым и завели отдаленный разговор о трудностях и превратности судьбы, то в душе Николая Даниловича все вмиг перевернулось, ушла последняя надежда, он спокойно перебил высоких своих гостей, прямо спросил:

— О жене? Пусть уходит.

Все были поражены и обрадованы: врачи — тем, что организм больного оказался крепким, и приписали это правильности своего лечения, руководители и общественник — что отпадают нудные хлопоты, всегда сопровождающие семейные неурядицы, выносимые за пределы дома. Оставалось только сказать утешительные, ободряющие слова. Но это было проще.

Так легко закончилось? И почему? Наверное, Николай Данилович за прошедший год с небольшим успел отвыкнуть от жены, да и она с чисто женским искусством сумела постепенно возвести между ними стену отчуждения. Наконец, великий жизненный ритм Николая Даниловича нельзя теперь было перешибить ничем, даже семейной трагедией. Во всяком случае, жену видеть больше не пожелал. Сыну, приходившему к родителю, сиделось как на иголках, ему было непонятно отчего стыдно, он отводил глаза в сторону. Теперь и у него появилась забота: разменивать с (опрометчиво прописанной, как он, а теперь и Николай Данилович считал) несостоявшейся мачехой их двухкомнатную квартиру.

Чтобы поднять дух Николая Даниловича и наказать неверную жену, а главное, с учетом слишком большой

известности учрежденческого больного, директор проявил гибкость действий и широту души: отстранив неопытного сына от разменного дела, в котором его могли облапошить в два счета, директор велел хорошо знающему бытовую сторону жизни Кефалину официально представлять интересы отца и сына от имени учреждения, а тот скоренько через суд, осыпаемый проклятиями новобрачных, выселил их в комнату с подозрительными соседями, самый тихий из которых только что пришел с трехлетней отсидки за тяжкое членовредительство. Подзащитным отошла однокомнатная квартира, в которую была поселена учрежденческая уборщица Зоя с дочерью, до того жившая в бараке на окраине. Николаю Даниловичу с сыном из специального фонда исполкома выделили двухкомнатную квартиру последней, улучшенной планировки на престижной улице в центре.

Николай Данилович возликовал, благодарил по телефону Ивана Григорьевича; более всего радовался сын, получивший вожделенную свободу. Как ни странно, но Николаю Даниловичу было почти что жалко бывшую сожительницу. Врачи со своей стороны решили также утешить больного и совершенно необоснованно намекнули, что лечение его продвинулось к лучшему. Каждый утешает как может.

Действительно, две эти благие вести поддержали Николая Даниловича, хотя, собственно говоря, огорчаться теперь, по прошествии всех переживаний, не было причин: живя с женой, он мысли не допускал, что сможет так свободно и безболезненно пережить — не дай бог сглазить! — разрыв, хотя ее глупость, болтовня, цыганистые глаза, а пуще всего — цыганистые же глазки, что она строила встречным на улице едва не двадцатилетним парням, очень раздражали его. А теперь случилось, но... Сын вырос, квартирный вопрос разрешен как нельзя лучше. Что еще? Петров и Кефалин, бывшие на десяток лет моложе его, и особенно женщины в канцелярии долго изумлялись, даже него-

довали, нет, не на бывшую жену, а на Николая Даниловича, столь легко перенесшего удар судьбы.

— Бревно сидячее! Так ему и надо! Одна жена ушла, теперь другая, а ему хоть трава не расти — газетки почитывает да ведомости строчит; жена, бедная, небось слезы льет ручьями от жалости и бесчувственности евойной... Бог видит, кого наказывать надо! — утвердила общий приговор обычно вежливая Нина Тимофеевна, а зашедшая проведать коллег и получить деньги за декретный отпуск Валентина Тихоновна из группы Петрова, находящаяся в апофеозе материнства и женской консолидации, сказала, что все наказания судьбы — за бесчувственное и плохое отношение к женщинам, — женщина не может быть плохой, даже если окажется такой, — авторитетно приговорила она. Только пожилые сотрудницы, исключая Нину Тимофеевну, и Начальник, имевший бранчливую жену, которая давно была у него в забросе, особенно-то перед цветущими прелестями Татьяны Викторовны, понимали Николая Даниловича, хотя каждый совершенно посвоему, но, в общем, все верно.

Наиболее конкретную оценку дала грубая Бутурлина. Раз в конце обеденного перерыва, когда Николай Данилович отгородился от канцелярии вместе с задержавшимися с новой процедурой врачом и медсестрой и когда женщины шептались, все еще пережевывая вместе с бутербродами личную трагедию столоначальника, Бутурлина громко заявила:

— Всегда в жизни так бывает: либо баба под пятьдесят взбесится, либо мужик спьяну повесится!

Николай Данилович расслышал сквозь портьеру и признал полную справедливость этих слов. К вечеру стало грустно, беспокойно, он клял себя, что не додумался попросить медсестру на вечернем осмотре сделать на ночь аминазиновый укол. Но было поздно, а звонить и вызывать по таким пустякам было совестно, ведь Николай Данилович всю жизнь служил в малых чинах, старался никого не беспокоить зазря, как того желал и по отношению к себе.

Со скукой часа полтора смотрел в телевизор, заряженный на бесконечный всемирный матч прыгунов в длину, задремал. Проснулся близко к полуночи, выключил мерцающий экраном телевизор, попал глазами на раскрытую книгу и недолго читал скучный детектив. Спать и читать расхотелось, темнота зашторенной портьеры давила. Нажал кнопку, незнакомо ощутил себя в затемненном зале канцелярского замка: в растворенные на ночь фрамуги вливался свежий ночной воздух, темнота выходила через высокие окна на серебряный лунный простор мира. Редко доносился резиновый шум пробегавшего троллейбуса, увозившего прожигающие юные годы парочки из центрального парка, доставляющего их в подъезды, окраинные скверики, общежития, к папам-мамам. Николай Данилович замечтался, смущенный ночной свежестью и неясностью. Здесь его захватил врасплох долгожданный сон с чудесными видениями...

Снилась ему, конечно, родная канцелярия; сновидение отбросило всю условность обычного, внешне реального дневного обличья, исчезла казенная убогость служебного помещения, уступив место краскам сна, порожденным прихотями мечтающего ума человека, видящего в мыслях и конуру своей собаки миниатюрной копией дворца Цвингера.

Во сне предстала комната канцелярии пиршественным залом с фресочной росписью потолков, мраморной облицовкой стен, с двойными рядами колонн. Люстра Большого театра (один раз там был Николай Данилович, награжденный экскурсионной поездкой от профкома) венчала зал, а ковры, в которых тонула нога по щиколотку, устилали драгоценный мозаичный паркет. Что там изображалось, того за коврами видно не было, только у стола Николая Даниловича, где от ковров освобождал кусочек пола в полтора квадратных метра, четко вырисовывалась мозаикой голландская туфля Начальника. Растворенные огромные окна и отдельные окошки верхнего света впускали чудесный, прохладный ночной воздух, слегка отдувавший во-

внутрь зала прозрачные легкие занавеси. Над входной — из коридора — дверью высились хоры, за перилами которых виделись головы, манишки, атласные фрачные отвороты музыкантов камерного оркестра, причудой сна усиленного медными с духовыми. С хоров доносились вперемежку сладчайшие приглушенные мелодии Перселла, Монтеверди и Люлли (имена эти Николай Данилович частенько слышал в обеденные перерывы из включенного в канцелярии динамика).

Все служащие канцелярии в художественном беспорядке расположились в мягких кожаных креслах вдоль стен, у колонн, а наиболее зябкие — у врезанных в стены каминов. Инкрустированные столики на колесиках были удобно пододвинуты к креслам; шло служебное время, поэтому столики не пустовали: беременная Валентина Тихоновна из группы Петрова во сне она отразилась еще беременной, хотя в действительности уже перешагнула из декретного в неоплачиваемый отпуск — медленно, но часто в перерывах между приступами дурноты ела бутерброды с новомодной колбасой по девяносто пять копеек (за сто грамм). Весь столик был завален бутербродами, а их все подвозила и подвозила на медицинской тележке уборщица тетя Наталья. А Валентина Тихоновна, бессмысленно уставясь своими тревожными, боящимися, измученными глазами на покрасневшем и подурневшем, в крупных пятнах лице в синий прожилочный мрамор колонны, методично, безаппетитно сжевывала их один за другим. Сидела она копной — на восьмом месяце в покойном кресле, одетая в цветастый халат-платье, сдвинув колени, плотно прижав друг к дружке ступни ног в тусклых серых туфлях без каблуков.

Злая Бутурлина сидела одесную ее, но не в кресле, как большинство, а на металлической кухонной табуретке. На столике перед ней заходился в беззвучном лае прикованный за ногу к цепочке бульдожик с красными от ненависти глазами, изрыгающий клочья пены, плюющий слюной. Бутурлина ненавистно смеялась, дразнила пса, тыча ему в морду остро отточенным карандашом. Порой она брала с колен бланки ведомо-

стей и совала в пасть собаке, а та их вмиг изрывала, осыпая столик, Бутурлину и пол рваными бумажными хлопьями.

Старая девушка Надя гуляла по залу в черном кружевном платье до пят, перед ней семенил пушистый комок-шпиц. Порой он вздрагивал, подбегал к ножке чьего-либо столика и непристойно поднимал крошечную лапку. Надя беззвучно плакала, откидывая вуаль, подносила попеременно к глазам кружевной белый платочек с сиреневой каймой и флакон с ароматической нюхательной солью — к носу.

Сам Николай Данилович, Петров и Кефалин играли в шахматы. Почему-то доска была треугольной, каждому по стороне, играли сразу втроем в обычно парную игру, причем на коленях Ефима Марковича сидела по-пляжному одетая Стелла, обнимая его за плечи, шепча безостановочно на ушко своему руководителю. А тот, переставив очередную фигуру на треугольной доске, ласково поглаживал освободившейся рукой Стеллу, другой же рукой шаловливо хлопал по тянущейся к Стелле руке Петрова. А так как темп игры был бешеный, то у Николая Даниловича зарябило в глазах от беспрерывно мельтешащих рук, переставляющих деревянных болванчиков и гладящих слегка суховатое Стеллино плечо.

Однако центром была, конечно, огромная кровать с фиолетово-кровавым балдахином, стоявшая посредине зала. Растворенный в объеме помещения свет без видимых источников высвечивал содержимое кровати через кисейные завесы балдахина, а содержалась в ней томно потягивающаяся, возлежащая на подушках Татьяна Викторовна. Глаза всех мужчин в зале сверкали огнем неугасимым, когда оборачивались они и видели это чудеснейшее и роскошнейшее создание природы («Лучше даже, чем рапс»,— отзывался о подобных женщинах сумасшедший сосед по даче) с точеным бюстом, идеальной округлостью живота, пухловатыми амурными ручками, с рассыпавшимися по плечам струями волос. А при взгляде на матового оттенка, невероятно гладкого овала бедра Петров, Кефа-

лин и Николай Данилович передергивались, у них отвисали нижние губы, слюни стекали на подбородок. Спохватившись, строго окинув взглядом подчиненных, они с хлюпаньем втягивали губы и рукавами пиджаков утирали слюни.

Прошел час-другой. Оркестр на хорах, подражая репродуктору, протикал одиннадцать часов. Отлетела кисея под балдахином, из-под нее выглянула лукавая Татьяна Викторовна и весело сообщила:

— Товарищи! Уже одиннадцать часов, приступаем!!

При словах этих женщины в зале злобно рассмеялись, ссутулились, отвернулись вместе с креслами к стенам и под физкультурные аккорды камерного оркестра, усиленного медными духовыми (тут-то они вступили), начали делать, не сходя с кресел, производственную гимнастику, вытягивая перед собой руки, сжимая и разжимая ладони. Татьяна же Викторовна задернула кисею, вновь возлегла.

Отворилась парадная входная дверь и быстробыстро, зажимая по-деловому папку локтем, вошел директор учреждения, сам Иван Григорьевич. Выбежавший из своего кабинета Начальник громко прокричал: «Ку-ка-ре-ку-у!» — и, как оттянутый резинкой, снова влетел назад в кабинет. Директор же скоро подошел к центральному месту зала, оставил на ближайшем свободном кресле папку, около которой тотчас на страже встала Любовь Гавриловна Семенкина — заведующая архивом учреждения, поправил галстук, откашлялся, отдернул кисею и зашел в храм прелестной обитательницы.

Слезы обиды и зависти замутили взор Николая Даниловича; как он ни высматривал, ничего четкого за кисеей увидеть не смог, только размывчато переливались, как на дне морском, черный ворон пиджака и гибкая слоновая кость, пересыпанная струями распущенных волос. Когда слезы обиды высохли, то увидел Николай Данилович выходящего из зала Ивана Григорьевича с папкой под мышкой, опять-таки оправляющего галстук.

— Следующее упражнение!— пропела из балдахинного полумрака Татьяна Викторовна. Женщины снова злобно зашипели, не оборачиваясь, опустили руки, вытянули в прямую линию ноги, сбросив туфли и босоножки, начали шевелить ступнями ног. А из кабинета выбежал, разбрасывая на ходу одежды, Семен Игнатьевич и нырнул под кисею. Вновь горько заплакавший Николай Данилович различал только смуглое пятно тела Татьяны Викторовны и поросеночно-белую тушу незагорающего от природы Семена Игнатьевича.

...Следующим подбежал к балдахину Петров, давно сидевший как на угольях. В волнении он опрокинул, вскакивая со стула, треугольную шахматную доску. У самого балдахина лоб в лоб столкнулся с неведомо откуда возникшим бородатым профессором. Оба завизжали, легко подрались и, взявшись за руки, вместе прыгнули под кисейную сень.

— Караул!— с криком вбежали в зал с разных концов директор и опять раскидывающий на бегу одежды Начальник. Оба схватились за руки и нырнули туда же. С сокрушающим стены учреждения грохотом через зал пролетел «Боинг-747» авиакомпании «Люфтганза», следующий рейсом из Гамбурга; атлетического вида парашютист ухнул на кровать, пробив крышку балдахина. С визгом, со Стеллой на плече, помчался и рухнул в кучу-малу Кефалин. Вбежала завмедпунктом Людмила Сергеевна, одетая по-ранневесеннему в сапоги, белый халат, норковую шапочку, и ввалилась на ложе, сорвав кисею. Затем понеслась вселенская кутерьма: с криками «все люди братья!» из проема снесенной с петель парадной двери вбегали знакомые и незнакомые Николаю Даниловичу мужчины, женщины, и все падали, ныряли, вползали на бескрайнее ложе. В зале стоял страшный визг, хрюканье, страстные стоны. Огромная живая куча ворочалась, переплеталась под балдахином с сорванной кисеей, а Татьяна Викторовна одиноко парила надо всеми и из помойного ведра осыпала рой лепестками лилий. Четким голосом она пропела:

— И наконец заключительное упражнение, ну! Все вместе!

Женщины вскочили с кресел, взялись за руки, огромным хороводом в темпе фарандолы поскакали вокруг зала, прижимаясь к стенам и колоннам. Оркестр наяривал «Барыню», Николай Данилович рванулся что было сил на голос Татьяны Викторовны, но страшные цепи держали его на стуле.

- Николай Данилович!— кричала Татьяна Викторовна и весь дирижируемый ею рой.— Идите к нам, здесь весело!
- Не могу-у-у! Держит что-то-о-о...— простонал Николай Данилович и горько, во весь голос, яростно зарыдал, как плачут только в детстве.

А зал ходил ходуном, как в улье, ворочался живой комок потных тел, словно заброшенная помойка, окруженный ворохом разномастной одежды. Женщины из канцелярии разделились по двое, по трое, болтали, сидя перед колоннами, уминая при этом огромные, в полбатона, бутерброды, со шпротным паштетом. Быстрыми шагами, гневная, металась зигзагами по залу Татьяна Викторовна в строгом пиджачном, английского покроя, костюме, утирала распухшими, покрасневшими после вчерашней большой стирки ладонями едкие слезы обиды, исступленно кричала:

— Валите! Валите все в кучу, еще парочку горилл мне сосватайте, злые вы люди, завистью и похотью одними живете!...

Негодующее чувство высотой с экспериментальный двадцатичетырехэтажный дом, сооружаемый на углу Серова и Петрозаводской, подхлестнуло Николая Даниловича, он гаркнул:

— Уймитесь, аут! Все по рабочим местам!

Свист и грохот обрушились на него: канцелярские женщины, размахивая руками-крыльями, разлетелись по своим креслам. Под балдахином взметнулись остатки несорванной еще кисеи, посыпались на ковровый пол потные, красные, как из бани, тела. Они в спешке, не разбираясь, хватали юбки, пиджаки, туфли, носки, брюки, бюстгальтеры, галстуки и с поросячьим

визгом вылетали в коридорную дверь, в окна, в дымоходы каминов. Пробежал к себе в кабинет Начальник, а после всех чинно, держа под локотком папку, поправляя сбившийся галстук, вышел из зала директор. Через плечо у него была перекинута огромная импортная спортивная сумка с намалеванными бородатыми рожами и надписью Nazareth, а в сумке сидел элегантный загорелый профессор из Гамбурга, жевавший поимпортному — держа обеими руками — гамбургер с запеченной полусырой столовской котлеткой, кокетливо помахивающий высунутой правой ногой без ботинка и носков с зажатым меж пальцев гипюровым платочком, ласково каркающий:

— Кар-рр-рашо! Кар-рр-рашо! Високий класс — почити Евр-р-ропп!

В дверях директор задержался, строго, орлино окинув комнату, прикашлянул и сказал:

— Главное, товарищи, дисциплина труда. Бутурлина! Я ставлю вам на вид: опять вы едите в рабочее время. Оно — драгоценно! Ни минуты простоя!— И вышел, гневно прихлопнув дверь.

Стало тихо-тихо, только в своем кисейном чертоге сладко зевнула со всхлипыванием порозовевшая от гимнастики, похорошевшая, но с размывами слез на серьезном лице Татьяна Викторовна. Она вытянула на постели свое чудесное, недоступное тело, отвела челку, спустившуюся на глаза, заложила руки за голову и, прикрыв зрачки ресницами, задремала, улыбаясь во сне по-детски, затем разомкнула очи и явственно, заговорщицки подмигнула Николаю Даниловичу. Он застонал, с ужасной силой рванулся к ней, все поняв, захотев утешить, по-отцовски пожалеть ее, овечку в вожделеющем стаде, но резко-пререзко раздирающая на части боль осадила; он проснулся с ощущением неловкости, неприятного чувства от стыдобищного сновидения, но сквозь все эти неприятные чувства робким лучиком накатило нечто теплое, радостное.

Несколько секунд он непонимающе сидел, уставясь слипшимися глазами на окно с утренним рассветом,

косо проникавшим теплыми лучами в комнату. Ныли локти и низ спины, свинцовым грузом налились ступни ног. Он сложил руки столбиком, оперся щеками на ладони, расставленные ижицей, тихо просидел до прихода раннего Петрова, жившего в дальнем микрорайоне, где было плохо с транспортом, поэтому приезжавшего на службу или с опозданием на четверть часа, либо на полчаса раньше.

— Что мрачный такой, Данилыч? Опять конец света приснился?

Надо сказать, что последнюю неделю Петров как-то удачно, хотя с пересадками, добирался до работы, а поскольку выходил из дома с запасом времени, то входил в учреждение за полчаса до звонка, что его сильно злило («Нельзя же так неэкономно расходовать время», — ворчал он). Естественно, что первым, на ком он мог сорвать злость, оказывался Николай Данилович, благо повод был: неделю назад тот, по простоте душевной, рассказал Петрову странный сон с видением конца света и явно религиозного содержания. Подсевший к концу рассказа дотошный, любивший делать аналитические выводы Кефалин окончательно раскрутил доверчивого Данилыча на откровенность; сообща они втроем сделали вывод о причине столь непривычного сновидения. Николай Ланилович, стыдясь, признался им, что в последнее время... церковники одолели. И так безгранично были далеки друг от друга учреждение и церковники, что оба столоначальника в первый миг не могли взять в толк: то ли совсем плохо с головой у Данилыча стало, то ли ослышались? Но разобравшись — поверили, похвалили Николая Даниловича за высокую бдительность и стойкость характе-

А церковники действительно заинтересовались несчастным, попытались было, следуя завету профессионального рыбака-апостола Петра, уловить его в свои сети. Отчаянная нелепость случившейся с Николаем Даниловичем беды, о которой стало известно всему городу, поможет, как показалось им — как организованным церковникам, так и сектантам, без

особых хлопот обратить М. к вечной истине: «Нет бога, кроме бога!» Тем более лестно было иметь своего клеврета, безотлучно находящегося в учреждении,— своего рода полпреда. Тем самым, предвиделось им, божья благодать через обращенного в истину Николая Даниловича автоматически изливалась бы на учреждение и способствовала привлечению все новых и новых обращенных видом и силой примера. Долгоиграющие планы были у церковников, настало время их исполнять.

Трудность заключалась в том же, в чем состояла важность приобщения Николая Даниловича: в его неподвижности и замкнутости в стенах учреждения, куда, понятно, доступ посторонним был закрыт. Как быть? Попытался было один бойкий функционер секты адвентистов проникнуть в учреждение, а именно, в канцелярию Николая Даниловича под видом заблудившегося просителя по делам подведения водопровода к своему частному дому в пригороде, собирался накоротке побеседовать с М., но был уже на пороге учреждения опознан учрежденческой знаменитостью, внештатным лектором-атеистом областного «Знания» Гаврииловым. Петр Петрович как раз выходил на улицу, намереваясь отнести в правление общества отчет за квартал о прочитанных лекциях по атеизму и беселах с комсомольцами, — и лоб в лоб столкнулся с функционером, хорошо знакомым ему в лицо; Гавриилов в качестве внештатного же сотрудника областной газеты ему поручали написание атеистических статей часто бывал на собраниях легальных сект города. Узнав своего врага, функционер в смущении сделал вид, что спутал учреждение с баней, и удалился восвояси.

Мало того, что адвентист провалил свое дело, но он предрешил неосторожным появлением крах всех попыток церковников и сектантов обратить Николая Даниловича. Живо смекнув, зачем мог пожаловать подобный гость, Гавриилов быстренько повернулся в учреждение, доложил руководству и общественности о возникших подозрениях, оставил на время чтение лекций своей пастве и начал по полтора часа в день

после работы, включая нерабочую субботу — был Гавриилов истинным подвижником святого дела,— заниматься с Николаем Даниловичем, впрочем, без огласки, дожидаясь, пока канцелярия опустеет. Уже через неделю Николай Данилович проникся отвращением ко всему церковному, а слово «секта» не мог слышать без содрогания. Страшные фотографии приносил ему Гавриилов. В рабочее время Петр Павлович стоял рядом со своим тезкой, вахтером Петром Дмитриевичем Бойко, на входе в учреждение, зорко всматриваясь в лица входящих. Путь к Николаю Даниловичу был перекрыт.

Пробовали темные силы действовать окольно через сына, которого было расположили к себе нехитрыми приемами, благо парень был молод и простодушен, но едва тот начал заговаривать о смирении и принятии забот о нем душевных сочувствующими не по долгу службы людьми, как отец предал его, ничтоже сумняшеся, в руки Гаврилова. На этом дело закончилось.

Последнюю попытку обращения Николай Данилович нашел как-то в конце рабочего дня... между листами ведомостей. То было святое письмо, написанное старушечьим полууставом на мятом листке из школьной тетрадки. Он страшно испугался, но все же показал Петрову. Оба решили, что это дело рук Бутурлиной, которую Гавриилов давно подозревал в сочувствии сектантам. Петров посоветовал письмо порвать, а любознательный Кефалин, коллекционировавший всякие забавные кунштюки, попросил списать занимательный текст, строго сохранив стиль и грамматику: «Святое письмо. 10 лет мальчик в белой ризе видел Бога на берегу и одрок он говорил передаш это письмо из руки в руки оно должно поройти повсему свету За это письмо вы получаете большое счасьтье и незабывайте бога святого духа. одна семья переписала это письмо д.раз и получила большое счасьтье через 30 дней А другая семья порвала это письмо и получиль неизлечимую болезнь молитесь богу и сына святого духа скоро будат суд живым и мертвым станим мертвоми все и моря напонится кровью и незабывайте бога святую богородицу переписывайте это письмо 9 раз и рассылайти стороны всем. Вы передержити письмо три недели. Вы помрете не излечимой болезнью. Слава отцу и сыну. и Святой Богородицы Аминь. Аминь Аминь». (Последнее «аминь» было написано росчерком под подпись.)

Кефалин взял было ручку, достал из кармана пиджака записную книжку, но, слегка подумав, попросил Николая Даниловича — не в службу, а в дружбу, палец на правой руке сегодня в троллейбусе дверью прижали... — переписать текст на четвертушку бумаги. Заголовок письма он также просил опустить. Николай Данилович сначала подивился просьбе, ибо видел, как Кефалин с утра переписывал набело промежуточный отчет, но просьбу выполнил, ибо почерком своим гордился. Когда же Кефалина вызвал Начальник, Петров не преминул заметить:

- Все осторожничает! Помню, в позапрошлом году ходили с ним и Гаврииловым от учреждения на Дом просвещения: профессорлекнию В международник из столицы приезжал... Там под конец, как обычно, по запискам стал он отвечать, признаться, каверзные вопросы попадались — пиво в буфете было, — смотрю, наш Ефим что-то строчит, да причем левой рукой пишет, потеет, печатные буквы выводит, а правой ладошкой закрывает от нас. Не утерпел, через плечо подсмотрел: «Тов. лектор! Просьба рассказать: какие у нас сейчас отношения с Габоном?» Вот так-то, Данилыч.
 - Нда-а-а... Как же он тетке в Израиль пишет?
- Что мрачный, Данилыч? Опять конец света привиделся?

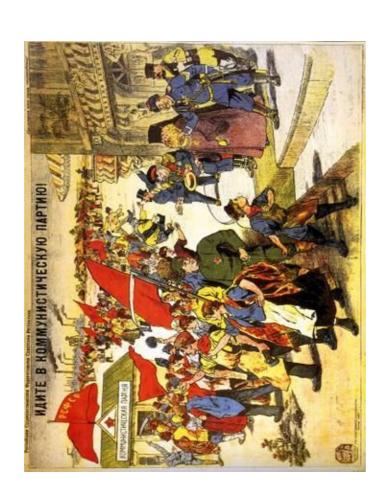
Николай Данилович на этот раз не отшучивался, посмотрел поверх головы Петрова и уткнулся в бумаги, чем немало изумил коллегу, почувствовавшего себя даже неловко. Тревожно было стреноженному столоначальнику, чувствовал: судьба злодейка в последний раз, но наиболее жестоко хочет его испытать, протащив через последний крут ада...

Весь рабочий день, ошеломленный до остекленения ночным видением, Николай Данилович просидел опустив голову, почти уткнувшись носом в бумаги, стараясь не смотреть на розовощекую Татьяну Викторовну, сегодня особенно нарядную — была годовщина ее свадьбы, — исторгающую при ходьбе тонкий пресноватый запах французских духов. В ту весну докатилась до их города последняя, выбежавшая из Парижа год тому назад мода — длинные юбки, и Татьяна Викторовна, законодательница мод в канцелярии и вообще на всем этаже (на нижнем этаже таковой была врачиха из медпункта, враг; на верхнем примой считалась Ниночка — секретарша директора, но только по части моды, так что Татьяна Викторовна считала ее своей подругой, благо той вся подпольная жизнь учреждения была предельно ясна), сегодня торжества для пришла в ослепительном и пугающем новизной наряде: юбка до середины икр и полосатый пиджак прошлогодний призовой комплект коллекции Диора.

— Вроде одета с ног до головы, а смотришь — всю насквозь чувствуешь ,— с восхищением шепнул Николаю Даниловичу Кефалин, словно кот за мышью, водя глазами вслед беспрестанно ходившей по канцелярии Татьяне Викторовне, длинные, обволакивающие, ладно скроенные одежды которой вырисовывали идеальную прямизну ног и округлость бедер. Николай Данилович только ниже наклонил голову, делая вид, что вчитывается в мудрено составленную бумагу.

Однако ядреная крепость сна была столь сильной, что временами он исподлобья коротко всматривался в стены, в столы канцелярии, даже оглядел потолок; стоило прикрыть глаза, как мерещилось виденное ночью убранство: гигантская люстра, мраморные стены и колонны, а над столами среднего ряда облаком плавал балдахин, под которым потягивалась от истомы, вся в кремовых оттенках, соблазнительная обольстительница.

¹ «Скорее обнажает, чем скрывает» (Камоэнс. Лузиада)

Муки стократ усилились во время одиннадцатичасовой гимнастики. Толстенная портьера и дополнительно сложенная вдвое газета, прижатая к самому лицу, стали прозрачней стекла: не понятно, каким сверхпроницающим зрением видел он шаловливо изгибающуюся Татьяну Викторовну. Николай Данилович до боли сжимал веки, но воспаленный видением ночи мозг, дергаемый насильно монашествующим телом нестарого еще мужчины, рисовал все более откровенные картины: уже все женщины канцелярии, совершенно обнаженные, в страшной своей недоступности и разнообразности повторяли, как заводные, движения матового, влажно блестящего тела Татьяны Викторовны.

В обед Петров и Кефалин, также возбужденные новым покровом ее форм, засыпали Николая Даниловича ворохом скабрезных анекдотов. К тому же (все к одному, если черт вмешается!..) на дневной осмотр пришла новая врачиха столь ослепительного вида, с налетом такого столичного лоска, что могла дать фору самой Татьяне Викторовне. Вторую половину дня Николай Данилович просидел до невыразимости мрачный и угнетенный. Одна дьяволом взыгравшейся плоти мысль сверлила мозг. Он гнал ее нещадно, стараясь, доводами разума, ложной рассудительностью упрятать куда поглубже, но мозг мириадами волокон и клеток еще плотнее и плотнее обвивался вокруг нее...

Все шло к одному, и застарелая девушка Надя была по случаю весны — последней ее весны стародевичьего предувядания — сегодня совсем недурна: косметика и томность ласкового весеннего месяца разгладили мелкие сетчатые морщинки лба. Она и причесалась сегодня совсем по-женски, а новые туфли на высоком каблуке удлинили чуть коротковатые, несколько полноватые ноги. Эти изменения бессознательно отметил про себя ее руководитель, подозвав Надю несколько раз к себе, помимо воли выискивая новые уточняющие вопросы по разделу сводной ведомости. А когда прозвенел звонок, то он попросил суетившуюся у стола руководителя Надю задержаться на пятнадцать

— двадцать минут,— завтра срок подачи наброска сводной для корректировки со смежными исполнителями,— объяснил он, покраснев и самым нелепым образом смутившись. Польщенная, неопытная Надя ничего не заметила, а всепонимающие Петров с Кефалиным перемигнулись и поспешили уйти вслед за выбравшимися из-за столов, вылетевшими из канцелярии женщинами («Пусть старик потешится!»).

«А, черт!» — выругался про себя Николай Данилович, он вспомнил, как во время обеденного перерыва за шахматишками зачем-то интересовался у Петрова: на весь ли день уехал в горфинотдел Начальник?

Наступившая в канцелярии тишина еще больше смутила Николая Даниловича. Надя, приставив стул, сидела рядом с ним и трудолюбиво, наморщив лобик с тщательно загримированной небольшой бородавкой, сверяла общую ведомость с папкой подшивок исходящих за последний квартал.

Наконец, решившись что-то делать, сам еще толком не зная что, Николай Данилович скосил на Надю глаза, увидел склоненный затылок с полосками желтовато-обесцвеченных волос, падавших завитками на открытую шею; пульсировала синяя жилка в ямке ключицы... Здесь Николай Данилович закрыл глаза, унимая пронзившую его дрожь, ругая себя последними словами, уговаривая стихнуть забурлившую кровь.

Надя почувствовала этот взгляд, еще ниже опустила голову, от усердия зашевелила губами вослед читаемым словам ведомости.

- Послушай, Надюша...— сухим языком хрипловато произнес руководитель группы.
- Что, Николай Данилович?— тоже несколько непривычным резковатым голосом спросила она, инстинктивно чуть подавшись в сторону, но в то же время чисто машинально отводя ото лба витую прядку.
- Я... хотел...— и, не договорив, спутавшись, потеряв от запаха пряных духов и близости женского тела последний разум, Николай Данилович поймал губами ее плечо, соскользнул чуть ниже, неловко нажав подбородком на ключицу, впился в ямочку у основания

шеи

— Ай!— рванулась Надя в страшном испуге.— Что вы?! Что вы делаете, Николай Данилович?..— Лицо ее вспыхнуло, пламя залило щеки, уши, шею, только белел неровным овалом оттиск губ обезумевшего столоначальника, но и он на глазах налился кровью, затемнел синевато-коричневым пятном на порозовевшей коже

Надя, отойдя от секундного столбняка, вскочила, опрокинув стул, отбежала на два метра от онемевшего же, испугавшегося не менее ее Николая Даниловича, растерянно застыла в неловкой изломанной позе.

— Мхе-хе-эмм,— поперхнулся он, побагровев и обретя дар речи,— Надюша. я... ради бога, не пугайся. Послушай меня, я хотел... я... ты...— запутался его одеревеневший язык. Вся кровь хлынула в голову, язык продолжал лепетать невероятно глупое, путаное, ликое

А у той, беспомощно стоящей посреди канцелярии, все смешалось в голове, разрушив привычный строй мыслей, устоявшихся в размеренной жизни последнего десятилетия с дремотой наяву, тихими затаенными мечтаниями. Дикая, внезапная грубость, неприкрытая чувственность этого человека не то чтобы оскорбила ее — она все перевернула и перетрясла. Как у всех застаревающих сентиментальных дев, переход платонической, скрываемой даже от самой себя любви, этакого раннестарческого извращения беспомощного ума, к телесным ее проявлениям явился низвержением с райских, затянувших на долгие годы небо реальной жизни облаков святой невинности тела и души на грубый нечистотный двор человеческой свалки, где спариваются, тискают друг друга со звериным вожделением, потные люди, разделившиеся по двое.

Кровь отхлынула от ее лица. Внезапная бледность еще более усилила испуг Николая Даниловича, он снова залепетал чушь о любви, одиночестве, тоскующем сердце, покинутой всеми земными радостями душе...

— Вы, вы...— выпалила наконец Надя, расплакалась, схватила со своего стола сумочку и убежала, забыв даже переменить рабочие легкие босоножки на новые, на высоком изогнутом каблуке японские туфли, впервые сегодня надетые, которые во многом были причиной чувственного взрыва пригвожденного к стулу руководителя группы.

Вслед за хлопком затворившейся за Надей двери вошла уборщица тетя Наталья с мусорным мешком, веником, тряпкой на палке с поперечной крестовиной. Она очень подозрительно осмотрела Николая Даниловича и, хмуро поздоровавшись, принялась скрести канцелярский пол.

Николай Данилович несколько минут просидел в полном отупении, затем, спохватившись, нажал портьерную кнопку, положил голову на сложенные печальным крестом на крышке стола руки. Все, все в его голове как перепуталось, так и не могло раскрутиться: чувства ужасной боязни, раскаяния, стыда жгли его; раза два бил себя кулаком по лбу, тихо вскрикивая:

— У-уу! Идиот, баран старый, дур-рак!

Пришедший через полчаса врач очень внимательно посмотрел на расстроенное лицо Николая Даниловича, косвенно поинтересовался: не случилось ли сегодня неприятностей? Особенно, подчеркнул он, личного характера. Врач был немолод, прекрасно понимал, что так запечатлеться на лице служащего человека может только интимная или семейная неурядица, ибо никакая служебная вздрючка в такой сильной степени не задержится после звонка с работы.

Николай Данилович пробурчал в ответ невнятное, однако пульс и давление, измеренные врачом, оказались столь ужасающими, что пришлось сделать пару уколов, проконсультироваться по телефону с профессором и предложить больному отдохнуть дня три. От больничного Николай Данилович наотрез отказался, сообразив, как это будет воспринято завтра в канцелярии.

Хмуро прошел вечер, Николай Данилович жалел, что вместо успокаивающего укола не попросил снотворное. Промучавшись полтора часа, он с трудом уснул, и, к ужасу его, несмотря на отрезвляющее дневное происшествие, повторилось раздражающее непотребное видение прошлой ночи: снова томно выгибался бюст возлежащей под балдахином, сводящей с ума, соблазнительнейшей Татьяны Викторовны, снова была куча-мала... Но все же сон обогатился реальностью прошедшего дня: по залу роскошной канцелярии бродила печальная, вся в черном кружевном Надя. Когда Николай Данилович, в ярости пытаясь оторвать приклеенные руки и зад, стремился к ложу обольстительницы, Надя останавливалась, укоризненно, мокрыми от слез глазами, смотрела на беснующегося, навсегда потерянного для нее мужчину. Когда Николай Данилович начинал в бессильной ярости захлебываться в крике и пена выступала в уголках губ, Надя подходила к нему, как ребенка, гладила по голове. Он же ловил губами ее ладони, но вместо теплой кожи, пахнувшей терпкими духами и пудрой, ощущал нечто холодное, неприятное. Николай Данилович стонал, метался во сне, до посинения прижимал расплющенные губы к стеклу канцелярского стола.

Наутро со страхом, не испытываемым с детства, ждал расплаты. Петров, а затем Кефалин со смыслом подмигнули ему, смутив и напугав окончательно. Одна за другой входили в канцелярию женщины и первым делом, как казалось перетрусившему Николаю Даниловичу, сурово, осуждающе осматривали его. Только грешная, веселая Татьяна Викторовна улыбнулась ему как всегда чуть загадочно («А может, она всем мужчинам так улыбается?— пришло в голову.— Просто не замечал раньше?»). Он с трепетом ждал Надю. Та пришла со звонком, но на М. смотреть избегала. Так прошел весь день. Хотя раза два Надя была нужна, Николай Данилович не осмелился подозвать ее, обходясь справками Веры и Бутурлиной.

Минуло несколько дней. Судя по всему, Надя никому ничего не рассказала, Николай Данилович мог бы повеселеть, прекратись еженощные истощающие видения. Днем он вообще избегал смотреть иначе как на свой стол с бумагами. Внутренние демоны жгли, комната казалась наполненной одной лишь многоликой Татьяной Викторовной, чудесным образом растиражированной и рассаженной по всем тридцати столам канцелярии. Засыпал он теперь легко, охотно и без снотворного: во сне мучения были мимолетнее, менее жгучи, чем наяву. Временами его трясло от страшного возбуждения, а на время гимнастики Николай Данилович отгораживался портьерой, затыкал уши ватой, поверх надевал наушники приемника, включенного на полную мощность. Но помощи не было...

Голос, ритмические сотрясения тела многоликой Татьяны Викторовны проникали через все препоны, видение крепко-накрепко засело в голове. Николай Данилович чуть слышно стонал. Он терял разум и както оставил после работы Веру, молодую замужнюю женщину. Петров с Кефалиным, уходя, откровенно рассмеялись, не утерпев до коридора. Красный, со сверкающими от всепожирающего огня глазами, Николай Данилович, усадив рядом с собой ничего не подозревающую в рассеянном неведении недавнего замужества женщину, как посмотрел, так не смог оторвать больше взгляда от полноватой Веры. Та увидела горящий взгляд, наконец-то сообразила, слегка отодвинулась от своего руководителя, а разглядев бесовское желание в красных бычьих глазах, попятилась вместе со стулом, но Николай Данилович успел крепко схватить за руку, неудобно перегнувшись, стал притягивать ее к себе, остолбеневшую от изумления и страха. Вырываясь, Вера больно ударилась локтем о край стола, вскрикнула от боли, рванулась, с размаху сильно ударила Николая Даниловича раскрытой ладонью но лицу.

— Мерзавец! Идиот сумасшедший!— и, как когдато Надя, заплакав, выбежала в коридор.

Теперь Николай Данилович уже ни о чем не думал, а наутро сразу понял: женщины, от них и Петров с Кефалиным все знают. Осознав это, Николай Данилович, не поднимая глаз от стола, написал заявление на «день без оплаты», отдал его проходившему в свой кабинет Начальнику, на счастье, еще ничего не знавшему. Тот, как обычно, дружески пожурил:

— Будет вам, Николай Данилович, без оплаты-то. Так отдыхайте!— И возвратил зеленый бланк заявления, присовокупив, что-де сейчас вообще нежелательны эти самые «дни без оплаты», в газетах им кличку дали «прогул с разрешения администрации»... Столоначальник задернул портьеру, чтобы отвлечься, включил приемник, надел наушники — резко кольнуло холодной пластмассой раскаленные уши,— бездумно стал вслушиваться в утренний концерт «Маяка».

Перед одиннадцатичасовым мучением у стенки, где портьера обычно отдергивалась для посетителей, раздался осторожный, предупредительный кашель Начальника. Николай Данилович похолодел, с трудом догадался сдернуть наушники. Вошел Начальник, на лице его присутствовало некоторое смущение. Увидев вспотевшее, потерянное лицо подчиненного, сидящего на своем вечном стуле с локотками, навечно же вросшими в сукно канцелярского стола, горестно вздохнул, не стал ничего говорить по сути визита, поинтересовался лишь участливо:

— Наверное, вы устали, Николай Данилович, в отпуск не желаете ли пойти? Сейчас лето наступает, жарко, с работой опять же разгрузились. Ведь вы в прошлом году в мае гуляли... э-э, отпуск брали? Ну и хорошо, я распоряжусь, пусть Петров вашей группой на этот месяц займется; Татьяна Викторовна, гм-гм, вам оформит с завтрашнего дня. Да... чуть не забыл, мы тут вам аквариум с рыбками, так, для развлечения хотим поставить, не возражаете? Ну, вот и замечательно.

С тем Начальник вышел, оставив Николая Даниловича в смятенном состоянии.

Как прошли пятнадцать минут пытки в тот день, мы, совсем уж сторонние наблюдатели, не решаемся описывать. Нам тягостно, но кто оценит муки несчастнейшего?

Однако Николай Данилович не подозревал, что с самого раннего утра большой коллектив медиков и администраторов занят оценкой его мучений. Черным пятном на незапятнанной репутации бородатого профессора стал тот день: всю жизнь корил себя впоследствии, забывая выпавшие на его долю куда более серьезные неприятности, что в огромном комплексе мероприятий по выживанию именитого больного он просмотрел существеннейший человеческий фактор. А ведь давешний медик из Гамбурга упорно толковал в свое время об одной неудобной стороне психофизиологической жизни больного, но, занятый устройством санузла для Николая Даниловича, профессор отмахнулся:

— Это вы там, батенька, у себя с жиру беситесь, с легкой руки разных фрейдов да фроммов напридумывали всяких комплексов. У нас жизнь трудовая, здоровая, а если человек, не дай бог, заболел, на то мы есть — врачи. Что показано, что противопоказано, сами решим и больному разъясним.

Оценили мучения Николая Даниловича. В обед врачи уединились с Начальником в кабинете, имели десятиминутную беседу, вызывая для справок Петрова с Кефалиным. Врачи вышли задумчивые, Петров и Кефалин также изображали озабоченность, считая себя сопричастными к акту излечения очередного недуга несчастного сотоварища. Николай Данилович затаился за портьерой, от волнения даже соснул, чего раньше днем себе никогда не позволял: тридцать лет регламента кого угодно отучат от пионерской, кстати, очень полезной для людей любого возраста, привычки спать после обеда.

Меры к обузданию недуга Николая Даниловича были приняты очень скорые, самые серьезные: на вечернем обходе присутствовал бородатый профессор,

который удивительно ловко и умело все вытянул из больного.

— Ну-у, батенька, от этого не умирают, да мы вам поможем, — и тут же продиктовал дежурному ординатору множество латинских названий, а Николаю Даниловичу сообщил, что, кроме дополнительных порошков и уколов, теперь специальный (а не обычный - два раза в неделю) массажист будет навешать его вместе с врачом в дневной обход, усилят гимнастические упражнения, сам он через день будет проводить с Николаем Даниловичем гипнотические сеансы. (Надо отметить, в первую же ночь после пробного гипнотического внушения, таблеток, дополнительного укола образ Татьяны Викторовны хоть и являлся отнюдь не в рабочей одежде, но витал как бы в отдаленной дымке, волновал, собственно, не его самого, Николая Даниловича, а кого-то стороннего — наблюдателя, второго, поселившегося в голове, потому совершенно лишнего.)

— Надо бы раньше сказать, что вы мучаетесь! А то мы не доглядели, до беды было недалеко, — признался в своей ошибке профессор на другой день, вполне довольный благоприятным началом лечения.

Наутро за портьеру зашел ранний Петров, отбросив все экивоки, сообщил о принятых значительных административных мерах: Татьяну Викторовну срочно отправили в отпуск, Надя сама попросила перевести ее в другую канцелярию. Хотели было дипломатично Веру поменять на девочку из АХО, но та сказала — Петров отвел глаза в сторону, - что, мол, она всяких видела, когда девчонкой на танцы бегала, а потом, когда полгода работала учетчицей на торговой базе, но такого обращения... тем не менее никуда не пойдет, поэтому ее только пересадили в кефалинский ряд, разменяв на почтенную старуху Мариничеву. Вместо Нади взяли новую девочку — маленькую толстушку Настю. Хотели Нину Тимофеевну на всякий случай перевести, но она, досрочно вышедшая из послеродового отпуска по уходу, покраснев, сообщила, что снова на втором месяце, все равно скоро, нескоро, но уйдет на год-два...

Николай Данилович слушал, краснел как рак, внимал нелицеприятным словам Петрова, понимая, конечно, что все это велел передать Начальник. И даже с чувством поблагодарил коллегу.

Петров ушел, часа два никто не беспокоил: Николай Данилович с возникшим интересом посмотрел по телевизору утренний детский фильм. Наушники с резиновыми заглушками не пропускали голосов кричащих в канцелярии женщин. Однако ближе к одиннадцати протяжный зуд, ослабленный было медикаментами, гипнозом и недавними неприятностями, вновь пробудился. Снова всплыл облик пышной в меру Татьяны Викторовны... Но вот донесся одиннадцатичасовой бой канцелярских стенных часов, а ни музыки, ни протяжного голоса соблазнительницы нет? Вошли Кефалин с Петровым почему-то с зажженными сигаретами в зубах, все стало ясно: Начальник, по согласованию с директором, договорился, что женщины теперь будут ходить на производственную гимнастику в конференц-зал на нижнем этаже. Одно мучение вроде как близилось к концу. Николай Данилович, отдернул портьеру со стороны, ближней к окнам. Петров принес шахматы, и они, покуривая, сыграли на высадку уже три партии блица, когда из кабинета Начальника вышла, нарочито сильнее обычного прихлопнув дверь, злая, с поджатыми губами, даже чуть заплаканная Татьяна Викторовна. Она скользнула взглядом по мужчинам, Николай Данилович, сжавшись, со страхом услышал шипение:

— Развалина приклеенная... туда же!

Петров, не игравший в третьей партии, тотчас бросился вслед за ней, а Кефалин ехидно прошептал огорченному, поникшему головой руководителю группы:

— Злится, что ее в отпуск-то теперь. Собиралась с Самим в Пицунду, мне Стелла говорила — от Ниночки по секрету слышала: Иван Григорьевич две путевки в профкоме заказывал, а жена его сердечница, нельзя ни в коем случае на юг... Вот увидишь теперь, Данилыч, и наш завтра-послезавтра в отпуск укатит. К вечеру ус-

покоится Танька, все у них уладится. Нашему-то впору тебя сейчас хоть к медали представлять... за услугу, хи-хи!

Из кабинета прокричали Петрова, который тотчас рысью промчался по канцелярии. Кончился перерыв, вернулись в канцелярию женщины, Николай Данилович задернул портьеру. Он успел прочесть два десятка страниц детектива, когда услышал стук отворяемой кабинетной двери и шорох портьеры. Вошли Начальник с Петровым.

— Николай Данилович! В четверг я в командировку в главк до конца недели уезжаю, а потом в отпуск Иван Григорьевич прогоняет. Заменять меня будет Сергей Александрович,— Начальник коснулся локтя Петрова,— ну и вы с Ефимом Марковичем помогайте ему: Кефалин в работе, вы, коль скоро тоже в отпуске,— по общим вопросам, когда потребуется.

Оглядел муаровую клетушку Николая Даниловича:

- Аквариум еще не приносили? Сегодня обещают. От-тличнейший. аквариум!— И уже Петрову, выходя под услужливо отогнутой им портьерой:
- Я сейчас на финансовую комиссию в исполком, наверное, до конца дня. Пусть Татьяна Викторовна подберет и с собой захватит все сводные ведомости за квартал, отправимся через полчасика, а я тем временем успею на планерку к Ивану Григорьевичу забежать.

В обед, сразу после еды и врачей, четверо рабочих принесли аквариум, который действительно был велик и роскошен: размером с двухтумбовый канцелярский стол, с вделанными в стенки двухъярусным освещением, с зеленым дном водорослей, с двумя воздухопитателями. Водоросли тянулись до самой донной поверхности, растекались по зеркалу аквариума. Множество красных, золотистых, черно-гуталиновых, прозрачных, хвостатых и бесхвостых, маленьких и больших рыбок беспорядочно толкались в толще воды, проткнутой стеблями водорослей.

Рабочие, тихо, почтительно переругиваясь, установили но указанию Петрова аквариум слева от стола

Николая Даниловича так удобно, что дополнительный пультик с кнопками, включающими подсветку и воздухопитатели, как раз был в зоне разворота левой его руки. Старший рабочий показал, что чем включается, после чего они ушли, оглядываясь на аквариум — свою работу, но более всего на диковинного человека, сидящего за портьерой в космическом окружении разнообразных приспособлений.

Оказалось, что аквариум может вращаться на осевой подставке. Николай Данилович нажал соответствующую кнопку, улыбаясь, долго и безотрывно смотрел на двигающийся перед ним маленький океан в разрезе толщи вод. Скоро рыбки, почувствовав вращение, развернулись ему навстречу, закружили в обратном ходе: хвост к голове, друг над другом многоярусными кольцами. Николаю Даниловичу подумалось, что рыбы, как он сам, замкнулись в малом объеме, если он только и может повернуть голову, туловище, руки вправо-влево, так и рыбки могут лишь кружиться вокруг оси, отталкиваясь плавниками от прозрачных стеклянных стенок аквариума. Так Николай Данилович не в силах проткнуть головой, рукой или ногой даже податливую портьеру перегородки, отделяющую его от гуляющего, бегающего, пьющего где и что угодно, тайно встречающегося, явно ругающегося, целующегося, разводящегося, поющего мира, где по утрам не нужно включать солнце кнопкой №...

Увы. Все умерло для несчастнейшего в тот злополучный день, все, что он мало и много ценил в прежней жизни. Жизнь, жизнь... И так вот можно жить, так он живет сколько-то времени? Может, привык? Что есть привычка? Можно привыкнуть жить без руки, без ноги, без головы, наконец, можно привыкнуть обходиться, не будь некоторых маленьких осложнений.

Жить... жизнь!

Внешние проявления жизни никак не отличались у Николая Даниловича от остальных, двигающихся людей: так же приносил пользу обществу своей работой, такие же неурядицы были в семейной жизни — броси-

ла сожительница, взрослел и доставлял хлопоты сын,— бес его под ребро ухватил на старости лет, имел обычные пороки: курил, любил пиво, вот только не хватало еще заболеть. Действительно, почему больной не может заболеть; скажем, алкоголик — гриппом, сумасшедший — алкоголизмом, язвенник — воспалением среднего уха? Словом, будучи больным, всякий может заболеть. А вот Николаю Даниловичу довелось даже перенести серьезную операцию, перенести под аккорд неприятностей, завершающих первоначальный этап привыкания к новому образу жизни.

Дело в том, что давно он почувствовал неполадки со стулом, и пора бы: четырнадцать лет тому назад, еще молодцеватым служащим с фасонистыми, аккуратно подбритыми усиками, получил М. свой стул. В те времена старого директора проводили с аплодисментами на пенсию, а новый, нынешний руководитель учреждения, попервоначалу, как то бывает с любым новым начальником, решил пойти в ногу со временем. В своей вступительной речи на ознакомительном общем собрании служащих, вдохновленный новой должностью, еще сравнительно моложавый директор развивал перед опасливо оробевшими слушателями радостные перспективы:

— ...Пора, давно пора нам, товарищи, покончить с канцелярщиной. Спрашивается, чем мы хуже служащих и ИТР соседнего завода?— и т.п.

Далее директор наметил конкретную программу сближения рабочего быта с обстановкой заграничных и показательных отечественных офисов: капитальный ремонт всего здания с целью придания ему достойного внешнего вида, изгнание департаментских дубовых барьеров и скамеек из коридоров, создание удобных деловых рабочих мест в канцеляриях, замена ньютоновских арифмометров и счетов микрокалькуляторами, успешно в те годы осваиваемыми отечественной электронной промышленностью.

Поначалу программа действий произвела фурор: пенсионеры, испугавшись грядущих неспокойных времен, уволились, служащие помоложе завели мас-

сивные зонты-трости, тем самым вплотную приблизившись к облику клерков. Однако фундаментальные наметки директора воплощены в быт учреждения не были: скамьи, правда, убрали из коридоров, отчего посетители теперь маялись часами, переминаясь с ноги на ногу, но на калькуляторы главк не выделил фондов, а что касается капремонта, то горкомхоз не смог выделить средств, полностью ушедших на пятилетку вперед для строительства более высокого учреждения.

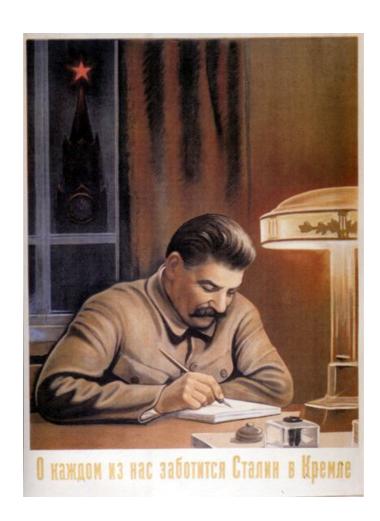
Спасая честь мундира, директор все же выколотил из вышестоящих какую-то сумму, заменил часть наиболее допотопных столов на вертлявые изделия местной мебельной фабрики, зато имевшие вполне современный вид, а главное — сумел где-то отхватить полсотни вполне добротных стульев, один из которых достался Николаю Даниловичу. Но время есть время, ничто не вечно в мире... Вышел срок этому стулу, начал он пенсионно поскрипывать. А во время печальной эпопеи с видениями Татьяны Викторовны неспокойное поведение Николая Даниловича вовсе подвинуло стул к катастрофе: рассохлись сочленения, вибрировала спинка, ножки разъезжались при каждом повороте головы, причем все неполадки со стулом отдавались в теле владельца подагрической болью.

Наблюдательный Кефалин обратил внимание Петрова на скрип стула и болевые гримасы их товарища, а тот, будучи И.О. Начальника канцелярии, вышел на Самого. Собрали консилиум у директора с участием врачей во главе с профессором. После его окончания Кефалин перехватил Ниночку по дороге в столовую, но та слышала только фразу профессора в самом конце, когда заглянула в кабинет со срочной телеграммой: «Итак, операция!» Впрочем, подошедшие после обеда Петров с профессором растолковали испуганному Кефалиным Николаю Даниловичу необходимость капитальной реставрации стула и попутной починки стола, а чтобы тот не заартачился, убоявшись боли, объявили: вся операция пройдет под общим наркозом.

— Заснете, Николай Данилович, как у Христа за пазушкой, проспите несколько часиков, а проснетесь-то в удобнейшем кресле! — бодро заверил профессор. Что оставалось делать несчастному? Как водится, у него самого и сына, как ближайшего совершеннолетнего родственника, взяли подписки о согласии с операцией. Женщин, чтобы не мешали и не любопытствовали, на три дня отрядили в пригородный совхоз на вспомогательные полевые работы, беременной Нине Тимофеевне подыскали на это время работу в архиве. Николай Данилович чувствовал себя пасмурно, потерял аппетит.

С раннего утра в день, предшествовавший операции, канцелярия заполнилась разным народом. При отдернутой портьере раздетого донага Николая Даниловича внимательно осматривали врачи. Бригадир специальной столярной бригады, конфузясь своего белого халата, докторской шапочки, а также мягких тапочек (время от времени он потихоньку ворчал: «Какой же я теперь столяр, ежели без сапог!»), вместе с командированным специалистом из столичного НИИ мебели и интерьера замеряли все детали стула; специалист, кроме того, наносил размеры на заготовленный заранее в увеличенном масштабе чертеж. Принесли по частям и собрали уже известный Николаю Даниловичу рентгеновский аппарат, в разных ракурсах, по частям тож, засняли стул, его владельца. После того, как аппарат разобрали и вынесли, в комнату вошла другая группа людей с приборными ящиками, собрала новый, ранее Николаем Даниловичем не виданный механизм со множеством ручек и светящихся цифрами экранов на пульте. Как объяснил ему профессор, то была установка для ультразвуковой дефектоскопии обнаружения внутренних неполадок в деревянных частях стула. После долгих замеров установку чуть отодвинули в сторону, но из комнаты не убрали.

— После операции вас заново будут диагностировать,— пояснил профессор, ободряя приунывшего было от серьезности приготовлений Николая Даниловича,— так сказать — OTK!

Но совсем было напугала следующая группа техников, наиболее мрачная изо всех экспериментировавших над ним в течение дня: они установили перед столом трубу на подставке, напоминавшую мортиру со стеклами в стволе. Это была медицинская лазерная установка, и профессор пояснил, что во время операции с ее помощью будут обрабатываться наиболее труднодоступные места.

— Впрочем, вы ничего не почувствуете с наркозомто,— все продолжал успокаивать профессор.

Тем временем канцелярия совершенно изменила облик: столы и стулья были вынесены в коридор (вчера еще всех предупредили накануне посылки в совхоз, чтобы служебные бумаги, канцпринадлежности сложили в стенные ниши, а личные вещи забрали домой. Ох, ругали же женщины несчастного Николая Даниловича!). Цветы с подоконников убрали. Комнату разделили на прямоугольники с центральным проходом с помощью медицинских ширм, полы устлали резиновыми ковриками, по которым протянули вороха электрических кабелей, жгуты проводов. В центре установили помост с длинным столом и наклонным пультом. В отгороженных ширмами клетушках разместили медицинские столики-каталки, водогрейные титаны, стерилизаторы и многое другое. Мобильное медоборудование любезно предоставил гарнизонный госпиталь. В дальнем углу расположились столяры с верстаком, маленькими станочками, разным ручным инструментом. На столе бригадир со специалистом проставляли размеры со сборочного на деталировочные чертежи, а последние раздавали столярам; скоро послышался шум тонкого доводочного строгания, жужжание станочков, донесся запах специального клея, запатентованного фирмой «Хейнкель» и присланного по просьбе профессора давешним его знакомцем из Гамбурга². В соседней, тоже технической клетушке несколько

² Через несколько лет этот клей был освоен отечественной промышленностью и теперь выпускается под названием «Момент»

женщин и бригадир-мужчина кроили кожу, высококачественный дерматин, ворошили добротный набивочный материал.

Всем этим скопищем разномастных людей руководил добегавшийся до испарины, охрипший профессор. На обед люди посолиднее — врачи и технические специалисты — уехали на двух микроавтобусах в ресторан гостиницы «Салют» (сообщил Николаю Даниловичу Петров, сам с ними ездивший), остальные харчевались в учрежденческой столовой; столяры, срочности работы для, закусывали тут же в канцелярии. Обедали столяры артельно, кучкой, ели долго, истово, с кряканьем и заметно повеселели к концу обеда. Бригадир брал для чая стакан у Николая Даниловича.

После перерыва народу стало поменьше, да и основная подготовительная работа была закончена. Не мог успокоиться только профессор, он беспрерывно звонил по разным местам, все требовал помочь с мониторами. Судя по его ужесточавшейся интонации, всюду вежливо или невежливо отказывали. Наконец у профессора лопнуло терпение, потому что — Николай Данилович видел, скосив глаза в раскрытую кабинетную дверь — он несколько поколебался, осторожно набрал номер, разговаривал на полутонах, но в конце концов опять не выдержал:

— Так кто же в настоящее время может помочь с монитором: телестудия, НИИ или ГАИ?.. Да-да, именно сейчас, операция завтра ведь с утра!

При слове «ГАИ» Николаю Даниловичу стало тревожно, хотя никогда у него не было иного личного транспорта, кроме детского велосипеда для сына, а улицы он переходил только на зеленый. Как видно, звонок в инстанцию помог профессору с мониторами: на паях помощь оказали ГАИ и областная телестудия; к концу рабочего дня в канцелярию вошли высокие бойкие телевизионщики и гаишники в пропыленных сапогах, кожаных куртках, нагруженные аппаратурой. Как все вновь входящие, они с любопытством осматривали Николая Даниловича и необычный антураж комнаты, затем установили на различных, относитель-

но странного сидячего человека, позициях треноги с мониторами — съемочными телекамерами,— а кабели от них свели воедино на помосте в центре комнаты, на который водрузили кучу приборов с телеэкранами.

В заключение хлопот дня бригада электриков из клиники установила над головой Николая Даниловича на специальной подставке мощные операционные софиты, боковые фонари подсветки с ксеноновыми лампами, а около входной коридорной двери разбили передвижное буфетное оборудование, так как операция должна была длиться безостановочно весь день.

В наступившей вечерней тишине бывшая канцелярия опустела, только в дальнем углу два столяра пристругивали кедровые дощечки, в кабинете Начальника профессор негромко отдавал по телефону последние распоряжения; еще один врач, дожидаясь профессора, психологически подготавливал Николая Даниловича, развлекая его медицинскими анекдотами. В половине девятого вечера врач сделал пару уколов, порекомендовал через полчасика, дополнительно закусив из холодильника, приняв снотворное, заснуть, а профессор дружески похлопал по плечу, и, передав заботы о нем дежурной медсестре, врачи удалились. Утомленный разнообразными впечатлениями суматошного дня, Николай Данилович вскоре уснул без снотворного, подкрепившись бутербродами с бужениной. Грешен был, любил поесть. Сын незадолго до ухода врачей заходил ободрить и — на случай чего — попрощаться.

Розовый закат успел смениться того же оттенка рассветом, а Николай Данилович все похрапывал во сне, так что прибывшему с утренним обходом ординатору пришлось легонько потрепать больного по плечу. Пока совершался обычный утренний туалет и медицинские процедуры, операционная наполнялась народом, рассредотачивающимся по своим клетушкам. После генерального осмотра больного комиссией во главе с профессором наступил ответственнейший момент. Николай Данилович, одетый в стерильный комбинезон, обнажавший места его соприкосновения со сту-

лом и столом, сидел белее своих одежд в центре под слепящим светом операционных софитов (аквариум прикрыли плотной тканью, отодвинули в сторону). Перед ним полукольцом выстроились хирурги, столяры в серых операционных халатах, медсестры удобно устанавливали столики-каталки с хирургическим и тонким, доводочным столярным инструментами. На самом большом столике, сверкающем никелировкой, в нужном порядке были разложены деревянные заготовки: от громоздких крестовин до шпунтиков размером с головку спички. Бригада анестезиологов, окружив Николая Даниловича, делала последние приготовления. Буфетчица на другом конце комнаты заварила чай (для профессора и двух-трех главных специалистов — кофе, для бригадира столяров — по его просьбе — поставила в холодильник бутылку с томатным соком), резала колбасу и окорок для бутербродов. Самый молодой из столяров, не допущенный к операции по причине несвежего вида, потому оставленный в резерве, подмигнув румяной буфетчице, с хохотком взял с прилавка стакан, стащив по пути пару бутербродов, нырнул в свой угол. Профессор и наиболее важные из врачей заняли места на помосте перед пультами с экранами. Осветители, электрики, прочий вспомогательный люд расселся по своим местам. Занял позицию с кинокамерой и ассистентом, передвигающим треногу, оператор, командированный ведущим институтом Минздрава. В кабинете Начальника за столом, уставленным дополнительными телефонами, с громоздким ящиком телекса, сидел дежурный диспетчер из клиники. Приведенные профессором интерны и старшекурсники с медицинского факультета университета в шеренгу по два выстроились вдоль стен канцелярии.

Ровно в девять профессор рапортовал по междугородному, застрекотали мониторы, Николаю Даниловичу приставили к лицу маску. Он вздохнул сладковатый, с яблочным духом газ, некстати подумал о размножившихся рыбках, и... кривые на экранах осциллографов подтвердили: пульс в норме, больной спит. Еще раньше, когда принималось решение об операции, большинством голосов утвердили, во избежание непредсказуемых последствий, сохранить в неприкосновенности зоны контакта стула и стола с больным, сохранить полностью пространственную привязку больного, то есть ни на долю миллиметра не сдвинуть его вниз-вверх, вправо-влево, взад-вперед. Также — это представляло наибольшую техническую трудность — было решено сохранить всю несущую конструкцию стола, усилив ее элементами дополнительного крепления из наиболее прочных пород дерева, заменив негодные уже детали. Кроме того, предполагалось дополнительно обустроить стул для максимального удобства больного, усовершенствовать унитаз.

Итак, мониторы стрекотали, профессор всматривался в телеэкраны, рисовавшие стул с Николаем Даниловичем спереди, в профиль, сверху, снизу из-под стола, и по напечатанной программе, лежавшей перед ним, подавал в микрофон команды. Анестезиологи замерли у своих приборов.

Первым делом Николая Даниловича зафиксировали в пространстве: ноги, руки, туловище, голову во многих местах охватили жесткими обручами, проложенными по внутренней поверхности поролоном, покрытым мягкой ворсистой тканью. Обручи замкнули специальными замками на манер милицейских наручников, жестко прикрепили к кронштейнам, которые, в свою очередь, со взаимной регулировкой закрепили на массивном держателе компактного подъемника, после чего проверили синхронность подвески, перемещая на малых подачах двигателя держатель на полмиллиметра вправо, влево, вверх. При каждом отклонении регистрировалось одинаковое изменение кровяного давления, пульса, сердечного ритма, что свидетельствовало о надежной, правильной фиксации больного. Затем полъемник установили в положение, соответствующее обычной позе Николая Даниловича, после чего началось укрепление фундамента стула: под каждой его ножкой с помощью специальных долот и стамесок были выдолблены во всю толщину досок пола — до со-

прикосновения с подстилающей опалубкой — квадратные отверстия размером сто на сто миллиметров (при этом стул с Николаем Даниловичем повис в пространстве, удерживаемый подъемником). Стул с больным с помощью же подъемника приподняли, наклонили, а на ножки надели металлические подпятники с выступающими шипами. В проделанные в полу отверстия установили и закрепили специальным цементирующим составом металлические пластинки с отверстиями под шипы ножек. Обмуровав ответные части сочленений тем же составом, с помощью подъемника накрепко установили стул на фундаменте. Стул теперь бы не стронулся с места при землетрясении в девять баллов по шкале Рихтера.

К обеду, манипулируя подъемником и целым набором вспомогательных тисков, тисочков, струбцин, кронштейнов, перебрали по частям весь стул, заменив подгнившие, растрескавшиеся или подозрительно сучковатые участки. Склейку по старым местам сочленений, а также приклейку новых элементов вместо выбракованных производили патентованным клеем из Гамбурга, в особо ответственных местах — сверхпрочным клеевым составом на основе циакрина. Убрали весь ветхий дерматин со спинки и сиденья, исключая зоны контакта с телом, но оставшиеся кусочки пропитали специальным консервантом. В половине первого объявили общий получасовой перерыв. Врачи, столяры, вспомогательный персонал наскоро поели, толпясь у передвижного буфета, профессор с ведущими врачами и бригадиром столяров устроили в кабинете Начальника пятиминутку. Конец обеда ознаменовался досадным конфузом: уже столяры взяли в руки нужный инструмент, анестезиологи замерли над самописцами, а профессор, заняв свой пост в центре, дал команду мониторам, как из столярного закутка раздался громкий чих, звон упавшего и расколовшегося стакана, вслед за тем витиеватое матерное ругательство, полусонное бормотание, потом молодой бойкий голос затянул было: «Я — выпускник одесского ОВИРа...», но его грубо оборвал голос постарше, по залу полилось разудалое, берущее за душу:

- По До-о-ну гуля-я-ет, по До-о-о-ну гуллпляет!..— Причем был слышен третий голос, что в упоении йодлировал по-тирольски: «урлы-урлы-рлырлы». Бригадир столяров, с ужасом пришептывая: «Не доглядел, ой, мать вашу, не доглядел...» — бросился в угол и с помощью подоспевших, не занятых пока техников с ультразвуковой диагностики вытолкал в коридор трех нарушителей режима, которых вызванный вахтер Дмитрич повел было для разбирательства в отдел кадров, но, убедившись с их слов, что-де вызвавший его ординатор из команды профессора не начальство и вообще никто, отпустил их восвояси, доведя до двери учреждения:
- По мне, если вы люди хорошие и трудящие, так идите, куда вам нужно; супротив врачов энтих у меня большая злость: ходют нос задрав, а ревматизму вылечить не могуть!

Как показали проведенные позднее расследования, предпринятые из чистого любопытства Петровым, отстраненный за несвежий вид молодой столяр из занятой в операции бригады обиделся, обнаружил в кармане несколько мятых рублей, занял под честное слово «до вечера» у очарованной им, недавно разведенной буфетчицы недостающее, сбегал в магазин, встретил отдаленно знакомого учрежденческого слесаря-умельца Василь Лексеича с личным его приятелем истопником Степановым, которых потихоньку провел в свой закуток культурно провести время и посмотреть на операцию, о которой столько говорили в учреждении. Так как буфетчица, рассчитывавшая в душе на более близкое знакомство с кудрявым столяром, была оскорблена невероятно, увидев, что ее обществу тот предпочел забулдыг, и не дала больше бутербродов, то трое приятелей к обеду задремали, ослабев. Разбудило их чиханье простуженного истопника, а так как проснулись в состоянии космической невесомости, им стало очень весело, они запели. Йодлировал осипший истопник.

После обеденного перерыва была произведена лазерная обработка подозрительных по гнилости, но нецелесобразных ввиду малости очагов поражения для столярной замены участков стула. Затем все поверхности деталей стула обмуровали консервантом, после чего началось наращивание арматуры, усиление жесткости, а поверх всего — приклейка, прибивка, натяжка внешнего оформления под кресло. На этом этапе к столярам подключилась бригада обойщиков. Под обивкой установили телеметрическую зондовую арматуру для постоянного контроля состояния стула в эксплуатации, а также для регистрации биоритмов больного в различных труднодоступных местах. Были перебраны, модернизированы узлы состыковки стула с санузлом. Со стороны спинки и сиденья к местам контактов с телом больного подвели, спрятанные в обивке, микровоздуховоды вентиляторов — для профилактики потницы, капельницы для наружного укрепляющего питания кожи больного. К семи вечера (компанию из молодого столяра, слесаря и истопника к этому времени уже забрали из пригородной пивной в вытрезвитель) операцию блестяще завершили, после чего выполнили сложнейший комплекс технико-медикодиагностических проверок стула, обследовали прооперированного Николая Даниловича.

К одиннадцати вечера канцелярию привели в обычный ее вид. «Уазики» с медицинскими, телестудийными, милицейскими и прочими надписями, громко сигналя, растекались от учреждения. Николай Данилович находился уже не под наркозом, а в глубоком — до утра — послеоперационном сне. К этому времени бригадир столяров разузнал, где находится непутевый член бригады, съездил в вытрезвитель, спекулируя на своем и пострадавшего участии в знаменитой операции, о которой медикам-вытрезвителям было известно от гаишников, вызволил бедолагу. Друзей столяра вытрезвители не отпустили, ссылаясь на напряженный план.

Бригада из трех врачей и двух медсестер с необходимым оборудованием полевой реанимации (машина с соответствующей надписью дежурила у подъезда, пугая окрестных жителей) всю ночь не смежала глаз. Профессор у себя дома также всю ночь не смыкал глаз, нервно ходил в одной пижаме по кабинету, набирая через полчаса-час номер канцелярского телефона.

В половине седьмого профессору позвонили. Тот просиял, замурлыкал вполголоса, оделся и помчался в учреждение: Николай Данилович проснулся в очень хорошем расположении духа, совершенно здоровый. Утренний осмотр во главе с профессором, долго пожимавшим Николаю Даниловичу в благодарность за мужество руку, подтвердил блестящий исход рискованной операции. Выпущенные также в половине седьмого слесарь с истопником, дрожа всем телом, стуча зубами от утреннего холодка и тяжкого похмелья, понуро брели по коротенькой окраинной улочке Театральной, на которой не было театра, но располагались баня, вытрезвитель, приемный пункт прачечной и один трехэтажный жилой дом послевоенной постройки.

Таблетки, уколы, гипноз свое сделали и продолжали делать: Николай Данилович успокоился. После операции жить стало удобнее, покойнее. Где-то на юге осматривали дендрарий, посещали очаги местной культуры («Чайку», «Старую мельницу») Татьяна Викторовна и — предположительно — Начальник. Вскоре ушел в отпуск Кефалин, через пару дней за ним последовала Стелла. Время было летнее, жаркое, полканцелярии пустовало. Отдыхал в продленном на две недели по случаю послеоперационного больничного отпуска Николай Данилович. Часто к нему в портьерную тишь и прохладу заходил потный, скучающий Петров, которому осточертело сидеть в кабинете Начальника. Из канцелярии доносился ровный гул: то неутомимо, методически болтали оставшиеся без присмотра женщины.

А Николай Данилович, переживший в столь короткий срок два потрясения, отдыхал вовсю. Он сидел на своем обновленном стуле, блаженно откинув голову на подголовник, одетый в одни лишь спецплавки, загорая под мощной, полностью имитирующей южное солнце на широте Крыма кварцевой лампой. Тихо, как прибой в Пицунде в районе ответственной дачи в устье реки Бзыбь, рокотал сильный вентилятор, сдувая потные капли с кожи загорающего. Глаза же смотрели из-за стекол пляжных темных очков на зеленоватую воду аквариума. Тихо поигрывал приемник. В одной руке Николай Данилович держал пляжный же детектив Эразма Сапогова, в другой — время от времени подносимый к губам стакан с холоднющим напитком, благодетельным даром холодильника.

— Загораешь, Данилыч!— кисло и завистливо говорил Петров, а тот доставал из холодильника запотевшую бутылку, наливал коллеге пенящийся стакан. Петров отхлебывал, радостно вздыхал, благодарственно хлопал отпускника по плечу, закуривал, присаживаясь на гостевое креслице. Петров тосковал, и не было тайны в причинах тоски. Николай же Данилович, медикаментозно освобожденный от своей тоски, сочувственно поддакивал томящемуся, наливал второй стакан. Петров уходил, чертыхаясь, на трезвон кабинетного телефона, продолжал киснуть в бумагах, в нудных канцелярских делах, а Николай Данилович вновь погружался в курортную истому.

Вечером приходил сын-студент, приносил передачку, менял очередной детектив, глухо рапортовал о своей жизни, ерзал на креслице, пока отец не отпускал. У сына были свои дела, о чем Николай Данилович хорошо знал, да вроде пора ему. Звоня домой, часто слышал женские «алло», пробивающиеся сквозь ворошащую на голове волосы музыку, звон стекла, шум веселья, видимо, у сына пировал весь курс. Проанализировав ситуацию, сопоставив повторяемость женских и мужских голосов, музыку и врожденную простодушность сына, после некоторых раздумий Николай Данилович уменьшил дотацию: вместо половины зарплаты

— сверх платы за квартиру и телефон — стал выдавать сыну только четверть. Но сын обиделся, мягкосердечный руководитель группы сговорился с ним на пятидесяти рублях. Остальные деньги Николай Данилович клал на сберкнижку по перечислению, оставляя себе, как прежде, пятнашку в месяц на мелкие расходы.

После ухода сына опять читал, смотрел телевизор, проверил порядок в аквариуме, засыпал рыбкам корм, а потом, пообедав и приняв врача, заснул, согревшись за день на искусственном солнце. Перед сном на несколько минут раздвинул портьеру, подышал летним городским воздухом, пахнувшим политой пылью и жаркой остывающей листвой.

Засыпал Николай Данилович теперь тихо, быстро, очень покойно. Сновидения больше не путали, не тревожили, только в предрассветные часы туманные, мутные пятна былых бурных видений мелькали во снах. Но он пробуждался, зевая и передергивая плечами от утренней прохлады, делал посильную для его положения зарядку, слушал самые первые последние известия, дожидался утреннего обхода.

Чем больше Николай Данилович смотрел на полюбившихся ему аквариумных рыбок, тем меньше стали привлекать телевизор, детективы, даже имитация черноморского пляжа в устье речки Бзыбь. Однажды, было это уже в начале последней недели отпуска, Николай Данилович чисто машинально взял со стола длинную, узкую канцелярскую линейку селедочного металлического цвета, тут и занятие ей нашлось: на поверхности воды сбились в кучу от вращения аквариума оторвавшиеся от дна зеленые водоросли, а он линейкой их распутал, разложил по всему прямоугольнику. После его заинтересовало, как на уголке линейки собираются капли воды и с бесшумным плеском падают на поверхность. Вся вода стекла с линейки. Николай Данилович вновь обмакнул конец ее и заметил, что две-три самые прожорливые рыбки бросились на сверкнувшее в воде, полированное от долгого употребления железо линейки. Николай Данилович еще не раз, не два проделал упражнение: все больше рыбок собиралось на поверхности воды, бросаясь стайками на утолок ныряющей в воду линейки...

Никогда раньше несчастный руководитель группы не тянулся к рыбалке, хотя много лет рядом с ним сидел Петров — заядлый подледник, да и Начальник любил рыбные пикники, впрочем, равно как охотничьи. Зараза эта не коснулась в лучшие времена Николая Даниловича, но с тем более страшной силой зуд рыбной охоты охватил душу и скованное тело его.

Много чего диковинного живет в человеке, затаившись с тех времен, когда и человеком-то он не был вовсе. Николай Данилович, например, пришел к выводу, что все животные, человек в том числе, произошли от птиц, ну-у... вообще, от летающих существ. В те самые лучшие времена за кружкой-другой по пятницам, вечером, он философствовал на эту тему с Петровым и Кефалиным:

- ...Из чего видно? А вот из того: птица, например, голубь или грач, чего-либо испугавшись, вся поджимается, голову втягивает, то есть готовится взлететь. Видели, конечно? Так и все испугавшиеся животные в первый момент поджимаются, а человек, прикрикни на него Начальник или даже руководитель группы, так мигом голову в плечи упрячет! Многие вот думают это чтобы спрятаться в самом себе, меньше, дескать, казаться (мол, камень мимо пролетит, не заденет...), но это ошибка! Это не так! Просто нутром своим, от птиц доставшимся, он готовится взлететь. Истина!
- Эк тебя на философию-то понесло, смеялся Петров, вот знал бы Семен Игнатьевич, какие у него в отделе филозофы на счетах пощелкивают?!
- Ну так что, ну так вовсе ни о чем не думать? Щелкать да щелкать? — ершился побагровевший от пива Николай Данилович. В это время возвращался отходивший к прилавку за бутербродами Кефалин, с ходу начинал рассказывать, как он в очередной раз отбрил свою приставучую жену, впрочем, называя ее при этом ласково Розочкой. Оказывается, супруга Ке-

фалина заинтересовалась возрастом, в котором Анна Каренина вышла замуж...

Еще пару дней Николай Данилович провел с линейкой, пока не накрыл его с поличным скучающий Петров. Выпив с недоумением протянутый хозяином стакан «Пепси», тот неожиданно предложил коллеге всерьез заняться рыбалкой. Смущенный до неловкости Николай Данилович что-то промямлил, покраснел, а загоревшийся Петров уже развивал фантасмагорические проекты, закончив обещанием сегодня же на правах исполняющего обязанности Начальника заказать слесарю-умельцу Василию Алексеевичу специальную удочку. С тем ушел, сам вдохновившись, оставив новоприобретенного партнера в состоянии трепетного девичьего ожидания.

В три часа пополудни пришел известный всему учреждению умелец. Был он слегка навеселе после обеда, потому сметлив, проворен, в меру разговорчив и податлив. Распив с заказчиком бутылку свеженького, пришел в совершеннейшее благорасположение духа и, придвинув лист бумаги, собственным плотницким карандашом зарисовал эскиз удочки, очень необычной, но удобной к такому случаю формы. Был здесь маленький спиннинг, хитрая ручка, изогнутое удилище, словом, все, чтобы рыбак мог спокойно, без напряжения сидеть за столом, но и иметь под угрозой крючка всю площадь аквариума.

Замерив нужные расстояния, Василий Алексеевич ушел. Два дня Николай Данилович сидел и дергался, хватался за детектив и бросал его, включал телевизор и выключал, раздевался и загорал. Но все было не в радость. Его лихорадило, от ожидания испортился сон: после долгого перерыва пришлось, к удивлению дежурного врача, попросить сделать на ночь аминазиновый укол. Он ждал Василь Лексеича по прозвищу Верная Рука или Русский Характер. Прозвищам этим, столь лестным, обязан был слесарь своему запьянцовскому чарам еру поведения.

...Давно это было, подробности остались в памяти только старейших из служащих учреждения, было во

время оно, когда, кому на радость, кому на горе, во всех продовольственных магазинах царствовали ныне упраздненные винные отделы, продавщицы которых котировались наравне с проводниками поездов дальнего следования, стоматологами-надомниками и старшими лейтенантами ОБХСС. Ручьем тогда текла, оборачиваясь больными по утрам головами, а го и реанимацией, великими кухонными сражениями, отсидками-«пятнашками», обычными и строгими многолетними, «химией», 101-м километром, в перспективе изобилием молодых дебилов, не способных держать в руках ни плуг, ни автомат, — она: сладимая сорокаградусная, а к ней впридачу пестрые полки с мадерцей молдавских совхозных погребов, экономичные напитки фирмы «Дохлый лебедь», несерьезные настойки и великая разносортица новоизобретенных червивок. Крепко тогда поили, только что поперек улиц не висели транспаранты: «Будь здоров!». Крепко поили, а опохмеляться сейчас приходится в километровых очередях...

Василь Алексеич жил в ближнем пригороде Ревунцове, что гнездился около металлокомбината, поэтому утреннюю опохмелку выполнял c соседямивальцовщиками этого завода: к шести утра они собирались на пустыре за пивной, и если Изабелла Степановна не являлась с ранья обслуживать народ, то, зажав в кулачке пару трешек, Василь Алексеич, как самый несолидный и малоденежный из коллектива, бежал через весь поселок к бабке Сироповой. Собственная фамилия ее была утрачена, а звали от крещенья Аграфеной. Псевдоним же получила по качеству самогона, исключительного по крепости, тягучести и красному оттенку.

В утро дня, обессмертившего имя слесаря и его нравственный подвиг, Василь Алексеич примчался к Сироповой с очень больной головой — накануне вальцовщики справляли именины стана холодной прокатки,— потому очень растерялся, заскочив в бабкину халупу и увидев необычную для столь раннего времени картину: посреди комнаты стояла двадцатилитро-

вая бутыль с ярко-красным самогоном, около нее по бокам, как в почетном карауле, возвышались ревунцовские сержанты Кондаков с Михолапом; бабка горестно маячила поодаль.

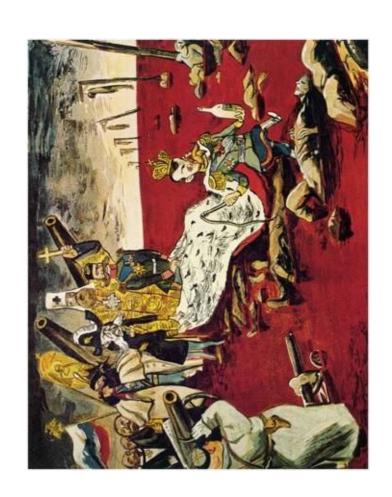
- А-а, Васька, здорово! заулыбался дальний его родственник Кондаков. А мы тебя тут поджидаем, нужен ты... как понятой пока. Что в бутыли?
- Да я, собственно, вот... проведать, значит, насчет здоровья и табуретки две починить, говорила Аграфена. Починка небольшая, а так как хотел отгул взять...

Однако Кондаков оборвал бормотание Василь Алексеича:

- Понятой ты, понял? Знаешь, что в этой вот бутыли?
- Бутыль, должно быть, из-под кислоты, в стружках их возят... Василь Алексеич никак не мог собрать мысли в зудящей голове. Кондаков сплюнул, махнул рукой имевшему меньший чин Михолапу. Тот взял с печного приступка пыльную алюминиевую кружку, наклонил бутыль и налил с верхом. Сунул в задрожавшие от возбуждения руки понятого.
 - Понюхай, что это?
 - Да... это, наверное, морс, а может, сироп какой?
 - Черт с тобой, выпей и говори: что это?

Василь Алексеич как нектар райский заглотил кружку. Ударило теплым, в груди замягшило, голова прояснилась — мельничный жернов скатился с нее под самые ноги, прижал ступни к облезлому полу.

- Теперь понял?
- Понял, Авдеич. Должно быть, сироп... на малине. Кондаков зло прищурился, у Михолапа оттянулась без того длинная челюсть.
- Пей вторую да разбери получше! Кондаков сам налил кружку и сунул Василь Алексеичу. Гот, закрыв глаза, уже помедленнее, с расстановкой выпил.
- Я-а так думаю, что сироп, несколько обваченным языком подтвердил эксперт. Кондаков, более не тратя лишних слов, поискал глазами, взял со скамейки пол-литровую стеклянную банку, налил под кромку.
 - Раз сироп, так пей вволю!

Василь Алексеич, вздрагивая желудком, чувствуя, как его раскачивает, уже не ощущая ничего одеревеневшим языком и небом, выпил.

- Что?
- Сир-ропп!
- Иди отсюда, если доползешь до ворот.

Василь Алексеич, конечно, потом не мог вспомнить, как он вышел из хаты. Дружки его, вальцовщики, промаялись на пустыре понапрасну, а в половине восьмого пошли на завод вальцевать. Жена же, знавшая, что муж с перепоя действительно хотел на работу не идти, забеспокоилась только к вечеру. В начале первого ночи она бегала по поселку, искала. Сведения о муже получила она самые неблагоприятные: соседвальцовщик был в страшной обиде на Василь Алексеича, обещал ребра тому посчитать. В местном участке дежуривший в ночь Кондаков назвал Василия пропойцей. Это она без него знала.

Проснулся Василь Алексеич ранним утром следующего за экспертизой дня в глухом бурьяне, заменявшем бабке Сироповой, за ее недосугом в земледельческом труде, сад и огород. Аграфена, благодаря мужеству Василь Алексеича избежавшая опасной статьи «Изготовление самогона с целью сбыта», опохмелила спасителя казенной червивкой, покормила, сказала, что в эту субботу будет за него в церкви богу молиться.

Перед работой слесарь успел заскочить домой, даже реабилитировался перед встреченными у станционного пивного ларька вальцовщиками. Веселое было время, да похмелье сейчас тяжелое...

Проснувшись, Николай Данилович с полчаса — перед утренним обходом — нежился в кресле, с удовольствием рассматривал корешки стоявших на полке книг по рыболовству, закупленных сыном в столице по списку, составленному Петровым. Особо внушительно смотрелась немецкая энциклопедия по аквариумным рыбкам, переводить отдельные, нужные места из которой Петров приводил экспедиторшу Элю, недавно за-

кончившую иняз в пединституте. Переводчица тогда расшалилась, выпив с мужчинами армянского, так что Петрову пришлось — благо жена с тещей уехали на пару дней в Москву — провожать ее домой.

В связи с одолевавшими его в последнее время рыболовными мыслями, вспомнились Николаю Даниловичу давнишние рассуждения Кефалина. Тот объяснял известный факт из рыбной торговли конца шестидесятых — начала семидесятых годов. В те времена в массовой продаже начали появляться рыбы с чудными, дотоле неслыханными названиями, причем появлялись не все вместе, но в строгой очередности. Первой шла нототения, за ней последовала простипома; в семидесятом-семьдесят первом годах царствовала угольная, ее сменила ледяная. Каждая из них радовала вкус трудящихся ровно два года. После ледяной очень быстро промелькнула рыба-сабля, затем началось долгое потребление хека, протянувшееся до начала восьмидесятых годов. Со временем хек сдал позиции и перерос в спинку минтая. Больше никаких рыб не было.

Все учреждение ломало голову над строгой упоряпоявления доченностью рыб с промышленнонепристойными названиями, а склонный к логическим построениям, читавший «Науку и жизнь» и «Химию и жизнь» Кефалин не замедлил привести отрывочные догадки сослуживцев в строгую систему. Оказывается, по его мнению, когда к начале 60-х годов весь запас обычных рыб, как-то: щука, лещ, судак, корюшка, треска, навага, камбала, шпроты (теоретик Кефалин отнес шпроты к живородящим рыбах;; и т.п. были основательно выловлены тралфлотами, рыбхозами, браконьерами и подъедены народом и семьями браконьеров, а основная морская рыба очутилась во вновь введенных двухсотмильных зонах национального рыболовства, то вспомнили, что сейчас эпоха химии. В те годы открытие за открытием регистрировали в Госкомизобретений в части биохимии и биофизики. Волевым решением был срочно построен гигантский завод по выпуску пластмассовых рыб, точнее, в громадных цехах-яслях фабриковали быстрорастущих мальков

гибридов (например, нототения произошла от скрещивания осетра с сомом и лососем), которых затем выпускали в искусственное озеро с подогревом, озонированием и богатой питательной средой в виде искусственного белково-углеводородного планктона. Для быстроты усвоения пищи и скорого роста рыб эти озера постоянно вибрировали от мощных ультразвуковых излучателей, установленных на дне.

Рыбный конвейер был запущен на всю мощь. Название продукции давали по именам редкостных атлантических рыб по принципу схожести внешнего вида. А так как искусственные рыбы, при всех их высококалорийных достоинствах, имели странноватый привкус, то раз в два года сортамент меняли. Чтобы не приедалось. Казалось, рыбная проблема решена навек. Но в силу вступил плохо предсказуемый человеческий фактор: на этапе ледяной рыбы, спецификой которой являлось выращивание в охлажденной воде, что сковывало излишнее движение рыбы (в дальнейшем эта выдумка Кефалина очень помогла Николаю Даниловичу в проведении эксперимента с подсчетом числа гуппий в аквариуме; речь об этом пойдет дальше) и ускоряло проведение откормочного периода, НИИ биофизики поссорился при распределении лавровых венков с ЦНИИ биохимии. Сверху, не разобравшись. по родственным связям поддержали НИИ, в то время как основной вклад сделал ЦНИИ. Хек оказался последним компромиссом, после чего ЦНИИ перебросили на решение проблемы повышения качества колбасы. Хилым детищем НИИ оказалась ущербная спинка минтая — даже не рыба, а один лишь позвоночник с мясом резинового вкуса.

Здесь в дополнение к человеческому вступил природный фактор: особо мощное цунами — завод располагался на Дальнем Востоке — разбило плотину, отделявшую цепь искусственных озер от океана, полностью разрушило цеха фабрики. Мальки спинок минтая, попав в естественные условия, оказались настолько жизнеспособными, что вскоре ублюдочная рыба запо-

лонила моря-океаны, чем объясняется ее долгожительство на прилавках магазинов.

За возникшей ненадобностью фабрику решили не восстанавливать; в уцелевшем от цунами административном корпусе разместили областное управление «Спортлото», а на искусственных озерах начали выращивать яхтсменов-рекордистов.

За распространение зловредных слухов, порочащих советскую действительность, устным приказом директора Кефалину поставили на вид...

- Не загулял ли Алексеич?— металось в голове Действительно. встревоженного столоначальника. имел место такой случай, когда к юбилею директора заказали слесарю очень сложный, хитроумный канцелярский прибор с механикой, но тот запил горькую, не выходил на работу, чуть было до беды учреждение не довел. Оставалось три дня до торжества, а прибор значился только в заготовках. Парторг с предместкома, жена, завхоз — начальник Василь Алексеича — изрядно тогда припугнули испитого слесаря, заставили прежде времени выйти из запоя. Только угрозы и помогли. Василий оставшиеся три неполных дня не выходил из мастерской, спал урывками под верстаком, но работу добил до конца и в срок, за что получил премию с полным отпушением накопившихся грехов.
- А что если теперь запил?— Николай Данилович, проснувшись ранним утром, начал со свежей головой припоминать известные ему запойные дни слесаря— вычислять периоды срывов. Получалось все нехорошее: вот-вот должно наступить...

Удочка же так и останется мечтой на неделюполторы, чистым блефом, а ее жалкие заготовки прутики, полоски дюраля, пластмассовые диски, свежекупленный моток лески — будут пылиться на осиротевшем верстаке Алексеича.

— Хм-м, войти-то можно?— и, отогнув портьеру, вошел трезвый, серьезный слесарь, неся в руке блестящее, сложное, грациозно чарующее. Василь Алексеич принес доработанную в срок удочку.

Скоренько он научил Николая Даниловича пользованию. Действительно прибор был сделан великолепно, а главное — до немыслимости удобен; теперь самая вертлявая рыбка в аквариуме, при наличии у нее аппетита к наживке, могла быть в считанные минуты отловлена и употреблена в надлежащее дело. (Этого дела-то пока Николай Данилович не знал, но и дело было, как для всякого рыбака, пустяковое, второстепенное.)

Слесарь принес заготовленную подставку, которую укрепил на краю стола специальными струбцинками, проложенными (чтобы — вот умница слесарь!— не сделать больно заказчику) мягкой резинкой. На подставке удочка отдыхала от лова. Несчастный, ставший вдруг таким счастливым, с чувством, долго, горячо жал руку слесарю, налил стакан армянского пятизвездочного, выдал приз: упаковку привезенного сыном из столицы дефицитного явского «Беломора» и червонец.

Василь Алексеич с достоинством мастера воспринял дары, утвердил червонец во внутреннем кармане пиджака, зажал сверток под мышкой, еще разок тронул пальцем удочку и ушел, с каждым шагом непроизвольно ускоряясь: ему действительно приближался срок, а до семи оставалось полчаса.

Николай Данилович даже не стал раскрывать на ночь портьеру, что обычно делал тотчас по уходу вечернего врача. Взял удочку с подставки, минут десять просто держал в руках, лаская взором, чувственно принюхиваясь к свежему запаху лака. Затем потихоньку начал водить удилищем, проверил бесперебойную работу спиннинга, прочувствовал все удобство расположения ручки.

Стемнело за занятием. Он зажег свет; настольная лампа многократно отразилась на никелированных частях удочки. Золотилась с зеленцой фосфористая бронза крючка. Николай Данилович хотел было уже на объекте, на аквариуме испытать действие прибора, но, чуть подумав, отложил этот сладостный миг. Отложил

вместе с удочкой. Вместо нее взял немецкую энциклопедию, вытащил из нее несколько листков писчей бумаги, на которые Петров со слов экспедиторши переписал названия приманок для аквариумных рыб. Затем взял отдельно лежавшие на столе листки с переписанными уже из отечественного «Календаря рыболова» номерами подходящих крючков и сортаментом наживок, начал аккуратно своим отменным почерком составлять лицевые списки для заказов.

Делал он это с любовью, медленно, с толком, потому когда закончил — на часах было полдевятого. Аккуратно отложил на полку энциклопедию, в личную папку сложил все листки и свои записки. Нажал кнопку, от которой открывались фрамуги окон канцелярии (недавно добавили ее на пульте), отдернул портьеру, откинулся на спинку и подголовник, сладко, чувственно зевнул. Свежий летний воздух наступающей ночи обвевал разгоряченное лицо, пошевеливал волоски отросшей за день щетины на щеках и подбородке.

Задумался... Потом встрепенулся, взял удочку, нацелил на середину аквариума, опустил крючок в воду. Полусонные рыбы заволновались. Николай Данилович дернул рычажок на пульте аквариума и сверху, из рожка, просыпалась струйка сушеных дафний. Мигом рыбки склубились в одном месте, а рыболов медленно подвел крючок под косяк и, не в силах более сдерживать себя, ужасно побагровев, вскрикнув «Гхы!!» сильно рванул удилище вверх. Крючок с подцепленной прозрачно-красноватой рыбкой и снопом брызг вылетел из аквариума. Леска заболталась, рыбак дрожащими руками перебирал удилище, подводя к себе маятником туда-сюда летающую рыбешку. Но... горе горькое, рыбка сорвалась с непомерно большого для се калибра крючка у самого края стола, чахоточным плевком шлепнулась на пол.

Николай Данилович выругался в голос, отложил удочку на подставку, вытянул голову к краю стола: на полу было темно. Тогда он включил верхний свет: рыбка слабо шлепала хвостиком по полу. Тут выбежала мышка — она и раньше прибегала, так что Николай

Данилович ее знал, подкармливал крошками — замерла перед рыбкой, разнюхивая. Николай Данилович стукнул носком правой ноги, потом сильно грохнул металлической линейкой по столешнице, вдобавок громко гыкнув, но мышка приветливо мотнула хвостиком знакомому дяде и убежала, успев схватить рыбку за хвост.

«Надо кота...» — подумал рыбак. Забаву он оставил и скоро уснул.

Первый блик комом, радость всегда не сразу вступает в свои права, и волнение предшествующих дней, равно как первое разочарование — все вылилось в этот нелепый сон, равному которому ни до, ни после Николай Данилович не видел. Для начала приснилась великая осенне-зимняя путина тридцать четвертого — тридцать пятого годов на Мурмане, когда, повинуясь таинственным законам моря, от Лафотенских островов в губу Западная Лица валом повалила селедка... Промелькнул во сне почему-то горбатый кит. Но затем Николай Данилович попал в совсем странную обстановку, в еще более странную компанию. Что-то среднее между сумасшедшим домом, пивной, танцзалом и толкучим рынком, что находился на окраине за железной дорогой, было наполнено людьми в возрасте от двенадцати до сорока лет. Парни одеты в кожаные пиджаки с чужого плеча, в надраенные кирпичами джинсы, а девицы все сплошь в маслянистого оттенка шароварах и прозрачных разлетайках. Лифчиков на них по преимуществу не было, темно-коричневые соски колыхались в толпе потухшими сигаретными окурками. Все сплошь обуты в полосатые башмаки, лица половины из них закрывались темными маскамиочками, стекла которых были залеплены ярлыками наклеек. Стоял невообразимый торговый шум.

- Дядь, а дядь? Одолжи тыщу чеков? Беру один к трем срочно нужны.
- Дишки, дишки,— шепелявил кретинистого вида крепыш,— по дешевке отдаю дишки. Все есть: Ай-си-эс-эс-ди-си! Элтон Джонсон, последние альбомы Лен-

нона и Роллингов — берите, берите. «Слоновая память», «Танцуй, маленькая девчонка». Есть дешевое старье: БСТ, «Чикаго», тяжелый рок на любителя, берите «Свингер Сингерс»! Кому нужен «Джаффри»? Последний дишк Джеральда Арпино, берите «Грайнфарг»! Элтон Джонсон! Рей Конифф! Боб Дилан! Есть полная запись «Дюбука» — кому классику? Кому Бернстайна? Полный «Дюбук»! Недорого возьму за «Композицию 1985»! Кому нужны голландцы?

Над скопищем гремел тяжелый рок: запустили новогоднюю штатовскую программу 75-го года в исполнении «Чикаго». Где-то со стороны подвизгивала гармоника с. роком вперемежку: там крутили диск «Америки».

Толпа взвыла, подалась вправо, влево, по образовавшемуся коридору промчался весь в черном сынок Николая Даниловича. На его плечах гарцевала Стелла и верещала:

 Сергей Александрович! Ефим Маркович! Николай Данилович! Сюда, сюда поедемте кататься! Ах, как хорошо, Сережа, а твоя «Ямаха»³ летать может?— И с мотовизгом парочка взмыла вверх. Вслед за ними тот же кульбит проделал Начальник с Татьяной Викторовной на огненно-красном «Дерби», за ними директор с Людмилой Сергеевной на рыжем «Бенелли», потом посыпались горохом попарно и поодиночке бородатый профессор, уборщица тетя Наталья, секретарша Ниночка, Бутурлина, кочегар Степанов, все сколь-либо знакомые Николаю Даниловичу люди на «Крейдлерах», «Кавасаки», «Сузуки», «Оссах» и «Ханна-Патонах». Последними промчались учрежденческий поэт Валентинов на сиреневом «Бультако-ТСС» и замыкающий колонну, с женой, с двумя детьми, остепенившийся Василь Алексеич на колясочном «БМВ-Апфельбеке».

Толпа вновь сомкнулась, вдоль забора уселись на высоких табуретах девицы в шароварах, засосали че-

_

³ Здесь и далее марки мотоциклов.

рез трубочки коктейли. Шум торговли разгорался, к Николаю Даниловичу прилип нагловатый фарцовщик с челкой, подбритыми височками, с тонкими злыми губами:

— Дядь, купи вайшистые трузера 4 , тебе пойдут, недорого — рублик 5 ! А хочешь шузы 6 с Тайваня? Почти новые, на кнопках. За полтинник 7 отдам...

Николай Данилович отвернулся от тонкогубого, стал с интересом прислушиваться к беседе двух иностранцев.

— ...Вчера с Владом были в комке⁸, толкнули через Джека мутоновый шубец. Обмыли в кабаке — по батлу⁹ на фейс¹⁰ водяры, сняли двух чувих¹¹, повели к Владу на хату. По пути какой-то кент¹² пристал, чувиха, говорит, моя. Пришлось кейсом¹³ по фейсу¹⁴ отмутузить. Чувихи с испугу слиняли, пошли снова в кабак...

Устав от непонятной речи. Николай Данилович побрел дальше, прижимаясь к забору. Его теснила толпа, растекавшаяся, как паутина, во все стороны. Он натолкнулся на неведомо откуда взявшегося в чужеродной толпе хакасца в огненно-красной овчинной шубе, сидевшего на складном стульчике, державшего на коленях лоток со свилеватыми засохшими корешками. С лотка свисала отпечатанная на подслеповатой машинке рекламка: «Золотой корень — победитель всех сти-

 6 Туфли муж. или ботинки.

¹³ Портфель-дипломат.

⁴ Белые брюки (здесь и далее перевод со сленга).

⁵ Сто рублей.

⁷ Пятьдесят рублей.

⁸ Комиссионный магазин.

⁹ Бутылка водки.

¹⁰ Лицо в смысле персона.

¹¹ Женская особь.

¹² Парень.

¹⁴ Здесь в смысле «лицо» — передняя часть головы человека.

муляторов, включая знаменитый женьшень», «Мумие — горная слеза и излечитель всех недугов», «Марьинкорень» — показан при бессоннице». С хрипотцой ревел магнитофон: «А люди все кричали и кричали, видно, справедливости хотят: мы в очереди первыми стояли, а те, кто сзади нас, — уже едят!»

Две бабы из Носково торговали мохеровыми шарфами, связанными из распущенных шерстяных одеял, списанных в дизентерийной больнице:

- Два рубли-то добавляй, что ли?!
- А не жирно будет? А-а, так ведь он новый?
- Дошло! Да, парень, голова-то у тебя не кучка, что-нибудь да думает. Бери сразу два, дешевле отдам сразу-то, бери себе да подружке своей.
- Какой подружке? Этой? Да такую подружку знакомому черту подарить, а незнакомый обратно в мешке принесет!
- Здорово, Валер-Павлов! Чего колготишься тут? Чего-чего, котелки гну, погну-погну, еще найду! Не вишь, что ли, шарф вот покупаю...
 - Hy, бог тебе *навстречу*, а я по пивку.

Но более всего Николая Даниловича напугал шедший навстречу высокий молодой человек с обритой головой, в рясе шафранно-лилового оттенка. Как икону, он нес на вытянутых руках зеркало, монотонно бормотал:

— Не бойся смотреться, не страши заранее сердце свое. «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас»¹⁵. В зеркале моем перед тобой появятся вместе твое прошлое, настоящее и будущее. И первый человек пройдет, и последний рука об руку с ним. Не убий! Не прелюбодействуй! Не укради! Не произноси имени господа всуе! Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего!

¹⁵ Экклезиаст, гл.1, ст.10.

Самое же удивительное было дальше: время ускорило стократно свой бег, люди замельтешили, шум перерос в авиамоторный тонкий нарастающий свист. На глазах Николая Даниловича парни и девицы взрослели, нелепые начесанные челки, взбитые копны волос превращались, разглаживаясь, в редковатые пристойные прически, в стандартную «химию»; полосатые башмаки на глазах изнашивались, выбрасывались, заменялись скороходовскими и донскими черными туфлями, шаровары исчезали, уступая место обычным юбкам и платьям, разлетайки улетучивались, а погрузневшие бюсты облекались в шерстяные кофты. Кожаные пиджаки заменялись на обычные клетчатые, в полоску, оставаясь до старости только на членах Союза писателей. Люди, меняющиеся на ходу, разделялись по колоннам, выходили через ворота в заборе. Над воротами висели таблички-указатели: «Военкомат», «Роддом», «...ый институт», «...ый завод» и тому подобные. Лишь небольшая колонна нестареющих сорокалетних толпилась у ворот с надписями «Пивная», «Филармония».

На смену уходящим вновь приходили малолетки в шароварах и американских пиджаках, которые через положенное время претерпевали известные изменения. Николай Данилович воспарил над странным местом, увидел охватывающее по кругу забор кольцо зданий: «Военкомат», «Роддом»... От них, но уже с наружной стороны, расходились те же и уже не те люди: у роддома гуляли с колясочками нежные молодые матери. Они стыдливо отворачивались, кормили младенцев. От военкомата строем шла рота, бравый прогонистый старшина с порыжелыми усами четким холосом внушал новобранцам: «Левой! Не частить! Солдатский шаг — восемьдесят сантиметров!»

Устало брели после смены с завода крупные, взматеревшие мужики. Из института бежали фасонистые студенты, заигрывая на ходу с изящно одетыми студентками...

Взбаламученный суматошным сном. Николай Данилович проснулся в шесть часов. Но то были не темные, мрачные шесть часов зимнего или позднеосеннего утра, а шесть солнечных часов середины лета, когда воздух еще не пропитался пылью и запахами разогретой земли, асфальта, кирпичей, но уже нет резкого предутреннего холода, а есть свежесть прошлой ночи и яркость наступающего дня. Свет вливался верхом через высокие канцелярские окна, воздух втекал через открытые на ночь фрамуги, минуя ненужные до поры до времени кондиционеры.

Николай Данилович потянулся с хрустом, щурясь на окна — солнце стояло вровень с ними,— сладко зевнул, расправил заученной гимнастикой онемевшие за ночь члены. Чертовщина мигом отлетела, радость забилась зайцем в душе, кровь запульсировала.

- Нас утро встреча-а-ет прохладой,— запел немелодично, но живо. В голове весело декламировалось:
- А что? Ах, да-а! Ведь вот она, удочка, она есть и будет блаженство на много-много дней, месяцев, лет! Он проделывал утренние процедуры, не отрывая взгляда от удочки, но не решаясь как будто взять ее в руки, просидел до прихода уборщицы. Вслед за ней пришел врач. А после врача с некоторым нетерпением, неловкостью даже, но и с тайной гордостью стал дожидаться прихода сослуживцев. Аквариум, а главное удочка полностью, окончательно вытеснили из головы горечь недавних ужасов, страхов, конфузов. Сегодня, совершенно уж непроизвольно, как и вчера, позавчера, Николай Данилович не задернул портьеру.

Вошли первые женщины, несколько странновато посматривая на безумного, впавшего в детство руководителя группы, но тот не замечал их настороженности, коротких, полных смысла переглядываний.

Скоро все были в сборе. Петрова с Кефалиным слегка пошатывало, но и они были бодры, не отходили от аквариума, подзывая женщин по двое, по трое, демонстрировали им рыбок и механизм удочки. Те ахали, непонимающе глядели на удилище, поздравляли Николая Даниловича с приобретением («Слава богу,

хоть на баб перестанет бросаться!»), а заодно и с «выходом».

— Ба! — хлопнул себя по больному лбу ВРИО Петров. — Ведь забыл тебе, Данилыч, напомнить: отпуск-то твой вчера закончился, хорошо, женщины напомнили, а то я с твоими больничными все перепутал. Так что оставляй рыбалку до вечера, пока давай загружайся!

Но самое-то главное, что и Николай Данилович впервые за свои многие десятки лет службы забыл о кончине отпуска, что сегодня первый рабочий день. Конечно, это удочка все вытеснила из головы, да аквариум, да сознание того, что жизнь стала краше, потихоньку приобретает утраченный было смысл, выруливает из темного, пыльного, неудобного закоулка, куда волею судьбы его затолкнула дикая, непонятная хворь.

Обычно в первый послеотпускной день Николай Данилович приходил на работу почти что с радостным чувством, особенно в те времена, когда ему толькотолько перевалило за тридцать. Великая ли сила инерции, привычка ли — влекли его после месячного перерыва в учреждение, в свою столь осточертевшую, но теперь, после четырех недель разлуки с ней, ставшую милой, родной канцелярию. И сегодня, на четвертом десятке рабочих лет, казалось бы, ничего не должно измениться, уничтожить радостное ощущение первого послеотпускного дня, но... Николай Данилович, покопавшись в различных отделах своей души, сегодня обнаружил почти что раздражение. А раздражение упиралось в мысль:

«Придется с рыбалкой подождать до вечера».

Тут же спасительная мыслишка смягчила неудовлетворенность утреннего неприятного открытия:

«А может, в обед удастся?»

Рабочий день начался. Николай Данилович автоматически вошел в подзабытый курс дела: Нина Тимофеевна, замещавшая его в отпуске, выдала отчет за месяц, сообщила, как продвинулись дела с квартальной ведомостью и чем сейчас занимаются Бутурлина, «но-

венькая» старуха Мариничева, сменившая за третьим столом Надю, толстуха Настя, пришедшая на смену Вере, которая, кстати говоря, ушла в декретный отпуск — это его удивило, по всем расчетам она еще месяца два должна была работать — а также остальные три сотрудницы. Все занимались своими делами, дела эти продвигались, хотя, как сообщила Нина Тимофеевна, на последней диспетчерской главбух как-то покрутил носом над их сводной ведомостью за предпоследний квартал. Впрочем, не ясно, отчего он крутил носом: может, у него насморк был.

В десять в канцелярию вошел также вышедший в этот день на работу Начальник, пожал руку Петрову, Кефалину, Николаю Даниловичу. Руку последнего пожимал на секунду-две дольше. Особо задержался у аквариума, даже подержал в руках удочку. Похвалил Василия Алексеевича за умение, а Петрова за оперативность.

Когда Начальник с Петровым закрылись в кабинете, интригующий Кефалин коротко пошептался со Стеллой, затем прогулялся раза два мимо Николая Даниловича, покрутил пальцем в аквариуме и наконец объявил коллеге, что «Татьяночка захворала, сразу после отпуска взяла три дня без оплаты, позвонив директорской секретарше».

— Видно, хорошо отдыхала, перезагорала на югах, — прорезюмировал он и, посмеиваясь, отошел к своему столу. Женщины по одной подходили к Стелле, до обеда шептались, перегибаясь на своих стульях на все четыре стороны.

Николаю Даниловичу все это было глубоко неинтересно, он с нетерпением ждал одиннадцати, с трудом дождался; после боя стенных часов все женщины, кроме злобной Бутурлиной, ускакали в конференц-зал. Николай Данилович, отказавшись от шахмат с Кефалиным, раскрыл немецкую энциклопедию, нашел листочки с записями, начал их внимательно изучать, временами закатывая глаза, шевеля от усердия заучивания губами.

В обеденный перерыв, сразу после врача, взял в руки удочку, задернув от стыда подальше портьеру, нацелил леску с крючком в аквариум. Зашел отпущенный наконец-то Начальником Петров, дал пару рыбацких советов, покрутился и ушел играть с Кефалиным в шахматы. За оставшиеся двадцать минут Николай Данилович не поймал ни одной малявки. Рыбки стали умней. ...Закончился рабочий день.

Итак, он был один, если не считать кота Василия, толстого, короткошерстого, с наглинкой в глазах и вообще на морде, полосатого учрежденческого кота, которого Николай Данилович начал приваживать к себе, а сегодня попросил уборщицу Наталью запереть кота на ночь в канцелярии (обычно кот на кормежку ходил днем по всем канцеляриям, а квартировал в дежурке вахтера Дмитрича; тот был застарелым вдовцом и бирюком, потому по совместительству имел ставку ночного сторожа, редко покидал учреждение, днюя и ночуя в своем закутке на входе с топчаном и электроплиткой). Кот должен был выловить мыша. Мыша же Николай Данилович возненавидел за съеденный первый его улов.

Кот сидел в углу, чихал, покуда в канцелярии гомонили люди. Он даже пытался улизнуть вслед за приходившим Серегой, но тот — по окрику отца — отпихнул котяру ногой, плотно затворил за собою дверь.

Скоро кот проголодался и пришел на запах колбасы, которую начал ему скармливать Николай Данилович, отрезая тонкие кружки. Кот нажрался, прилег на мягком гостевом кресле, по-домашнему замурлыкал, распевая про свое маленькое кошачье довольствие и радости сытой жизни.

Темнело. Николай Данилович включил свет над столом и аквариумом, чем разбудил рыбок. Взял удочку, попробовал порыбачить, но рыбы шарахались от крючка, лениво хватая сыпавшихся сверху дафний: перед уходом игривый Начальник высыпал в аквариум полрожка; рыбы, как и кот Василий, обожрались.

С досадой, с тихим матом Николай Данилович отложил удочку, разбудил линейкой непонятно зачем

кота, начал той же линейкой тыкать в стенку аквариума. Кот, как ни странно, понял, что от него хотят, завороженно засверкал зелеными глазищами на стайки заволновавшихся рыбок. Николай Данилович с помощью специальной клюки придвинул кресло с котом поближе к аквариуму, тот встал на задние лапы, уперся передними в стенку, раза два взмахнул и царапнул коготками по полированному стеклу. Затем, однако, успокоился, снова улегся, задремал, мурлыча ту же прерванную музыку. Иногда он открывал то левый, то правый глаз — посматривал на крутящихся рыбок.

Задремал и Николай Данилович. С каждой минутой дремы проходила досада по поводу несостоявшейся рыбалки. Успокаивало, что сын скоро принесет верную приманку, другую снасть. Накатывало умиротворение и легкий надежный сон.

— Смежает вежды, смежает вежды...— завертелось в голове каруселью из чужих слов,— смежа-а-ет ве-еежды-ы-ы.— замер в необъятной дали отголосок чуждых слов. Николай Данилович крепко заснул до утра. Спал человек с обременной мечтой! Сквозь весь сон текли тягучие, мрачные речитативы сонетов учрежденческого поэта Валентинова:

Был вечер сизых и неясных побуждений, Самоуправная душа: убей в себе или волнуй! Мне вспомнился украденный случайно поцелуй С цветущей персиковой ветви наслаждений.

А ночь пришла, беззвездна и темна, В ней сырость бункера котельной парохода Мерещится. И душат растворившиеся воды. Исходит паром запотевшая Земля.

Томленье нескончаемое длится до рассвета, Так оживает мудрость Ветхого Завета В теченьи душного, сырого бытия.

Грозу бы, ломаные пики молний, Мольбу мою, Земли, Господь, исполни? И отвлеки удушье, грозный судия.

ЧАСТЬ 2 *от покоя к привычке*

Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд, что не противоречит диалектике, коль скоро в последней совершенство не достижимо, а лишь бесконечно приближаемо

(Из житейской философии)

Прошло время, Николай Данилович стал совсем спокойным. Жизнь М.. теперь буквально неотрывная от канцелярии, протекала, как у всякого обычного человека его лет, ума и положения, но не представлялась ровной, спокойной струящейся полуденной рекой. Нет и еще раз нет! Ведь только что мы записали: его жизнь была обычной, а любая обычная жизнь — от писка комара до величественного странствия по маршрутам славы и почестей самого великого полководца на самом белом в мире коне — все та же река, только взятая в соответствующем масштабе, в русле которой есть бездонные ямы, рождающие омуты с водяными и русалками, стиснутые берегами стремнины, перекатные мелководья, а то и искусственно воздвигнутые плотины.

...И буруны. И бурунчики. И психоз водопадов, словом — обычная человеческая жизнь.

Зимой, побледневшие от метелей, бессолнечья, неяркого искусственного канцелярского освещения, сбросившие к началу января остатки летнего — у кого южного, у большинства местного — загара, сослуживцы завистливо любовались постоянно возобновляемым ультрафиолетовым кварцевым загаром Николая Даниловича. Ему хотелось хвастаться, но двусмысленность положения останавливала. Беспардонная Стелла, намереваясь, по всей видимости, похвалиться — стремления были того же порядка, что у Николая Даниловича, — свежим загаром перед очередным своим

приятелем,— раза два напрашивалась в обед загорать под лампой и блаженствовала, разоблачаясь до купальника, под наблюдением Кефалина, так как ей было крайне неудобно оставаться вдвоем с мужчиной — Николаем Даниловичем. Впрочем, на втором сеансе ее засек зашедший за портьеру Начальник, накричал, поставил Стелле на вид. Попало всем трем столоначальникам

— Устроили здесь варьете со стриптизом! Норм морали для вас как будто не существует! Еще раз подобное увижу — на комиссии профкома будем разбирать. А вы, вы, товарищ Худякова? Стыдитесь, комсомолка!..

Стелла, завернувшаяся в платье, стояла ни жива ни мертва, а когда Начальник, даже как-то сумев стукнуть портьерой, вышел, торопливо оделась, перекрутив колготки, растрепанная, в слезах выбежала вон из канцелярии, часа два где-то пропадала. Много шума было, много бел.

Кот, толстый, лоснящийся, приносящий счастье, по вечерам жрал вылавливаемую хозяином колючую декоративную рыбью пародию. Если он съедал всех выловленных на зорьке рыбок, то в награду Николай Данилович давал ему кружок вкусной краковской колбасы. В противном случае кот оставался голодным, потому ближе к ночи рыбок все равно съедал.

Сын с кислым лицом регулярно приносил в литровых банках пополнение для аквариума; было противно таскаться с тарой, не влезающей в «дипломат», на шумные, потные рыбьи торги, жалко выбрасывать на ветер деньги, хотя не свои, отцовские, да и тому профсоюз помогал, но... очень было жалко.

— С ума свернулся,— бормотал Серега,— а мне приходится девочек чуть не в пельменные приглашать. Здоровье «Стрелецкой» гублю, водку раз в месяц и попьешь, а на дармовщину сейчас — ну-ка! Сейчас народ очень прижимистый и понятливый, сам всяк смотрит, к кому бы присоединиться!— ворчала Сережкина душа, печень и желудок.

А промеж тем между ворчанием сына на большие рыбные расходы, опять же на подкормку, квартплату, свет и пр., между ненасытным котом-живоглотом бездонной прорвой для рыбок и колбасы, между радостью канцелярского труда, обретший вновь неиссякаемое кропотливое трудолюбие Николай Данилович стал кое-что примечать. Начальник, выходя из кабинета, ласковее обычного поглядывал на подчиненного. Петров с Кефалиным в его присутствии перекидывались порой малопонятными двусмысленными словечками. То тот, то другой зачастую с самого утра уходили рука об руку с Татьяной Викторовной из канцелярии, а может, вообще из учреждения до обеда, даже до более позднего времени. Уходили не таясь, нарочито не глядя на Николая Даниловича. Бабье в канцелярии порой начинало шептаться и ворошиться, хотя дураку было понятно, что столоначальники не пара Татьяне.

Николай Данилович недоумевал: по всему чувствовался явный признак празднества. Но какое же празднество в самом начале второй декады марта, когда уже отмечены в учреждении грамотами и торжественными собраниями революционные, военные, конституционные праздники, в танцах, в хоровом пении встречены новогодние и женские? Что это? Ведь Начальник и сам Иван Григорьевич родились в жаркие месяцы. Татьяна же Викторовна свои именины не афишировала, коллеги его, столоначальники, такого шума не стоили...

Бедный, бедный наш Николай Данилович, ты забыл в тревогах последних лет, что через неделю личный юбилей: ведь 17 марта 19... года в табеле учреждения отметили первый твой рабочий день. Тридцать пять лет тому назад без недели.

Он так ничего не вспомнил до вторника следующей недели — дня накануне торжества. Более того, весь понедельник и вторник до обеда Николай Данилович был в состоянии огорченном, взволнованном, не на шутку собирался разобидеться. Еще раньше, месяца за два, отметил, как в канцелярию частенько стала захаживать заведующая учрежденческим архивом Любовь Гавриловна Семенкина: что-то уточняла с Петровым и

Кефалиным, проникала в кабинет Начальника. Чисто бессознательно Николай Данилович отметил это участившееся появление завархивом, но попервоначалу значения не придал, ни с какими лично для себя неприятностями не связал. Но в понедельник, в обед, сидя за задернутой портьерой под включенной кварцевой лампой, сквозь ее легкое, ненавязчивое монотонное жужжание услышал, как потерявший на миг осторожность, раздосадованный, видимо, очередной склокой с сумасшедшей тещей, Петров запальчиво выкрикнул в разговоре с Кефалиным:

- ...Не то я, сам черт с сестрицей своей Семенкиной не упомнят: куда этот отчет запропастился, в какое дело заоприходовали? Это же в пятидесятом было, не позавчера!..— И потише, но насторожившийся Николай Данилович выключил лампу, предельно напряг слух.
- Пусть бы Данилыч сам выискивал свои ведомости!
 - Тш-шш-ш!

Несчастного окатил холодный пот, зашипев на распаренной лампой коже лица.

«Ревизия... Что-то нашли. Хотят ославить,— мелькнуло самое ужасное из подозрений.— Но зачем? Что я теперь им... И как могут?»

«Все могут,— продолжало думаться,— сократить хотят. Вон у Ивана Григорьевича зять институт закончил, год уже на ста двадцати мается, никак должность приискать не могут. Ясно все... У-у! Сволочи, лицемерят еще, заботятся?!»

А в это самое время суета распространялась, как волна от брошенного в воду камня, концентрическими кругами захватывая все новых и новых людей уже вне стен канцелярии, даже директорскую секретаршу Ниночку захватила: Кефалин в понедельник с утра вертелся в приемной, пару роз (это в середине марта-то?) воткнул в вазочку, шоколадку ввернул в приоткрытый ящик стола секретарши.

— Нина Андреевна, ну миленькая! Какая элегантная кофточка — югославская? Как отпуск провели с

КОЛХОЗНИКИ ГОЛОСУЙТЕ ЗА ДАЛЬНЕЙШИЙ ПОДЬЁМ КОЛХОЗНИЦЫ, ГОЛОСУЙТЕ КОЛХОЗНОГО ХОЗЯЙСТВА!

супругом?.. Да, в Юрмале бывал, бывал, лучше любого юга летом, вот зимой не знаю. А вы что зимой-то? А-а, супруг на лечении был, да-да, здоровье надо смолоду оберегать, лучше заранее проследить, профилактика, так сказать! Ниночка, Христом-богом прошу, всего-то на часок работы...

- Часок!! Да у меня, да я и так!..
- Понимаю, понимаю, но юбилей! И у кого, у Николая Даниловича! Ведь из Академии меднаук звонили, там адрес готовят. Ну-у... что же вас может тронуть, уважаемая Нина Андреевна, честное слово я застрелюсь. Возьму у Петрова дробовик из деревни и застрелюсь. Хотите, спляшу? Трам-там-тар-ра-рам!

Когда Кефалин, засунув большие пальцы за проемы жилетки, приподняв локти, стал выписывать фигуры кадрили, Ниночка, не выдержав, засмеялась, переложила принесенные Ефимом Марковичем исписанные листки в папку для срочных работ, Кефалин сделал антраша, послал элегантный воздушный поцелуй и был таков.

Весь день до половины шестого, до самого звонка голова у Николая Даниловича разламывалась от самых диких, пугающих догадок. Мысли метались, сердце стучало все громче, все чаще.

— Нехорошо...— заметил врач на вечернем обходе, — отчего это вдруг заволновались? Вроде в последние месяцы у вас были сплошь прекрасные показания!

Вечером он не рыбачил, саданул клюкой, крюком поддев, кота с кресла; тот с дурным мявом отлетел за портьеру, всколыхнул ее, оставив две неровные когтистые дорожки на светло-синем бархате. Кот, еще недавно сладостно чесавшийся о мягкую на меху туфлю (с прорезью под пятку) Николая Даниловича, потом нежившийся на кресле, выпучив глазища, бросился через всю канцелярию к двери, заорал, зацарапался, но, поняв всю тщету попыток выбраться, затаился за крайним от выхода столом правого, Петрова ряда.

Николай Данилович пил снотворное, потому вскоре заснул. Сон его был ужасен и малопонятен.

В полном кошмаре прошли выходные. В понедельник с утра его снова начало мутить, хватать за душу, холодило в животе. Неласково, сухо, почти что враждебно поздоровался с Петровым (Кефалин запаздывал), погасив его приветливую улыбку. Должно быть, тот понял, что Данилыч чего-то не соображает, потому сразу и бухнул, сняв тяжесть с сердца несчастного, сметя в единый миг все его передерганные трехдневными волнениями чувства:

- Данилыч! Забыл ты, старый черт, что ли? Не с той ноги встал? И это за день до юбилея!.. Э-э-э... Весь отдел готовится, Начальник, можно сказать, сон и работу забыл, а ты волком глядишь!
 - Юбилей?!
- Как, не помнишь?— Лицо Петрова смазалось удивлением.

Все встало на места. И как мог забыть? Да помнил ли он? Что, когда... Где-то записывал, но все было так давно, а в трудовую книжку не заглядывал: три с половиной десятка лет спокойно пылилась она в отделе кадров. Только раз, поступая на вечерние курсы повышения квалификации, брал ее Николай Данилович под залог паспорта на четверть часа — списать короткую копию: тот-то, такой-то, родился, поступил в учреждение, откуда не увольнялся. Точка. Finis. Слава тебе и ура, и постоянное (сменное с Петровым и Кефалиным) место 18×24 см на Доске почета.

А злосчастную записную книжку, из которой узнал в тот злополучный день об исполнении четверти века работы в своей канцелярии, выбросил, поскольку сам ее вид вызывал сильнейший озноб. Впрочем, он переписал в новую книжку, подаренную женщинами на двадцать третье февраля, все нужные адреса и телефоны.

Жизнь прошла, была жена, есть сын, исписал декалитр чернил и вечная память... тьфу! Юбилей завтра — ты герой. Хорошее чувство, ведь и дряхлая старуха, слепая и глухая, гордится, что до сотни осталось три года.

Не ухмыляйся про себя. Петров! Может, ты прирастешь к алюминиевому стульчику в пивной или к крышке собственного унитаза и все равно будешь ликовать, получив от делегации учрежденческих профсоюзников шахматную доску с серебряным, притороченным сбоку параллелограммом с хвалебной надписью

Все пронеслось в голове Николая Даниловича в минуту резкой смены злобы на радость.

— Да ну-у?— только и промолвил он.— Совсем, понимаешь, забыл.— Уже не ненависть и отчаяние, а искреннее детское огорчение, радость внимания осияли его лицо. А всякая мысль об инспектируемых квартальных и полугодовых отчетах тотчас улетела обратно в архив, в подвал к высушенной бумажной пылью Семенкиной.

В этот день Николай Данилович к работе не приступал, только на полчаса раздвинул портьеру: поздороваться с женщинами, сообщить несложный комплиментишко норовисто скачущей в кабинет Начальника, обратно, всем обликом таинственноочаровательной Татьяне Викторовне. Все остальное время провел, затаившись в своем закутке, счастливо прислушиваясь к голосам, разговорчикам, стуку, шороху предпраздничной канцелярии. Впрочем, заходили поочередно коллеги-столоначальники. О юбилее никто дипломатично не вспоминал, но именинник постоянно рдел от кажущихся ему намеков; Петров и Кефалин характерно потирали время от времени руки. Звонил сын, голос его на сей раз был не плаксиво-скучный, но даже со слышимыми оттенками участия и небольшой, но подходящей к случаю гордости за отца. «И когда ему успели сообщить?»— подумал Николай Данилович. Чувствовалось, сын старается быть искренним, отгоняя подспудно пульсирующую мыслишку о той части благ, наградных, что изольются и на него. Даже повеселил отца, рассказав по телефону анекдот из последней серии, который Николай Данилович, по прав-

Я БУДУ ГОЛОСОВАТЬ

ЗА КАНДИДАТОВ БЛОКА КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ!

де говоря, не умевший их рассказывать, тотчас передал случившемуся рядом Петрову:

- Вот едет в трамвае этот... Чинганчук...
- Чингачгук, Чингачгук, поправил коллега.
- Да-да, в троллейбусе exaл, а контролер билеты проверяет...
- Xa-хa-хa! Не слышал еще. Вот, черти, выдумывают!— посмеялся от души Петров по окончании мучительного рассказа.— Вот я тебе пикантный расскажу: заходит интеллигент в аптеку...

Если бы вы смогли сейчас перелететь в канцелярию, сесть за свободный стол в правом ряду, то в течение часа слышали бы негромкое бормотание из-за портьеры, каждую минуту-две прерываемое двойным, а впоследствии — тройным (попозже заходил Кефалин, после него еще один из отдела внешней кооперации горкомхоза, слонявшийся по канцелярии в ожидании Начальника) всхохотом: Петров заливался басисто, Николай Данилович — поросячьим всхрюкиванием и взвизгиванием.

Наконец-то пришедший в себя, начавший кое-что соображать юбиляр спохватился, позвонил сыну, который, на его счастье, не успел исчезнуть из дому, продиктовал список требуемого закупить для ответа на поздравления. Деньги велел взять из резервных, неприкосновенных сумм.

День прошел весело, через десять минут после отпускного звонка зашел Семен Игнатьевич с Петровым, немного поговорил с последним в присутствии хозяина, похлопал того по плечу:

— Готовься... юбиляр!

Все ушли, но вскоре явился сын, принес закупленное, а также новых рыбок. Выпил за здоровье предварительную стопку и тоже ушел, пообещав явку на завтра. Николай Данилович порыбачил, накормил сверх добычи помирившегося с ним кота ветчиной, рано и покойно заснул.

Живописный сон, верный друг Николая Даниловича, посетил его в предъюбилейную ночь. Соответствующий случаю, снился ему (35×10=350?!) «Юбилей

по поводу «350-льтія царствованія Дома Романовыхъ (1613-1963)». Событие происходило в теперешней резиденции августейшего Дома по адресу: Испания, г. Мадрид, ул. Веласкеса, 92. Здесь помещались покои Его Высочества Великого князя Владимира Кирилловича — наследника престола, а при них — домашняя церковь и походная канцелярия, ибо наследник, равно как предыдущий наследник Великий князь Кирилл, считались с 17-го года в походе.

Прекрасное зрелище являл в тот вечер особняк на ул. Веласкеса: иллюминированный фасад, полные света окна, свисающий над парадным черно-желто-белый российский императорский флаг с раздвоенным византийским орлом. По бокам входной лестницы стояли навытяжку в карауле присланные торжества ради тогда еще живым каудильо Франко гвардейцы. Съезжались гости.

В бальном зале, одетый в полковничий мундир лейб-гвардии Кексгольмского полка, стоял около алтаря домашней церкви бодрый еще видом наследник престола. Новоприбывающие крестились в красном углу, где их сретал старенький отец Анпилог, после чего подходили к наследнику. Представлял последнему Начальник походной Канцелярии, также одетый в лейб-мундир, но только конногвардейского полка, ротмистр Вуич:

— Ваше Императорское Высочество, позвольте Вам представить явившихся на тезоименитый Юбилей высших чинов императорских Армии и Флота, сановников, чинов разных ведомств.

Государь благосклонно наклонил монаршью голову. Вперед поочередно выходили седенькие полководцы и флотоводцы, стоявшие походными бивуаками по разным местам матушки-землицы по причине жидокомиссарского бунта.

- Полковник Шестого Альвеопольского гусарского полка князь Белозерский-Белосельский, командующий Североафриканским военным округом!
- Честь имею, Ваше Императорское Высочество! астматически, но с лихостью прикрикнул князь.

— Капитан 1-го ранга, георгиевский кавалер Мазуркевич — командующий округом императорских Армии и Флота в Австралии, Тасмании, Новой Зеландии...

Представление командующих, андреевских и полных георгиевских кавалеров шло своей чередой.

— Не было никогда России без царя-батюшки, без департаментов с приданными им *Канцеляриями*, без святой православной церкви, — воспользовавшись перерывом в представлении, заметил Владимир Кириллович, — вот батюшка подтвердит...

Николая Даниловича несли на стуле по ведомству финансов и налоговому. Основной тягловой силой был крепкий, красный ликом Государственный контролер (нынешний) Родзянко-племянник, недавно лишь получивший почетную должность. Остальные более для видимости поддерживали стул со столоначальником.

Чем ближе колонка финансового ведомства притекала к Государю, тем более волновался Николай Данилович. Прошло ведомство полицейское и народного просвещения; в едином лице был представлен департамент мукомольный; прошли путейцы, законники. После сравнительно густой, шумливой колонны промышленников, возглавленных опять-таки князем Белозерским-Белосельским, владельцем апельсиновых плантаций в Марокко, наступила очередь финансового ведомства.

- Кто таков? вопросил наследник.
- Столоначальник департамента учета и внутриведомственной статистики кавалер ордена Святыя Анны 3-й степени коллежский асессор Николай Данилович М.! — лихо выкрикнул ротмистр Вуич.

Только собрался Николай Данилович верноподданнейше произнести приветствие и получить из рук Государя Анну следующей степени, как над ухом громко прокричал... не Вуич, а Петров:

— По какому праву?!

Он испугался, брякнулся со стула и проснулся.

Утром М. разбудил Петров. Было это тем удивительнее, что Николай Данилович три с лишком десятка лет просыпался безо всякого будильника в половине седьмого. Даже — в последние несчастные годы — если и пил на ночь снотворное. Исключение было сделано лишь дважды: в обе брачные ночи, хотя он здесь схитрил, притворяясь спящим.

«Вот тебе и юбилей...» — разочарованный чем-то, подумал М., заслышав петровское: «По какому праву?!» И, вторя его мысли, но в ликующей интонации весело прокричал коллега-столоначальник:

- Вот тебе и юбилей... чуть не проспал!
- Доброе, хм-м утро, Сергей Александрович.
- Вставай, вставай, Данилыч. Уже восемь.

Николай Данилович свершил свой недолгий туалет (Петров, отогнув край портьеры у стены, высунул на эти минуты голову в мир — в канцелярию). Когда же, досчитав до ста двадцати пяти, обернулся к сослуживцу, тот уже растирал лицо и шею полотенцем, напевая сквозь зубы, саднящие, похрустывающие от импортной пасты, навек въевшиеся с детства слова бодрой песенки: «Нас утро встречает прохладой». Попутно он дивился сну, кстати, совсем неогорчительному.

Через некоторое время вносившие из коридора в канцелярию склеенный двойной лист ватмана Кефалин с молодым человеком — учрежденческим живописцем — увидели раздвигающуюся портьеру, свежего со сна, одетого в лучший свой пиджак Николая Даниловича. Галстук на нем был свежайший. Петров бережно стряхивал приставшие пылинки с рукавов, с лацкана.

- Стенгазета. Спецвыпуск в твою честь! Николай Данилович окончательно смутился.
- Голубчик! Николай Данилович! Ведь тридцатипятилетие — это не шутка, а парад-алле. Юбилей!!— с чувством подхватил разговор Кефалин.— Давай, Иван, вот туда, справа от кабинета пришпилим: Николаю Даниловичу прекрасно видно вполоборота, и Семену Игнатьевичу удобнее будет читать.

Вошедшие вместе с Петровым довольно-таки бестолково крутили, шелестели бумажной простыней, стучали никелированным молоточком, которым Иван на досуге выштамповывал чеканки, однако с делом справились. Обернувшийся в наступившей тишине Николай Данилович увидел на стене позади от себя, чуть правее от входа в кабинет Начальника крупную, пылающую кармином с киноварью надпись: «К 35-ЛЕТИЮ РАБОТЫ В УЧРЕЖДЕНИИ», а пониже витиеватыми, торжественными темно-синими, как парадный костюм Семена Игнатьевича, буквицами: «НИКОЛАЙ ДАНИЛОВИЧ М. 19... — 19...ГГ.».

Глаза юбиляра увлажнились. Петров ласково, как Микеланджело на свою возлюбленную Витторию Колонна, смотрел на коллегу, затем отошел к стене, зачитал весь написанный в стенгазете текст для совсем потерявшегося да и не имевшего возможности читать на двухметровом расстоянии ничего, кроме рукописных заголовков: «Дирекция, партком, профком поздравляют», «Из жизни и трудов нашего друга», «Равняйтесь на него!» и названия большого, неопределенно восхваляющего Николая Даниловича литературного произведения Валентинова — учрежденческого литератора из соседней канцелярии.

По прочтении Николай Данилович не на шутку уже прослезился; в последнее время стал он питать слабость к литературно обработанному слогу, вот и сейчас его тронул более всего (исключая, конечно, опубликованное в стенгазете официально-дружеское поздравление директора) наспех написанный рассказец Валентинова, которого Николай Данилович ранее почти что недолюбливал.

А относительно пробудившейся страсти к изящному слогу, то здесь виной было удаление Николая Даниловича от мирской суеты, появившееся свободное время, сначала казавшееся неволей, а обернувшееся потом волей, которое тот стал заполнять чтением детективов — впоследствии и серьезных исторических сочинений. В самое же новейшее время не стал брезговать романами, но особенно увлекли его мемуары из

личной и общественно-литературной жизни виднейших сочинителей. Он даже — хранил это в великом секрете — сделал полгода тому назад попытку написания собственных воспоминаний. Побудили к этому деянию впечатления Петрова от недавней командировки в столицу. Вернулся тот в пиджаке отменного покроя с прической эдаким чертом, что повысило его репутацию в глазах учрежденческих дам, с запасом свежайших анекдотов, массой житейских наблюдений.

- Проживаешь тут в глуши, ничего не видишь, ничего здесь не меняется год, два, десять лет, — вольнолюбиво рассуждал Петров, сидя как-то вечером у Николая Даниловича сам-третий с Кефалиным.— Другое совсем дело в столице: не побудь там квартал-два, все меняется. Вот и сейчас какого-то чудного народа прибавилось. На каждом шагу — странные такие люди. В метро еду, смотрю: стоит негр, высоченный в своей военной форме, ну, фуражка, китель с короткими рукавами, погоны, аксельбанты, — все как положено, а в левом ухе серьга здоровенная, на полфунта, аж мочка оттянулась и посинела! На Павелецкой прапорщик, крепыш такой кубастенький в сапогах, вошел в вагон, как уставился на него, так и простоял изумленный, по всему видно, даже лишнюю остановку простоял. Спохватился — и из вагона, да на противоположную платформу; бежит, а сам все оглядывается...
- Во-во, в Одессе раз...— встрял было Кефалин, но рассказчик осадил:
- Погодь, Ефим. Значит, пересел на радиальную (Семен Игнатьевич просил посылочку завезти к тещиной сестре), вышел на «Речном», а навстречу жених с невестой с 400-го автобуса вышли, идут себе в сторону пристани, наверное, принято сейчас в столице на пароходах свадебно путешествовать. Смотрю и волосы на голове у меня зашевелились: жених, как положено, весь в черном, туфли лакированные, в галстуке, а она ну верьте мне или не верьте как есть голая! Конечно, сейчас по летней жаре у нас уже мода такая, чтобы в платьице полупрозрачном да безо всяких там комбинашек, но тут невеста: какая-то кисея с плеч

до пят — и вся насквозь, то есть ровным образом ничего под кисеей нет! Прямо с пляжа идет, даже загар виден, но самое-то главное — без лифчика?! У мужиков встречных — из приезжих, в пиджаках — аж носы синеют, а столичные идут себе хоть бы что, видать, ко всему привыкли.

Вообще, у них в столице как на пляже где-нибудь в Сочах или Пицунде: в центре, понятно, все мужики в брюках, да там местных, кроме служебных, не бывает, все больше наш брат командированный или по покупной части, а чуть в сторону — мужики, и молодые и под семьдесят, в шортах разгуливают. Милиция стоит — хоть бы что.

— Нда-а-а... У нас до этого не дойдет,— встрялтаки Кефалин,— помните, в позапрошлом году на сено в Прилепский район выезжали с ночевкой-то?

Коллеги вспомнили известный скандал в учреждении, случившийся на этой сенозаготовке. Когда двумя автобусами учрежденцев доставили за семьдесят верст на центральную усадьбу подшефного колхоза, распорядились покидать вещички и тормозки в клубе, а самим идти окашивать вдоль оврага неудобья, то женщины подняли свару: «А на чем спать будем, матрацев нет, готовить к вечеру горячее тоже не на чем?»

Понесло, поехало, как будто в первый раз в деревню прикатили.

Размещал их бригадир, не совсем трезвый, потому и беззаботно-веселый. Он махнул рукой на городские претензии, ушел. Не в силах вынести женского крика, бывший старшим Несмеянов — начальник соседней канцелярии — отправил своего руководителя группы Вадима Горюшкина, парня молодого, скорого на ноги, бойкого на язык, в правление с претензиями. Ждали его через полчаса, от силы — через час, но прошел час и полтора, а Вадима не было, зато (видно было через овраг) к правлению подкатил милицейский «Урал», милиционер вошел в правление, через пару минут кого-то вывели, причем помогавший выводить споткнулся о порог и упал, не спеша вставать. Почуявший неладное Несмеянов сбежал под горку (дорога от прав-

ления в район шла опояской по оврагу навстречь) наперерез мотоциклу, через полчаса снова взобрался на горку к клубу весь красный, взъерошенный. За ним понуро шел Вадим. Начальник, горячась, на ходу распесочивал того, Вадим оправдывался. Впрочем, оба были в недоумении.

Как вскоре разъяснилось, Вадим, редко бывая на сельхозработах, не догадался (а Несмеянов не проследил) и отправился в правление в шортах. По дороге никто ему не попался из местных — село точно вымерло (оказывается, приехали они в храмовый праздник). Встретились только трое пацанов, прыснувших при виде Вадима, да молоденькая учительница местной школы, только что из города, потому осмотревшая приметного молодого мужчину с любопытством да и только.

В коридоре правления было темно после яркого солнца, Вадим ощупью пробирался к внутренней двери, споткнулся о лежащего на полу сельского жителя, чертыхнулся, но до двери добрался-таки. В комнате правления сидели агроном и давешний бригадир. Едва Вадим открыл рот с претензиями, как агроном побагровел, закричал, аж водка в стаканах рябью покрылась:

- Это-ть в каком виде заходишь в правление?
- Стыда у них нет, совсем зажрались,— поддержал бригадир.

Вадим также прибавил громкости в голосе; излагая жалобы, язвительно упомянул о деревенском бескультурье и дикости. Вышедший на шум из своего закутка-кабинетика председатель, долго не разговаривая, вызвал по телефону участкового.

- Эдак они скоро с голыми задами станут по селу расхаживать,— разъяснил он быстро прикатившему лейтенанту. Вадима вывели из правления, повезли оформлять в район на пятнадцать суток за хулиганство и непотребный вид.
- Да-а-а,— рассмеялся Петров, вспомнив историю, было такое дело. А вот в столице культура... Правда, с вывертом много народа встречается; еду от тещиной сестрицы на автобусе до метро (она на дальнем

конце Фестивальной живет), напротив парень лет тридцати пяти сидит... свитер вяжет, да так ловко спицами орудует! Вот так насмотришься всего, впору хоть мемуары сочинять...

Последние слова Петрова задели самую больную в последние дни струнку в душе Николая Даниловича, более того — целенаправили до сих пор хаотические мысли о писательстве в нужное русло. Вечером того же дня Николай Данилович расчистил стол, достал из личного ящика стопку первоклассной писчей бумаги, непочатую патентованную шариковую ручку «Stabil line — 5 km» и, слегка подумав, начертал сверху на титульном листе: «Н.Д.М. ...» В середке листа написал и подчеркнул: «МОИ ВСТРЕЧИ С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ»; в конце листа проставил город Т., год начала жизнеописания. На следующем листе аккуратным, от природы данным почерком начал сочинение:

«Я, Николай Данилович М., родился в ничем внешне не примечательной семье служащего в...» Далее Николай Данилович, морщась от явной негладкости слога, кратенько на двух листах изложил автобиографию. Она ему не понравилась; решив, что к расширенному своему жизнеописанию он возвратится впоследствии в отдельной книге, Николай Данилович порвал написанные листки, начал мемуары с нового листа уже в строгом соответствии с заголовком:

«Жизнь моя хоть внешне не замечательна, но поучительна. Не могу молчать, утаивать или бесследно хоронить в устных беседах мною виденное, слышанное, прочувствованное. При всем кажущемся однообразии жизни, мне повезло встретить многих замечательных людей. Не скрою от тебя, мой будущий читатель, что вот уже много лет ореолом скромности, честности, трудолюбия, инициативности и сердечности овеян мой непосредственный Начальник — Семен Игнатьевич. Это самый замечательный человек, которого я встретил на свое счастье, в жизни (да пусть не обидятся за эти слова на меня все описываемые ниже, быть может, также в своем роде исключительно замечательные люди).

Вся семья Семена Игнатьевича такая же добрая, сердечная, включая самых дальних родственников. Чего стоит один только

_ _

зять его? А тетка жены, всю трудовую жизнь посвятившая хлебной торговле в одной и той же булочной № 18, что на углу Дударевской и Ильи Репина?

Да, могу я сказать искренно: есть еще Люди! И все они разные, всяк свое отличие на себе несет»...

Далее Николай Данилович рассказал о двух бывших у него встречах с неординарными личностями. Первая вышла с десяток лет тому назад в городе Мелитополе, куда он с женой приезжал в отпуск к дальней родственнице. Приехали они к ней в первый раз, добираться нужно было за город, поэтому крупный чемодан оставили в железнодорожной камере хранения, за ним Николай Данилович приехал на следующее утро. Дотащившись до автовокзала, он взял с боем билет на автобус, присел на чемодан, обливаясь потом. Рядом торговала мороженщица, однако витая очередь не внушала никакой надежды Николаю Даниловичу. Привокзальная площадь была битком забита отдыхающим и местным людом, так что приходящие и отправляющиеся автобусы только с многократными гудками, с остановками-толчками пробивались через тол-

В один достопримечательный момент с конца площади донеслись испуганные вскрики, затем толпа пришла в волнообразное движение. Привстав. Николай Данилович рассмотрел, что в толпе змеится и разрастается коридор, люди в панике разбегаются по обе стороны площади, а коридор подбегает к лотку мороженщицы. В тот момент, когда ветром сдуло очередь у лотка, Николай Данилович уяснил причину происшествия, содрогнулся: по образовавшемуся коридору шел-бежал старушечьим подскоком чудовищного обличья человек. Был он почти двухметрового роста, неимоверной толщины — не менее метра в плечах и бедрах, со слоновьими несгибаемыми ногами, босиком. Руки же свисали почти до колен, сжатые в кулачища с пятикилограммовый арбуз. Огромная голова с торчащими вбок ушами, с коротко остриженными жесткими рыжими волосами, безо всякой шеи бычилась на плечах. На плоском лице находились два маленьких глаза,

сплющенный нос размером с сандалию семилетнего ребенка, огромный рот с оскалом клыкастых желтых зубов. Сплошь заросшую рыжим курчавым волосом грудь едва прикрывала застегнутая на одну пуговицу рубашка-безрукавка. Пот заливал грязно-белесые холстинковые штаны, сшитые из двух мешков. Чудище тяжело дышало. Добежав до препятствия — лотка с мороженым,— оно остановилось, потом протянуло лапу-грабли и взяло россыпью из коробки с пяток вафельных стаканчиков, подержало их на ладони, видимо, размышляя, потом как семечки побросало в рот, зажевало и. огибая вокзал, исчезло. Народ загомонил. Объяснения этому факту никто не смог дать.

Записав воспоминание, Николай Данилович перекурил, выпил стакан кефира, перешел на странице 5-й к следующей встрече.

Через два года после мелитопольской поездки был он в Москве: ездил с женой в отгул покупать костюм себе и пальто жене — оба одновременно получили премии, решили несколько приодеться.

Вытолкнувшись из переполненной утренней электрички на Курском вокзале, перед этим простояв три с половиной часа в тамбуре набитого под завязку вагона, пассажиры ринулись штурмовать туалеты. Николая Даниловича удачно занесло в дверь; уже пробираясь обратно сквозь встречный народ, он заметил у стены с зеркалом страннейшее существо: на корточках сидела грязная, оборванная баба и коротко взлаивала на проходящих, иногда пытаясь цапнуть кого-либо из непонравившихся за пятку. Приезжий в столицу провинциальный народ испуганно отбрыкивался, торопился отбежать. Николая Даниловича встречным потоком отшибло в угол, в тупик, и он смог хорошенько рассмотреть чудище: у нее были удлиненные, поросшие жестким волосом уши полугодовалого щенка!!

О боже! Чудище прицелилось на него, на четвереньках протопало в угол. Николай Данилович с яростью разгреб толпу, ринулся к выходу. Сзади доносился мерзкий лай. Остроглазый татарин-носильщик, вбе-

гавший в это время в туалет, крикнул Николаю Даниловичу:

— Беги скорее, не оборачивайся! Укусит, ха-ха-ха! Ни жив ни мертв он добежал до буфета, где договорился встретиться с женой. Хорошо, хоть костюм и пальто в ту поездку купили. Напутанный Николай Данилович уговорил жену на обратную электричку садиться в Текстильщиках, хотя это гарантировало только стоячее место, по преимуществу в тамбуре.

Пять вечеров посвятил Николай Данилович описаниям памятных встреч, которые закончились на сорок седьмой странице. Под конец шла всякая, отыскиваемая в памяти чушь: торгующий на базаре лезгин или ингуш с двумя институтскими «поплавками» на пиджаке; старый алкаш, пивший прямо на выходе из керосиновой лавки на Александро-Невской площади из горла «синенькую» — жидкость для разжигания примусов; пьяная же шестнадцатилетняя девка, подброшенная веселыми своими приятелями в мусорный бак в их дворе и проснувшаяся после облития холодными помоями. Замыкал серию жизнеописаний и памятных встреч неведомый мужик, игравший по утрам в трамвае первого номера на балалайке, причем игравший очень искусно — с переливами, с коленцами.

Перечитав рукопись на шестой от начала творения день с тем, чтобы на день седьмой устроить себе отдохновение, Николай Данилович почувствовал: написал совсем не то, куда-то он дал кривизну, а вот куда? — Сообразить не смог. Рукопись была спрятана до поры на самом дне личного ящика.

С самого начала юбилейного утра в канцелярии стал собираться народ. Женщины — чуть наряднее одетые, губы — слегка, но тоже чуть ярче подкрашены, веки — чуть-чуть больше подсинены. Предварительные поздравления, суета. По всему чувствовалось, что сегодня день, приравненный, по меньшей мере, к профессиональному празднику — Дню работников коммунального хозяйства. Прозвенел звонок.

Бедный, счастливый Николай Данилович! Если бы он знал, что в соседней — тоже взбудораженной, как и все учреждение — канцелярии Несмеянова язвительный поэт Валентинов читает вслух избранным отвергнутое редколлегией стенгазеты стихотворение «Сонет о столе и человеке», написанное потом и кровью. Адски заглушенным шепотом он декламировал в кругу канцелярской молодежи нечто оскорбительное, в высшей мере презрительное в отношении несчастного Николая Даниловича. Общим хохотом встретили слушатели заключительную строфу злодейского сонета: «Преград стремлению природы нет, на все готов ее сочувственный ответ: и человек, и стол слилися в единенье!»

Если бы это слышал Николай Данилович? Как он покраснел бы, заиграл скулами... А может, в праздничной рассеянности, в отвлекающей суете воспринял от души, возрадовался? Кто знает? Мы этого не ведаем

Собрались все женщины, вошел Начальник, плечо в плечо с самим Иваном Григорьевичем. Мигом от стены отпрянули читавшие стенгазету и кучка поменьше, копошившаяся над чем-то в углу, что-то расшпиливающая, рассовывающая по ящикам последних столов его, Николай Даниловича, ряда. По комнате (или показалось вконец измученному радостью, всеобщим вниманием, велико возросшей самозначимостью юбиляру?) пронесся гул, застыл сам воздух, столы, люди; даже свет от лиловых неоновых трубок, казалось, перестал струиться с положенной ему скоростью света, а марево колебался, застывая в параллелепипеде канцелярии.

Ведь вошел САМ ИВАН ГРИГОРЬЕ ВИЧ!

— Сам, сам, сам... с-а-а...— угасая, пронесся по комнате тридцатигласный женский лепет.

В отуманенном юбилеем мозгу Николая Даниловича, в последнее время научившегося много думать, сравнивать, всплыла виденная давным-давно живая картинка, когда водил он своего, тогда еще шестилетнего несмышленыша, Сергуньку в бродячий зоопарк,

раскинувший фургоны на площади у бывшей церкви Св. Владимира, ныне цеха № 6 макаронной фабрики. Вспомнил, как сын, до упаду насмеявшись над ужимками голозадых макак и мартышек, насмотревшись на прикованного черного морщинистого африканского слона, остановился зачарованный перед клеткой, в которой стоял, раскачиваясь, ревя, огромный косматый лев. Вокруг него в одной с ним клетке суетились штук пять тщедушных волков и какая-то дикая собака.

- Смотри, сынок,— пояснял Николай Данилович, написано на клетке: «Содружество зверей». Понял?
 - Они дружат? Да, папочка?
 - Ла..

В это время служитель в клетчатой заштопанной рубахе принес на деревянной лопате здоровенный кусок — полбока теленка — мяса, изловчившись, забросил его в клетку промеж прутьев.

Стая вскипела, но тут же замерла. Лев приселприлег, лапой пододвинул кусище к себе. Оглянувшись, заметив еще один, отпавший от полубока шматок с килограмм весом, вздохнул, не сдвигаясь с места, лапой же притянул его к себе. Подумав, не спеша захватил пастью кусок побольше. В тишине хрумкнуло с первого присеста перекушенное телячье ребро.

- Пап, а пап? А волченьки-то тоже ку́сать хотят, у них слюнки текут... почему он им не даст?— заволновался сынишка, теребя Николая Даниловича за рукав. Лев выплюнул обглоданную кость, которую тотчас схватил черный волк, самый большой после льва зверь в клетке.
- А другим почему не дает?— канючил Сергунька. Волки, собака стояли шеренгой перед мордой жрущего льва, недвижимые, уткнувшиеся глазами в мясо, длинные липкие слюни текли из уголков судорожно вздрагивающих пастей на грязный, усыпанный опилочной трухой пол.
- Начальник!— с назидательным уважением произнес Николай Данилович.— Большой, сильный. Вот поест, сколько ему надо,— другим косточки оставит.
 - А черный волченька?

- А это, гм-мм, заместитель его лучший друг в клетке. Он помогает льву порядок наводить. Понятно?
 - Они есть хотят, я им мороженое отдам...
 - Нет, сынок, они мяску только кушают.

Их оттеснил любопытствующий народ. Уходя, Николай Ланилович слышал восхишенное:

— Ишь жрет?! Начальник! Люблю я на них, на начальников, смотреть: на тигров да на львов. Ну чисто как в жизни!..

Хотя в канцелярию никто не внес мясо на дворницкой лопате, а последнее «В мире животных» он почему-то пропустил, все это вспомнилось юбиляру. Кто знает: почему вспомнилось?

— Часто один без дела рассиживаю,— сам себя сурово оборвал Николай Данилович и приветливым лицом, улыбкой, губами, ушами, всеми морщинками лба сладчайше потянулся навстречу подходившему Ивану Григорьевичу.

Поодаль полукружием встали счетоводы, бухгалтерши, рассыльные девочки, окружив более вольно расположившуюся перед столом Николая Даниловича группу: директора, обоих столоначальников, пришлых общественников, административных деятелей. Там же стояла Татьяна Викторовна с поздравительной документацией в парадной атласной папке Начальника «К докладу».

Юбиляр в наступившей торжественной тишине весь напрягся, подтянулся, испытывая уже забытое желание встать во фрунт, и с серьезнейшим, почтительно-торжественным выражением выслушал поздравительную речь директора. Вся канцелярия вместе с набежавшими служащими всего учреждения шумно, бисово зааплодировали.

Взяв с вытянутых рук Петрова грамоту с золотым обрезом, глава учреждения вручил ее Николаю Даниловичу, прочувственно пожал его правую руку обеими своими ладонями. Все дальнейшее слилось в памяти юбиляра: представители, начальники, потом канцеляр-

ские женщины жали и жали его руку: то сжимали крепко, то потно-расслабленно касаясь, то лаская подушечкой розовой женской ладони, отороченной кольцами и маникюрными ноготками. По-мужски крепко жала Бутурлина.

Все шло по ранжиру; смену одной категории поздравлявших другой Николай Данилович, почтительнейше не смевший, не успевавший даже приподнимать голову, различал лишь по маркам наручных часов: после солидно-патриархальных «Командирских» директора, некогда, правда недолго, служившего во флотском интенданстве, промелькнули дивные, украшенные многими заводными головками, разноцветными стрелками японские «Сайко» и швейцарские «Омеги» замов, начальников отделов, затем — двадцатитрехкаменные «Ракеты» Петрова и Кефалина, золоченые «Победы» мелкого постороннего люда, неведомой заграничной марки золотые часики Татьяны Викторовны, целый сонм «Электроник» с тяжелыми стальными и дешевыми пластмассовыми браслетами. Завершали поздравления хоровод разнокорпусных старомодных «Чаек» сотрудниц канцелярии.

Наконец, пухово махнула последняя ручка, снова водворилось каре. Поднявший голову с выступившими на лбу бисеринками пота Николай Данилович увидел приготовившего для аплодирования руки директора, стоявшего рядом Начальника с большим, дивно переплетенным томом на вытянутых руках.

— Уважаемый и дорогой наш Николай Данилович! Вы славно, честно, трудолюбиво работали, украшая нашу организацию в течение тридцати пяти лет. Принято к юбилеям подводить итоги деятельности: рабочий вспоминает выточенные или отштампованные им детали, собранные механизмы, строитель — дома, воздвигнутые его руками, человек творческий получает более, так сказать, компактный подарок: писатель — новое собрание своих сочинений, ученый — обобщающую его труды монографию, художник — персональную юбилейную выставку полотен и т.д.

Николай Данилович! Дорогой Юбиляр! Вы, безо всякого сомнения, тоже творческий человек. Пусть ваши творения известны немногим, пусть они не блещут красками картин, поэзией стиха, лаконичной выразительностью скульптуры (здесь до Николая Даниловича дошло, что речь написана по официальному заказу Валентиновым). Но ваши труды, овеществленные в колонках и строчках цифр, люди вспоминают чаще, не называя вашего имени, ибо эти строчки, колонки — цифры выполненных планов, надежд, устремлений. Продукты, благоустроенные квартиры, трамваи и даже, так сказать, личный автомобиль — все выходит для нашего трудящегося из таких вот колонок написанных вашей рукой цифр.

И вот в ознаменование ваших 35-летних творческих, творческих, подчеркну я, трудов мы изыскали возможность отпечатать полное собрание месячных, квартальных, полу- и годовых отчетов, вышедших изпод вашей руки. Труд этот, снабженный гравюрой с вашей фотографии, введением, написанным представителями администрации и профкома, а также подробной биографической справкой, отпечатан в РИО¹⁶ исполкома тиражом 150 экземпляров. Пусть же новые поколения наших счетоводов, бухгалтеров, экономистов, даже главных специалистов внимательно изучают ваш бесценный опыт, учатся добровольному самопожертвованию, добросовестности, сознательному отношению к героическому, кропотливому, хотя на первый взгляд — незаметному труду. Да и старым нашим кадрам тут есть чему поучиться.

Итак, примите, дорогой Николай Данилович, этот увесистый девятисотстраничный том — печатное свидетельство неутомимой деятельности в стенах, ставших всем нам родным домом, имя которому — Учреждение. Ура, товарищи!

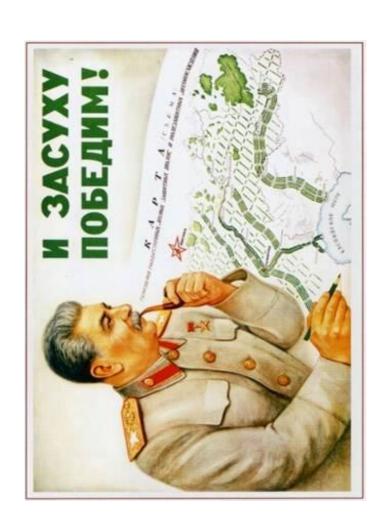
Дрожащими от волнения руками юбиляр принял книгу, с явной натугой подержал ее секунд десять, ма-

¹⁶ Редакционно-издательский отдел

ло что соображая, затем опустил на стол, вновь поднял руки, которые тотчас но второму разу принялись пожимать все те же обладатели «Командирских», «Саек», «Омег», «Ракет», простеньких «Чаек». Все вновь смешалось. Уже в общем говоре вручали юбиляру от отделов и служб подарки: неизменную инкрустированную шахматную доску, ручные (чудом добытое изделие швейцарской фирмы) и электронные настольные часы. Какая-то незавидная служба из подвального этажа поднесла ящичек гаванских сигар. Заминка вышла только, когда представитель дочерней конторы некогда отколовшегося от учреждения отдела, получившего автономию, а потом полную независимость, — преподнесла дивной кожи портфель с монограммой. В конторе этой были оповещены о необычном юбилее, но лишь в самых общих чертах они были осведомлены o modus vivendi¹⁷ юбиляра. Однако в общей суматохе и сумятице все сошло... Но это просто контора была такая... неактуальная, забитая внутренними дрязгами, не позволявшими видеть далее своего носа, порога то бишь. Вообще-то, слава у Николая Даниловича была общегородская, это подтвердилось прибытием на юбилей представителя от облпотребкооперации (лет пятнадцать тому назад жена уговорила на гол-другой вступить пайшиком в это учреждение дефицит тряпичный ее интересовал); представитель преподнес виновнику дефицитнейшую, высоко ценимую в учрежденческой среде авторучку фирмы «Паркер» с золотым пером и гравировкой: «Имя тебе потребитель!».

Еще некоторое время директор говорил хорошие слова, вновь пожал руку Николаю Даниловичу и, смутно намекнув на поданное «вверх» представление к заслуженной награде, ушел. За ним постепенно потянулись посторонние. Тут-то началось празднество. Николай Данилович, углубленный под руководством Петрова в рассматривание двухкилограммовой книжи-

¹⁷ образ жизни

цы, не раз, не два пускал одинокую слезу, отыскивая то одну, то другую четвертьвековой давности ведомость, особо почему-то памятную ему. За этим занятием он не заметил, как столы в среднем ряду сдвинули таким образом, что стол-механизм Николая Даниловича оказался в вершине этакой верхней черточкой буквицы «Т». Все наличные стулья канцелярии уставились по обеим сторонам сомкнутого ряда, а три десятка женщин суетливо уставляли его карандашными стаканчиками со свежими цветами, раскладывали готовящийся в углу салат и бутерброды по тарелкам. Кефалин с услужливым молодым человеком из отдела Несмеянова вынимали из тумб столов бутылки, расставляли равномерно по ранжиру их достоинств на столе-гиганте. Потом к ним присоединился Петров. Звенели вилки, ложки, ножи. Все расселись. Занявший место одесную Николая Даниловича Начальник поднялся, бережно взяв тонкого стекла рюмку в правую руку, произнес прочувствованный тост. Забежавший на пару минут директор также поздравил юбиляра тостом, выкушав рюмку коньяка.

И грянул пир, каких никто в канцелярии не помнил по поводу октябрьских и майских, новогодних и женско-мужских, иных неофициально-юбилейных праздников. В нынешние времена уже не верится, что такое бывало. Николай Данилович начисто забыл все горести последних лет.

После полушестичасового звонка весь лишний народ ушел: их ждали мужья и дети. Точнее, те ушли, кто хотел увидеть этих м у ж е й и детей; понятно, что желающих видеть поскорее жен и детей не нашлось. Осталась узкая компания: Начальник, Петров с Кефалиным, Татьяна Викторовна, Стелла, еще пара девочек для комплекта и украшения компании, пришедший сын Сергей, уже навеселе, который с ходу заинтересовался одной из них — подругой Стеллы Верочкой, но не той, бывшей подчиненной юбиляра, а другой, двадцатилетней подопечной Петрова, и

скоро увел ее к себе домой, на прощание разлобызавшись с пьяненьким папенькой.

Гости были в третьем угаре веселья. Не менее юбиляра сиял и торжествовал Кефалин, устроивший гвоздь официальной дополушестичасовой программы. Каким-то неведомым путем, подключив своих многочисленных родственников, добрался до директора филармонии, неделю его обхаживал, возил на пикничок в «Ручеек», стращал взятым у бородатого профессора японским медицинским журналом с большой статьей о Николае Даниловиче со множеством снимков столоначальника, но в итоге своего добился: за умеренную плату ангажировал на юбилей гастролирующую в городе эстрадную диву: Мотю Коржикову, поющую стоя на голове. Действительно, к концу поздравлений прибыла Мотя с заджинсованным ансамблем, с час потешала несколько оробевшую канцелярскую публику пением, очень ритмично фигуряя поднятыми в воздух бедрами. Ей преподнесли цветы. Мотя пожала руку Николаю Даниловичу, Начальник элегантно поцеловал ей запястье, музыканты хлопнули по паре рюмок — и все умчались на вечерний концерт.

Когда за окнами стемнело, начались пляски: Начальник с Татьяной Викторовной, Стелла с Кефалиным, Петров — с молоденькой девушкой, той из двух, что осталась на празднике от уведенной Сергеем Верочки. Музыка лилась из личного магнитофона Николая Даниловича, пленки заранее принес сын. Николай Данилович — сытый и усы в меду, добрый, красный лицом — прихлопывал в такт ладонями, подпевал. Утомившись, все вновь закусывали и громко, нестройно пели сначала из юношеского, потом из народного репертуара. Когда время приблизилось к одиннадцати, все было выпито, уже дипломатично заглянул вахтер Бойко — вроде и рюмку за именинника принять, а вроде напомнить. — всех поразил заботливостью Начальник: он вынес из кабинета бутылку выдержанного армянского и темную, как южная ночь, посудину «Черных глаз». Веселье в последнем приступе вскипело еще на полчаса. Николай Данилович рухнул лицом

на том своих трудов, мирно захрапел, не мог потому слышать, как под руководством всегда-себен а – у м е – не – п ь я н е в ш е й Татьяны Викторовны менее, чем Стелла, охмелевшая девочка из Петровской группы собирала посуду, убирала весь хлам, а сама Татьяна Викторовна скоренько вытерла столы, подмела пол. Петров с Кефалиным, стуча и колготя, разнесли по своим местам столы, в то время как Начальник в кабинете, прикрыв за собою Дверь, звонил домой: дескать, приехал куратор из главка, потому директор прихватывает его, еще кой-кого из руководства к себе на дачу на холостяцкую пирушку «за встречу». Петров на цыпочках, но все равно громко стуча получившими автономию ногами, прошел к столу Николая Даниловича, неуверенно нажал нужную кнопку и успел выскользнуть из-под задвигавшейся портьеры.

Юбиляр спал ровно, дышал спокойно; прикрытый портьерой, тем более не смог бы услышать, как звонили домой Кефалин, Татьяна Викторовна... Петрову, на его счастье, звонить не требовалось: все им интересовавшиеся родичи уехали на пару дней на поминки в деревню, Петров же по делам службы поехать не мог да и не знался с покойным последние десять лет. У Стеллы телефона дома не было, но о ней и Петровой девочке, по их возрасту и обычному образу жизни, дома разве что вспомнили, зевнув на сон грядущий их папы-мамы, да чуть поворчали привычно бабушки-дедушки. Впрочем, Стелла жила у тетки, а девочка из группы Петрова имела только мать.

В заключение, пока дамы выходили привести себя в порядок, Начальник вызвал такси.

- Да, да,— кричал он в трубку,— за город, на Рябиковские дачи!..
- Две машины надо,— бубнил, стоя в дверном проеме, Петров. Его осаживал Кефалин:
- Брось, Серега, девочек приютим на коленях... Затем под командой посерьезневшего Начальника вынесли из кабинета припасенные свертки, рассовали их по двум портфелям и полиэтиленовой авоське Татьяны Викторовны. Вернулась она с девочками. Потушив

свет в прибранной канцелярии, погромыхивая, гудя, все покинули комнату. Вахтеру Бойко было приказано время от времени заходить в канцелярию — посматривать на юбиляра. Николай Данилович вздрогнул во сне, бесчувственно перекатил голову на собрании сочинений, но не проснулся, не услышал мягкий шум отъезжавшей с нутряным пением «Волги» с шашечками по политой на ночь улице.

Стихло. В канцелярии все спали.

В три часа ночи Николай Данилович тяжело очнулся: то ли пить захотел, то ли потревожил сон затренькавший телефон. Хотя и запьяневший, но пунктуальный Начальник все же не забыл, как всегда, переключить свой телефон на параллельный на столе Николая Даниловича.

- Слуш-шшаю,— тяжело пролепетал юбиляр, но, ничего не разобрав в смешанном гуле мужских и женских голосов в трубке и дико звучащей по ночному телефону музыки, хотел было уронить трубку, как вдруг четко отпечатался, оттеснив все остальные звуки, равномерно поставленный голос Начальника:
- Веселимся брат, а ты-ы! Слышь, Данилыч? Ты там того, не шали...— Послышался вслед ласкающий смех Татьяны Викторовны, хихиканье девочек. В отдалении пели в унисон Петров с Кефалиным традиционное «Не одна-то во поле дороженька...»

В трубке загудело. Николай Данилович, вновь утратив ясность соображения, опустил ее на рычаги, рванул дверцу холодильника, кнопкой поднял боковую полку, наугад вытащил бутылку кефира, ткнул пальцем в закрышку, с наслаждением, обжигая холодом горло, выдул ее целиком. Забыв захлопнуть дверцу, вновь уронил голову, мертвецки заснул до утра.

Наутро Николай Данилович проснулся в состоянии... к удивлению его, совсем не ужасном. Должно быть, потому, что не пил смеси, только свой «юбилярский» коньяк. На часах полшестого, за раздвинутой им портьерой в канцелярии было свежо, даже слишком:

никто не догадался, не позаботился затворить перед уходом крайнюю от входной двери фрамугу.

Умылся, почистил зубы, выпил стакан холодного пива (слава богу, холодильник, простояв три часа открытым, не дал дуба); совсем захорошело.

Пришедшая убирать тетка Наталья собрала в углу с полмешка бутылок, поздравила Николая Даниловича. Зная ее характер и биографию, он налил из оставшейся в холодильнике бутылки стакан вина. Та конфузливо приняла, закусила конфеткой, доверительно сообщила, что вахтер всю ночь слышал звонки из канцелярии.

- Спал я, теть Наталья,— сознался Николай Данилович,— только раз проснулся, разговаривал по телефону... Начальник звонил, беспокоился, как я тут.
- Вот-вот, Дмитрич-то говорил, что часа в три звякнули, и все стихло, а так не раз супреждь звонили подолгу. Понятно дело: жены да мужья ихние. Всяко знают своих безобразников да озорниц. Таньку-то эту, суседку мою, право, жалко мужика ее. Хоть она приветливая женщина да о семье заботлива, но гульнуть, ох, любит, хотя все больше мужикам головы дурит, да потом хвостом раз и вильнула! Ить правда болтают, что бабка у нее цыганкой была. Ну, милок, заболталась я у тебя, пойду столы перетру, а то вот пятна-то от вина, придут бабы-счетоводы пересуд сами не оберетесь. Счастливенько вам, отдыхайте... Вот и врач к вам.

Врач, вошедший вместе со старинной, хорошо уже знакомой Николаю Даниловичу медсестрой, был заранее в курсе событий. Померил давление.

— Молодцом! Сегодня не перегружайтесь работой, днем поспите. Голова не тревожит? Ну и прекрасно. Всех вам благ.

Оставшийся час Николай Данилович продремал, однако незадолго до звонка спохватился, задернул портьеру. Пропел звонок.

— Николай Данилович! Как вы там?

Вчерашний юбиляр прикрякнул, одернул галстук, поправил лацканы пиджака (не вчерашнего, парадного, а обычного, делового), нажал кнопку портьеры.

- Здравствуйте, девочки!
- Здрав-ствуй-тте!— Тридцать без малого смеющихся, ласково, добро смотрящих женских лиц на прелестнейших, хотя у некоторых, увы, далеко не прелестных шейках.

Поговорив о том-сем, больше о погоде, женщины постепенно успокоились. В задних рядах сбились в кучки, беседовали то ли о юбилейном, а может, о домашнем. Кое-кто из самых злых, сухопарых сидели за столами, рассматривали себя в зеркальца. Одна лишь Бутурлина хмуро вписывала цифры в ведомостную книгу. Более никто не работал.

Татьяна Викторовна, пришедшая вместе со всеми, сильно накрашенная и напудренная, так что следов гулянья почти не было видно — по крайней мере издалека, со стола Николая Даниловича — оживленно болтала в аристократической группке. От нее уже знали, что Семен Игнатьевич не будет до обеда: с утра в горстатуправлении. Девочка, что вчера уехала с компанией, опоздала на десять минут; ее молодость все скрыла даже без макияжа. На щечках играл румянец необычности, почти счастья происшедшего. Она тараторила, ластилась к подружившейся с ней Татьяне Викторовне. Та ее порой легонько осаживала чуть заметным скосом глаз.

Николай Данилович добродушно усмехался. Некогда бушевавшая в подобных случаях зависть обойденного уступила место стариковской мудрости понимания бытия...

В половине десятого приплелся погрузневший Петров. Николай Данилович к этому времени затворился: использовал дарованный директором по случаю юбилея день отдыха. Петрова он услышал по покашливанию и слегка приглушившемуся женскому гомону. Утомленный столоначальник вяло поговорил с женщинами — Николай Данилович не разобрал, с кем

именно и о чем,— затем зашел за портьеру. Вид его был ужасен, по всему чувствовалось, что утром, заскочив побриться домой, подгулявший руководитель группы нарвался на крупный скандал с внезапно приехавшей накануне поздно вечером женой («Слава богу, — признался Петров некоторое время спустя,— хоть теща вторую неделю в Крыму у родственников гостюет»).

— Ты того, Данилыч, побудь тут за меня, а я... домой. Ефима тоже не будет. Хитрый жид — еще вчера втихомолку отгул оформил,— пробормотал Петров и ушел.

Пили, ели — веселились, подсчитали — прослезились!

Николай Данилович с сожалением посмотрел на забытую за два дня удочку, отворил портьеру, уже собрался открыть папку с делами, как кто-то из проходивших по коридору толкнул ногой дверь: в канцелярию вошел, мяукая, бог знает сколько времени не кормленный, пропавший, испуганный юбилейным шумом кот. Вид его сразу напомнил о помойке, больших кошачьих гуляньях и драках: шерсть местами повыдернута, глаз подбит, хвост волочится по полу, левая задняя лапа в срединном суставе не сгибается. Пахло от кота чем-то напоминавшим затоваренную пасту «Океан».

Девицы и женщины восторженно взвизгнули. Кот с ненавистью посмотрел на девиц, проигнорировал женщин, подняв-таки с усилием хвост трубой, промчался между рядами к Николаю Даниловичу и, совсем озверев, прыгнул на открытый сверху по случаю намечавшейся рыбалки аквариум, но прыгнул так высоко, что перемахнул через стенку и плюхнулся в воду, обдав заулыбавшегося было Николая Даниловича с ног до головы холодным фонтаном брызг с блестками выплеснутых рыбешек и липкой черной грязью размокших дафний. Вмиг в канцелярии поднялся крик, визг, хаос. Женщины толпой бросились вытаскивать ошалевшего кота. Двух-трех он в панике оцарапал. Стелла полотенцем обтирала лицо и пиджак хозяина.

Была возня, суматоха, паника, полный беспорядок. То был последний всплеск юбилея.

Вода слегка намочила том печатных трудов. Огорченный Николай Данилович в обиде задернулся портьерой, однако скоро отошел, выманил из-под кресла не менее его напуганного и обиженного кота, мокрого и взъерошенного, успокоил, накормил остатками деликатесов, долил из крана аквариум водой. Женщины наскоро вытерли пол. Выброшенных волной рыбок спасти не удалось; их, полузадохшихся, сожрал кот.

Теперь все было прекрасно. Ничто никого не огорчало. После обеда пришел Начальник: свежий, бодрый, а к концу дня зашел ватный Петров. С пару недель потом вспоминали юбилей; женщины сломали свои языки.

Кстати, через несколько дней после торжества Николай Данилович по совету небескорыстного Петрова, всегда примыкавшего к выпивке, устроил угощение аля фуршет для подготовлявших юбилей, но по своей служебной малозначимости не приглашенных на банкет: редактора «Трудов» из РИО исполкома, редколлегии учрежденческой стенгазеты, еще кое-кого. Дуриком попал сюда поэт Валентинов, сочинивший похабный язвительный сонет на юбиляра.

Валентинову было стыдно, что он угощается задарма, оклеветав человека, но что же поделаешь со своей натурой? («Лермонтов тоже на этот счет удержаться не мог, а ведь в каком обществе вращался?» — оправдывался он мысленно.) После банкетика поэт случайно встретился в соседнем с учреждением подвальчике с зашедшим туда же Петровым. Валентинов через полчаса расчувствовался, раскрыл по поэтической привычке свою душу Сергею Александровичу:

- Что делать, Сергей? Стыдно...
- А ты напиши-ка, Валентинов, приличное стихотворение.
 - Сонет?
- Ну сам, как там знаешь, но чтобы прочувственно было, словом, должен написать. Ободри Данилыча!

Они расстались довольные друг другом. Петров пошел домой к Верочке — выманивать ее сходить посмотреть на новую квартиру приятеля-холостяка, уехавшего в командировку, а поэт, который был лыс, разведен и некрасив, пошел в ресторан: возвращаться в свою неуютную однокомнатную квартирку на окраине города, рядом с наркологическим и кожновенерологическим диспансерами, не хотелось. В ресторане он пытался приставать к девицам из сельхозтехникума, но был нетверд в речах и в ногах. Домой приехал на такси (автобуса уже не дождаться), озленный расходами и полной неудачей всех жизненных начинаний.

Заснул. Проснувшись, — была суббота — валялся в постели, затем перетащился на затрепанный, пропахший дихлофосом от многочисленных облав на клопов диван. Тело ворошила обида, казалось, что нет ему места под солнцем. Петрову только мигни: и Верка, и Нелька не против, может, сама Татьяна Викторовна в отсутствие Начальника не откажется пообедать с ним в «Ручейке»? А ему, поэту? Если и попадется, так или полупроститутка, либо восторженная застаревшая платоническая дама, чаще же — юная дурнушка с окраины, хозяйски осматривающая его квартирку, заводящая отнюдь не туманные разговоры про свои принципы: любовь после загса («А потом выселение его по суду», — мысленно дополнял перечень принципов Валентинов).

Валентинов злился, страдал. Однако он хорошо знал свою натуру: чтобы излиться в стихах, следует привести душу в состояние крайней огорченности. В этом Валентинов следовал великому поэту древности Экклезиасту. Впрочем, сочинять по заказу было глупо, скучно, хлопотно. Удовольствия было мало — Валентинов, как всякий любитель, презирал «датскую» литературу. Но поэтический долг обиженному им Николаю Даниловичу вновь и вновь наплывал на его похмельную голову. Вот в таком состоянии поэтической взвинченности он написал стихи о себе, о Николае Даниловиче, а также обо всех несчастных людях вообще.

Понятно, что использовал любимую свою сонетную форму: отточенное Петраркой и Шекспиром поэтическое чудо.

В понедельник Валентинов в обеденный перерыв пришел в канцелярию, вежливо прервал шахматные этюды столоначальников (Николай Данилович ожидал очереди «на высадку») и зачитал философский сонет, посвященный рассудочному обоснованию естественности перехода от покоя к привычке. Слушатели почувствовали душевный озноб и глубокую тоску, когда Валентинов, чуть подвывая, загробным голосом интонационно выделил строфу, несущую основную смысловую нагрузку сонета: «К привычке от покоя — последующий ход в том цикле быстротечном, что в мире этом вечном до смерти от рождения приписывает год».

Николай Данилович не понял всей горечи, самоиронии и просто иронии, обиды на все человечество, что вложил в эти строки поэт. Но стихи ему понравились: были они в меру туманны, приятно непонятны, легки в произношении. Он с чувством пожал поэту руку, принял от него отпечатанный на машинке сонет, выставил всей компании бутылку «КВВК» с пивом.

Философский сонет Валентинова отмерил ту половину сидячей жизни Николая Даниловича, которой закончился период успокоения. От той половиныполосы, как от пограничного столба, уже шла великая привычка. А привычка есть довольствование или неудовольствие человека от самого факта его земной жизни. Николай же Данилович от рождения был участником счастливейшего сообщества людей, которых принято называть оптимистами. Оправившись от величайшего, горестного и для более сильных характеров потрясения, он автоматически восстановил свой первородный, изначально данный оптимизм.

Случилось то, что, как ни странно, как ни невероятно, случается в жизни сплошь и рядом, тут и сям: человек забывает о своем, пусть даже очень злом, тягостном несчастье и становится тем же, кем был: гени-

ем или ничтожеством, поэтом или склочником, пошляком либо средоточием любвеобильности. Разумеется, с поправкой на дефект. Но сама-то поправка впоследствии ускользает из активного сознания. Человек действует, живет, лицемерит точно так же, как делал всю жизнь. Своего рода регенерация в масштабе: восстановление прежнего характера при изъяне души или тела. Вот такое превращение ощутил, точнее — перестал что-либо сверхособенное ощущать наш герой после юбилейных торжеств. Извечна находчивость и справедливость природы. Да пребудет вечно с нами ее бог — великие, всевыражающие законы как абстрактного бытия, так и конкретно осязаемого жития. Sic!¹⁸

Николай Данилович поэтому и теперь, по прошествии времени в особенности, совсем не чувствовал себя ущемленным, неполноценным, вообще, каким-либо ущербным из-за странного срастания со столом и стулом. Пусть он выключен из жизни большого мира — дли него это был город,— никто не мог увидеть Николая Даниловича вне стен канцелярии, но ведь о нем-то знало побольше и насколько побольше (?) людей в городе, в мире, чем о каком-либо Ив. Ив. Иванове либо о П.П.Петрове — даже не простых столоначальниках, а, допустим, заведующих меховой или колбасной базами?! Николай Данилович был притчей во языцех всего медицинского мира. Его постоянно вспоминали в горисполкоме!

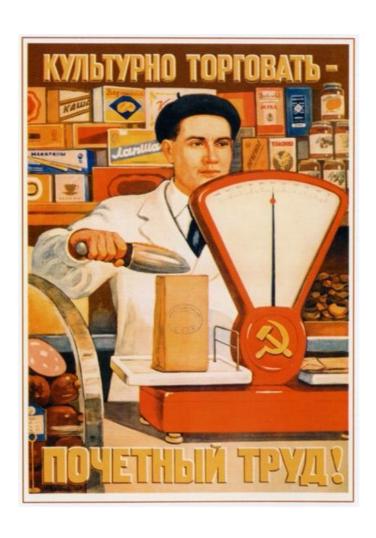
Просто эта видимая ущербность была формой, условностью. Ведь не чувствует себя ущербным или оскорбленным, допустим, гражданин Катара, Лесото, Руанды или Швейцарии, находя на карте мира с масштабом 1:20 000 000 территорию своего отечества мелкой кляксой с цифрой, которая расшифровывается в примечании? Отнюдь нет, конечно, особенно граждане Катара и Швейцарии. Смотри в корень! (Пер. с латинск.)

¹⁸ Смотри! (лат.)

А тут природа как бы начала вознаграждать Николая Даниловича в отличиях — компенсировать свою злую шутку. Для начала он... спас свое учреждение. Не один, конечно, не самолично спас, но послужил тем последним винтиком, завернув который, слесарь делает некую конструкцию неразборной. Вроде этот винтик неважнецкий, почти незаметен в совокупности сотен других винтиков, винтов, среди которых попадаются настоящие гиганты размером М 60×300 мм, а также гаек, маховиков, многопудовых станин, кронштейнов, но не будь его — любой досужий подкопщик под всяческие устои за пятнадцать минут развинтил бы всю машину и в корыстных либо иных других целях обратил ее в кучу металлолома.

В мире проживает множество досужих людей такого вот типа, каждая конструкция человеческой эволюции в том числе канцелярия, где служил Николай Данилович, даже все их учреждение в течение полусотни лет со дня основания чуть не ежеквартально подвергались набегам пакостников. Они набегали отовсюду: из главков, а ранее — из упраздненных совнархозов, из горстатуправления, горисполкома и вообще отовсюду, где над входной дверью или обок ее висели мраморные толстостеклянные, а то и просто писанные маслом по жести вывески.

Полсотни лет канцелярия и все учреждение подчас с трудом, но с неумолимым торжеством отражали все натиски. Случился критический момент, вернее, он становился уже хронически критическим, когда всем казалось: ничто не спасет учреждение во всеобщем порыве очередного укрупнения-разукрупнения. Вот в этот-то тревожный период «сел» на стул Николай Данилович. Сел и забил своею многосложной ничтожностью все попытки злых или просто усердных нашественников. Учреждение было спасено. Но сам Николай Данилович узнал о своей роли спасителя случайно: из разговора с Петровым и Кефалиным в присутствии поэта Валентинова. Суть происшедшего состояла в следующем.

Судьба учреждения в который уже раз за последние годы повисла на волоске. На сей раз под приют наших героев кто-то основательно подкопался: то ли городская плановая комиссия, а может, кто посолиднее. Во всяком случае в соответствующих областных управлениях загодя подготовили проект приказа о ликвидации учреждения с рассредоточением личного состава по другим городским конторам. Страшной угрозе окончательного и бесповоротного расформирования подвергались пять полноправных канцелярий, ныне набитых начальниками, счетоводами, бухгалтерами, экономистами, курьерами. Иван Григорьевич похудел на три кило. Надвигалось неотвратимое.

Рассказывая, Петров с сомнением посматривал на Валентинова, весьма несдержанного на язык.

— Говорят,— тут Петров еще раз с сомнением взглянул на Валентинова, понизил голос,— наш-то Иван Григорьевич на всякий случай заручился местом главного экономиста на картонной фабрике!

Кое-кто в панике уже заготовил заявления об увольнении, до последнего момента выдерживая их в ящиках столов. Одна слабонервная бухгалтерша из аристократической первой канцелярии, выслуживающая последний предпенсионный год, слегла в больницу. Здесь-то Семену Игнатьевичу пришла в голову спасительная мысль: как теперь быть с Данилычем? Ведь не переживет старина разлуки со своей канцелярией, с родным коллективом... И вообще, это бесчеловечно, можно и нужно привлечь медицинский мир, печать, наконец!

Начальник переговорил с Самим, а тот пошел действовать по всем инстанциям. Дошел с ходатайством из Минздрава до главка — и баста! Отвоевали. Едваедва только враги успели провести пунктик о расформировании четвертой канцелярии, да и тут Иван Григорьевич с носом их оставил: в срочном порядке утвердил новую, вспомогательную группу во второй канцелярии, целиком введя в ее состав всех сотрудников упраздненной четвертой. Бывшего начальника назначил своим третьим замом, а двух оказавшихся

лишними руководителей групп сделал заместителями заведующих отделами. Вот так-то! И все — Николай Данилович!

— Ты, Данилыч, готовься. Начальник очень прямо намекал на поощрение...

Николай Данилович смутился (от него до поры до времени, оказывается, все треволнения скрывали). Валентинов, тоже впервые услышавший о происшедшем, ошарашенно таращился, почесал кудрявую лысину:

— Да-а-а! Это тема!

С тем поэт ушел. Обед закончился, в канцелярию шумно влились женщины.

Закончилась очень трудная неделя, замыкавшая квартал. Николай Данилович, как вся канцелярия, работал без обеда, перекусывая бутербродами из холодильника, хотя по-прежнему методически и вовремя звонил учрежденческий звонок: «Обб-бед, обб-бедед!» Портьера на обеденный перерыв не задергивалась: Петров, Кефалин и Николай Данилович корпели нал квартальным отчетом. Женщины бегали по канцелярии подходили к столам руководителей, побрасывали новую пищу: кипы черновых сводок на разноформатных разлинованных бланках — данные по отдельным пунктам отчета.

Были забыты шахматы и обеденные анекдоты, поэта Валентинова в канцелярию не впускали; он где-то уныло коротал дни, должно быть, в курилке, где, кстати говоря, в это время также поселилась пустота.

Начальник волновался, в сердцах грубо оборвал зарвавшуюся было Татьяну Викторовну, Кефалину чуть не в лицо швырнул неправильно составленную, гневной рукой перечеркнутую красным крестом деловую бумагу, Петрову строго-настрого в последний (бесконечно последний) раз было велено приходить на работу в галстуке.

— Я еще не забыл, как ты со своей тещей мне всю печенку выел! А туда же — без галстука! Нашелся мне вольнолюбец: писатель на телеэкране... академик, как

его? Минетер! Еще с тростью, с трубкой в зубах по канцелярии будешь расхаживать...

Война с нежеланием Сергея Александровича носить галстук велась далеко не первый год. Начальник считал, что должность руководителя группы предполагает обязательное ношение вицмундира. Петров ссылался на удушье и неумение завязывать «чертов ошейник».

Никто в канцелярии не роптал, ибо эта неделядругая труда, пота, начальничьих нагоняев являлась искуплением за три месяца сонного присутствия «протирщиков штанов и юбок», как однажды в сердцах охарактеризовал всю эту «канцелярскую сволочь» слесарь Василий Алексеевич, доведенный до бешенства волокитой и опереточной серьезностью при выписке со склада нового язычка для рубанка.

Но все проходит, тем более всего лишь две короткие недели да еще *рабочие!* В пятницу второй, последней из них, все было начерно готово. В субботу, несмотря на выходной, мужское руководство канцелярии собралось спозаранку для чистовой отделки сводного квартального отчета. В технической помощи участвовали Татьяна Викторовна с парой самых опытных счетоводов. К обеду пошабашили. Счетоводш отпустили, мужчины же с Татьяной Викторовной на скорую руку отметили окончание квартального: по освященному десятилетиями обычаю Начальник выставил от себя бутылку неизменного армянского.

Семен Игнатьевич подобрел, расслабился, даже ухмыльнулся, когда Петров сдернул с шеи ненавистную удавку. Татьяна Викторовна в беседе адресовалась к мужчинам вообще, в целом, к Начальнику — с холодком официальности, памятуя недавнюю обиду. Но тот шепнул, улучив момент, на ушко прелестнице: видно было по ее лицу — веселое, извинительное. Она слегка порозовела.

Однако расслабление на этот раз в разгул не перешло, слишком все устали; инерция не позволяла так скоро освободиться от стальной двухнедельной хватки самодисциплины и дисциплины вообще.

В понедельник из машбюро горкомхоза принесли отпечатанные ведомости отчета (там тоже работали всю вторую половину субботы и воскресенье), а в одиннадцать Начальник с обоими ходячими помощниками отправился к Самому, бережно, но и крепко зажав локтем папку с драгоценным документом.

Через час Петров с Кефалиным возвратились. Ура! Подписал! И загадочно подмигнули Николаю Даниловичу. Тот все воскресенье отсыпался, теперь пришел в норму, обрел бодрый розоволицый вид. Канцелярия отдыхала, была полупустой: все, кто имел отгулы, взяли их. Пришедшие же на службу откровенно занимались своими делами, в основном болтали, собравшись по двое, по трое.

В половине третьего пополудни возвратился слегка пьяный... от успеха и директорского поздравления Начальник. Как водится, провели летучее собрание: Начальник поздравил всех вместе и порознь с успешным окончанием квартала. Радостным гулом встретили женщины упоминание о поощрении премией. Благодарил Семен Игнатьевич отдельных «скромных тружениц нашего отдела», одобрительно отозвался о деловых качествах Ефима Марковича, «дорогого нашего Сергея Александровича». Но совсем уж дифирамб пропел он покрасневшему как рак Николаю Даниловичу. Причем все поняли подтекст: за что его благодарят, хотя формально речь шла лишь об обычном трудолюбии и «так сказать, особого рода героизме при составлении квартального отчета». Короче говоря. Николай Данилович от имени дирекции премировался двух месячным окладом. Все рукоплескали, даже жадные к чужим деньгам женщины, и те понимали, сколь велики заслуги награжденного, потому не переглядывались, не перешептывались. Николай Данилович, скрестив ладони на груди, почтительно, с восторгом душевным благодарил беспрестанным наклонением головы

После официальной части Начальник объявил во всеуслышание, что-де замотался он, закрутился с отчетностью, вообще не хотел в этом году в отпуск идти,

да Иван Григорьевич гонит... То есть с завтрашнего дня за главного в канцелярии — Петров. («Сука!— потаенно заволновался при этих словах замещающий, гонит?! Обязательно тебя в августе да в июле гонит в один день с Танькой. А я в жарищу всю работу на себе волоки?.»)

- Спасибо за доверие, дорогой Семен Игнатьевич, отдыхайте, отдыхайте на здоровье. Надо же вам дух перевести когда-то? Всю работу не переделаешь. А мы тут,— Петров ласково заулыбался, поочередно кивнул Николаю Даниловичу, Кефалину,— как-нибудь управимся. Не подкачаем, одним словом.
- Ну и замечательно. Тогда женщины пускай на часок пораньше домой пойдут, мы же с вами, Сергей Александрович, сейчас кой-какие дела обсудим. После вы Николаю Даниловичу и Ефиму Марковичу все в рабочем порядке сообщите, так сказать, введете в курс дела.

Начальник, поддерживая огорченного Петрова под локоток, повел к себе в кабинет.

На следующий день наступило великое потепление: свободная жизнь в начале квартала да еще при отпускном Начальнике! Стоял июль, многие из женщин также находились в отпусках, так что канцелярия тихо пульсировала под лучами свысока бившего через окна жаркого солнца.

Николай Данилович блаженствовал: ему уже *просто нравилась такая жизнь*.

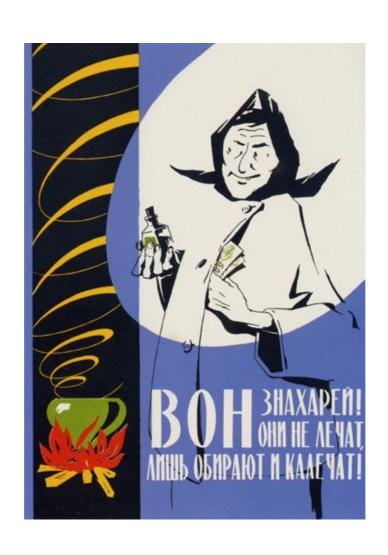
ЧАСТЬ 3 *РАЗЛАД?*

Все наблюдения свидетельствуют о том, что гниение само по себе не производит ничего организованного.

(Дени Дидро «Философские мысли», XIX)

Время тянулось в канцелярии сладостно. Был прожит без неприятностей еще один год, опять наступала пахнущая липой весна, а женщины с новой силой помолодели. Но сладкая буря весенних ароматов всколыхнулась в канцелярии вяло — не потому ли, что пора общей и личной любви, приязни здесь никогда и не угасала? Даже в самые неприглядные для нее месяцы года: в пахнущий формалиновым запахом октябрь, в ненастный, слякотный ноябрь, в угрюмый декабрь. Хорошо служить в канцелярии, вот в такой канцелярии, что своим объемом заменяет весь большой мир с его треволнениями, скорбью, борьбой и прочими, прочими неудобными для спокойствия людей вещами и катаклизмами...

Как некстати загремели в этот год весенние громы над крышей канцелярии, ослабленной всегдашней любовной напряженностью добромыслия, благожелательства, взаимного всепрощения мелких грехов и грешков. Что-то неясное, необычное носилось в воздухе учреждения, заглядывая в двери всех четырех канцелярий, в том числе в уплотненную вторую, в нашу третью. Носилось, суля «невиданные перемены, неслыханные мятежи», как перефразировал однажды Валентинов одного давно умершего поэта, впрочем, даже не лауреата... Поэта того Валентинов не любил, «в глаза» называя маломелодичным, а «за глаза» полагая, что тот сдуру написал все его, Валентинова, стихи. И вот оно грянуло. Разнесся слух — от приятеля Кефалина из первой, придворной канцелярии к нему са-

мому, далее к Петрову и Николаю Даниловичу, затем к Татьяне Викторовне, а от нее уже всему миру («Urbi et orbis»¹⁹,— сострил латинист Валентинов) — слух о том, что, пока еще распускаются липы, цветут тополя и не пришла пора летних отпусков, Иван Григорьевич хочет провести некие нововведения и преобразования в структуре учреждения. Подозрения грезились кошмарные, ибо за последние двадцать лет самым крупным преобразованием было прошлогоднее слияние второй и четвертой канцелярий, коснувшееся судьбы — повышения и перемещения — сразу трех начальников средней руки. Что же готовила теперь неугомонная судьба? И не пора ли ей оставить это учреждение в покое? Но мы — игрушки в ее руках, так сказать, корабль на волнах бушующего моря, принуждены мы плыть на этом корабле, даже если матросам раздали на обед селедку и все палубы пропахли ею. Примерно так изрек некогда один чуждый нам досужий философ-литератор.

— Что-то будет, что-то будет?..

А было вот что. В пятницу, чтобы в выходные было время обдумать, директор созвал всех начальников канцелярий и промежуточных руководителей. Спецсовещание длилось без перерыва на обед с утра до трех пополудни. Факт неслыханный. Шесть часов канцелярии, не сдерживаемые более махнувшими на все руками столоначальниками, гудели, как чуть пораньше, в мае месяце, гудели в своих ульях их трудолюбивые собратья-пчелы, выбирая на митингах новую Начальницу для своей отроившейся пчелиной канцелярии. Все смолкли, остановившись на полуслове, полудвижении, когда возвратился Семен Игнатьевич. Лик его был измучен, но взгляд весел, даже лукав. У всех отлегло от сердца. Приятельски помахав ручкой, он

 $^{^{19}}$ «Городу и миру» (лат.) – преамбула в посланиях Папы Римского.

прошел в кабинет. Канцелярия вновь, но уже более сдержанно, загудела.

Начальник затребовал Кефалина, но тот вышел из кабинета, развел руками: вызывал по самому обычному, рабочему делу. Ни слова о том... В половине шестого прозвенел звонок, все ушли домой, томимые, но уже не страхом, а дичайше разыгравшимся любопытством

В понедельник с утра в канцелярии состоялось низовое рабочее совещание. По понятной причине собрались за раздернутой портьерой у Николая Даниловича. Тот всегда смущался в подобных случаях, ибо в центре, за столом сидел он, а Начальник, хотя в почетном гостевом кресле, но все же сбоку. Петров с Кефалиным пытались сгладить неловкость ситуации, по мере возможности и тесноты помещения, создавая своими стульями полукаре вокруг кресла Семена Игнатьевича.

Для начала председатель совещания понизил голос, затем вкратце передал содержание пятничной установочной речи Самого. Дело выглядело следующим образом.

Иван Григорьевич был по натуре весельчак, потому и в деловых речах любил всяческие предисловия, не сразу беря быка за рога. На этот раз он начал с того, что дочка его, учившаяся на историческом факультете местного пединститута (перед этим дважды поступала в более престижные медицинские вузы в столице и в соседнем областном городе... «Эх, — подумывал сейчас директор, — не мог Данилыч прирасти всего на два годика пораньше?»), успешно сдает экзамены за второй курс. В частности, готовясь к экзамену по русской литературе, пролистала она Салтыкова-Щедрина. «Я сам люблю в свободное время почитать его, — чистосердечно признался Иван Григорьевич, — много, много умных мыслей у него, учтите, товарищи! Вам всем советую почитать, освежить в головах... Касаемо нашей работы особенно, ведь Щедрин-то больше по профилю канцелярской части работал. Знаете, наверное, что в нашем городе он заведовал солидным учреждением?»

Присутствовавшие изобразили изумление, хотя всем хорошо была известна тайная мечта директора: обменять здание учреждения — бывшую женскую гимназию — на здание одного городского техникума, в котором в свое время директорствовал сочинитель ядовитых сказок и на стене которого висела соответствующая памятная доска. Здание это нравилось Ивану Григорьевичу своей осанистостью, выгодным местоположением в центре, рядом с областным руководством, а более всего — исторической памятной доской.

— Ведь прошли времена тех горлопанов, что требовали выбросить Пушкина на свалку истории! Должна же быть преемственность, какое-то чувство сопричастности к истории,— говаривал он в своих кругах,— вот наше здание— бывшая гимназия, так пусть в ней техникум располагается! А наше учреждение— прямой преемник по своим функциям того, щедринского...

Однако мечта оставалась только мечтой. Так вот, дочка перелистывала Салтыкова-Щедрина, особенно понравившиеся ей места зачитывала вслух для отца и матери, коротавших ненастный, необычный для заката весны вечер у телевизора.

— И вот зачитала она,— Иван Григорьевич чесанул затылок,— вот забыл, как точно-то будет... но примерно так на нашем языке звучать должно: дескать, тем важнее, выше показатели работы канцелярии выглядят в глазах посторонней публики и даже проверяющих комиссий, чем больше соблюдается тайна учрежденческая, чем глаже обороты в письменных документах. Что-то в таком вот роде...

Меня точно током ударило: ведь правду сказал великий писатель! Не зря ему памятников наставили да досок именных понавешали. Вы, товарищи,— это между нами, конечно,— подумайте-ка: какая утечка информации о наших внутриучрежденческих делах наблюдается в подразделениях? Что ни напишем в доку-

ментах, то женщины ворохами выносят за порог; по всему городу разболтают. Нд-а-а, еще сами удивляемся: почему это в главке постоянно под нас подкапываются, все уничтожить, упразднить то бишь нас пытаются. А потому пытаются и порой едва-едва не достигают цели, что у недругов наших все цифры на ладони, все внутренние неурядицы, вообще — все наши дела, в которые посторонним совать нос не следует. Они, конечно, дела правильные, мы не покрываем всяких там... но все должно рождаться и угасать в рабочем порядке, а за стены, в мир, так сказать, вся информация должна выходить только в форме официальных отчетов, сводок, утвержденных планами. Все же остальное, выплеснутое наружу, вредит нашей работе да и нашим людям. В своих внутренних делах мы должны, как бы это сказать... автономизироваться. Нам план сверху, мы — план с перевыполнением, с качеством. И баста! И мы — передовики! Все промежуточное только внутри, я вам — главный судья, а в канцеляриях, то бишь отделах — вы, товарищи! Ведь не зря которую пятилетку добиваются инициативы на местах, большей самостоятельности, экономической гибкости.

То есть, прежде всего — тайна, осторожность в обращении с документами. Ведь посмотрите, у кого родственники, знакомые, соседи работают в различных НИИ, заводах, КБ всяких, — там все это четко организовано: получил документ, будь добр распишись, проверь. Закончил работу — сдай, и тебя тоже проверят. И так во всем. А у нас? Позор!.. Женщины чуть не на колхозном рынке («Где он там, интересно, колхозников видел», — как по команде подумали про себя слушавшие директора, его осторожную официальную терминологию, все враз ухмыльнулись)... Что вы улыбаетесь? А? Я смешное что-то сказал? Несмеянов! К тебе это прямо относится: в прошлую субботу жена за мясом ходила на рынок, стояла в очереди, слышала. как одна старушенция поливала и меня и тебя! Тебятебя! И все наше учреждение. По всем приметам, это твоя Дорофеева. А Горюшкин что вытворяет по ресторанам — у нас во дворе швейцар из «Искры» живет,

чего только о нем не порассказал? А этот, как его — стихоплет вечно помятый, ни разу галстука на нем не видел! Так что плакать надо, не смеяться. Вот так. Позор!

Слушая директорский нагоняй, Семен Игнатьевич живо вспомнил недавнее сообщение супруги: шла она на том же рынке вдоль фруктового ряда и услышала что-то знакомое:

—Какие у нас новости? Василь Алексеич от запоя в больнице лечится; вчера, говорят, до полуночи в первой канцелярии плясы плясали, Наталья с полмешка бутылок в свою каморку утащила! А намедни-то что было, ах, ну и девки работают у Семена Игнатьевича, Наталья говорит, видела...— тут беседовавшие перешли на шепот, только под конец рассказа жена услышала,— ...доску-то, что дверь боковую закрывает, оттащила из ручки дверной и шасть на улицу! Ведь время только шесть утра? Вот бедовая, только-только два аборта один за другим сделала: вот тебе и вчерашняя школьница!

Тем временем разобиженный Иван Григорьевич окончательно добивал совещанцев:

- Сам, сам лично слышал в троллейбусе ехал в горкомхоз, как оч-ень мне знакомый баритон рассказывал в голос, что такой-то (уж не буду, товарищи, называть фамилию одного из присутствующих здесь) премию такой-то подчиненной своей на 10 процентов больше подписал да Ниночка, уж пусть она, голубушка, меня простит, в новом корейском парике за сто десять рублей пришла на работу; это у нее уже третий за последние полгода...
- Какая мерзость!— фыркнула присутствовавшая для исполнения разных технических нужд на совещании Ниночка.
- Понимаю. Всем сердцем понимаю вас, Нина Андреевна, сам возмущен донельзя. Вот потому призываю вас сообща взяться за наведение порядка.

(Семен Игнатьевич в тот раз пытался расспросить супругу: кто болтал лишнее на рынке. Та сама хотела

поближе посмотреть на говорунью, да народ тут поднапер: прошел слух, что греки черешню привезли...)

— Вот так, товарищи, вот к чему расхлябанность ведет. А возмутительный случай с молодым специалистом Момагуловой из четвертого отдела? Когда она видимо, не имея достаточной загруженности по работе, — обращаю, кстати, внимание ее руководителя! – стыдно сказать, дипломированный специалист, сидела в рабочее время на подоконнике (?!) и запускала бумажные самолетики на улицу. А из чего, позвольте вас спросить, были сделаны эти самолетики? Из бланков на отпуск матценностей с грифом нашего учреждения: бери, любой прохожий, заполняй, получай! Это больше чем халатность, это — путь к должностному преступлению. Самое страшное: кто ей делал эти самолетики? Руководитель группы!!! Вадим опять же Горюшкин! Это в моей голове никак не укладывается. Понимаю что оба — люди молодые, неженатые, всякое может меж ними происходить, но то, что они сотворили, нет... они у меня лишением квартальной премии не отделаются!

Так вот, резюмируя, предлагаю проработать данный вопрос, усилить сохранность внутренних тайн, как писал, э-э-э, товарищ Щедрин. Ну, о красоте слога не буду отдельно говорить, сейчас у нас, слава богу, все сотрудники с квалификацией: двадцать три процента имеют высшее образование, еще трое человек на пути к нему. В крайнем случае можно организовать по линии общественных организаций кружок для тех. кто подзабыл грамотку. Пусть там этот... помятый поэт, что ли, от Несмеянова подучит их, если имеется надобность. И то сказать, порой подписываешь письмо в главк, аж стыдно за своих сотрудников: на уровне школьников первой ступени написано.

— В общем и в частности,— дорезюмировал уже Начальник,— к концу совещания по предложению Ивана Григорьевича мы выработали систему мер. О последних вы будете информированы в нужное время, пока сообщаю вам о важнейших реорганизациях: во

ПУСТЬ ЗДРАВСТВУЕТ И ПРОЦВЕТАЕТ НАША РОДИНА! всех отделах вводится совместительская должность ответственного за порядок в ведении, учете и хранении документации. Это, как правило, должен быть человек из числа рядовых сотрудников, соответствующим образом себя зарекомендовавший. Он будет осуществлять контроль, а в качестве трудовой компенсации ему положено будет неофициально получать шестидневную добавку к очередному отпуску.

Очень трудным был вопрос о централизованном контроле; мы не можем создать специальное подразделение, как то принято на крупных промышленных и научных предприятиях — не положено по штатному расписанию. Хотя можно попробовать выбить; что из того, что мы подчиняемся даже не главку, а всего лишь горкомхозу? Кое для кого там, — Начальник неопределенно махнул рукой, — именно интересны конкретные цифры из тех, что в газетах не печатаются... Так-то! Решено, впрочем, выйти из положения обходным путем. Чтобы правильно меня поняли, начну с другого конца: наша третья канцелярия сидит на выходных документах, вот именно здесь наиболее важен контроль над сохранностью их. Потому принято решение о централизованном контроле на базе нашего отдела; тем самым убиваются, как говорят, два зайца разом: централизация и усиление контроля в наиболее важном подразделении, у нас то есть.

Так вот, хоть это и сюрпризом для вас, некоторые новые хлопоты сулит, но позвольте... поздравить вас, Николай Данилович: вы назначаетесь моим заместителем с исполнением своих прежних обязанностей, кроме того, вы будете исполнять функции главного шефконтролера по сохранению учрежденческих тайн, основное ваше внимание должно быть обращено на сохранность документации нашей канцелярии. Конечно, я поздравляю вас заранее, неофициально, будучи уверен в вашем согласии; формально завтра с вами переговорит сам Иван Григорьевич. Ну и...— тут Начальник игриво щелкнул пальцами,— с повышением оклада вас, Николай Данилович!

Николай Данилович настолько уже привык в последние годы к всевозможным почестям, что ничуть не удивился своему повышению. Приобретенная им сверхпроницательность давно обещала подобное. С достоинством пожал он протянутые руки коллег, Начальника и даже — о, лукавый бес гордыни! — подумал о дополнительных хлопотах новой должности, но Начальник успокаивающим баском опередил недовольство его мыслей:

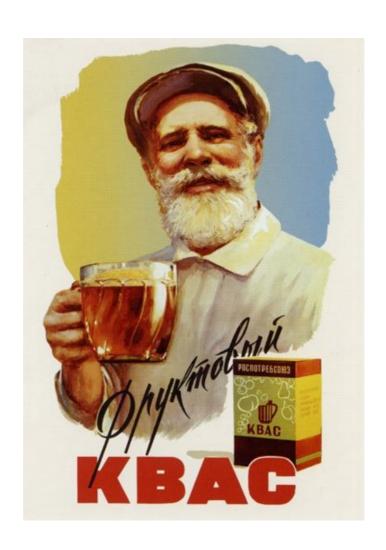
- Разумеется, вам стало бы значительно труднее столь же тщательно, как было раньше, следить за работой группы. Поэтому, благо и должность ваша бывшая из штатного расписания не исключается, вам, Николай Данилович, придается помощник, новый руководитель группы. Он будет ответственным за текущую работу группы, конечно, под вашим контролем и непосредственным началом. Очень способный молодой специалист, хорошо вам всем знакомый: Тихоблагов Эдуард Георгиевич из первой канцелярии.
- Ну как же, как же, хорошо знаем,— вскричали столоначальники дружным хором, пораженные до глубины души новым назначением директорского зятя, действительно, способнейший парень!
- В таком случае давайте еще раз поздравим нашего дорогого Николая Даниловича я вижу его согласие по глазам, пожелаем ему успешной работы в новой ответственной должности. Попозже я введу в подробностях в курс дела. А Эдуарду Георгиевичу мы столик поставим между портьерой Николая Даниловича и группой. Итак, товарищи, будем работать поновому, с большей отдачей, с сознательной ответственностью!
- Вот ловчила наш Сам,— восхищался, сидя после обеда у Николая Даниловича за портьерой, Петров, надо же этакое закрутить! Ведь что придумал: Щедрина приплел, какую-то тайну у нас в горкомхозовской конторе-то! И все для чего, спрашивается? Чтобы зятя Эдьку, балбеса такого, на должность определить. Вишь, помаялся тот два года на ста десяти и сорока

процентах квартальных! Теперь сразу перескочит за тридцатку да через год-полтора персоналку получит. Ты сам, Данилыч, как полагаешь насчет всего этого шума?

- Товарищ Петров! Задача охраны тайны есть дело государственное, первостепенной важности. Здесь не место шуткам!
- А-а-а!— Петров ошарашенно взглянул на собеседника большими расширенными глазами.
- Тьфу! С ума от радости наш Данилыч спятил,— говорил в углу канцелярии Петров Кефалину.— Нда-а-а, станешь тут важным, если тебе четвертной сразу накинут, гарантированную повышенную премию да при этом будешь только... груши околачивать!
- Вы, товарищ Петров, какой-то несерьезный,— кротко заметил Ефим Маркович, глядя на приятеля искоса.— Пора изживать вредные привычки злословия.

Петров сплюнул на пол, матерно, по-черному выругался и ушел домой.

Весь мир сжался в сморщенное моченое яблочко. Великая жара стояла в канцелярии, в мире. Растворены настежь все окна, дверь в коридор. На каждом непустом столе жужжал вентилятор, шелестел, чем-то нутряным погромыхивая, единственный исправный из трех потолочных ветрогонов. Все они вместе и без толку молотили, перемешивали сорокаградусный потный воздух. От кондиционеров не исходило ни вреда, ни пользы. Не сумевшие уйти в очередные и в декретные отпуска женщины благодарили директора за нововведение: очевидно, очередная цитата из Щедрина, прочитанная вслух дочкой, а скорее всего, из исторических мемуаров Бисмарка, подсказала ему благую мысль: одеть всех учрежденцев военно-единообразно в белые халаты. За нахождение на рабочем месте без спецодежды Иван Григорьевич повелел приказом снимать с провинившихся до двадцати пяти процентов от квартальной премии. Татьяна Викторовна очень подо-

зрительно отнеслась к этой затее, связав по своей женской логике возникшую приязнь директора к белым одеждам с рабочим обмундированием своей соперницы — зав. медпунктом Людки. Людмила же Сергеевна была обижена насмерть, как обижается любая женщина, однажды придя на службу и обнаружив, что все без исключения пришли в таких же, как у нее, платьях. Но в целом мероприятие пошло на всеобщую пользу: теперь народ хоть чуточку охлаждался в белых, холодных с утра крахмальных халатах, надетых взамен упрятанных в большой стенной шкаф платьев, юбок кофточек.

...Опять был август, месяц отпусков начальников их любимцев и любимиц, а то и просто случайных счастливцев. Сам Начальник с ужасающим стереотипизмом уехал в Батуми с Татьяной Викторовной. Был на сей раз в отпуске Петров, укативший отнюдь не в кавказскую сторону, но в сторону близлежащей от города деревушки: на молоко и хлеба в родные места. Кефалин только позавчера возвратился из Прибалтики с прекрасным загаром и смутно-воспламененными глазами. Ему было скучно: Стелла накануне вышла замуж; очень выгодно вышла, как говорили в канцелярии женщины: за тридцатидевятилетнего вдовца, трезвенника, начальника производства кондитерской фабрики. Чем-то прельстила она его, что впустил видный мужчина в свой трехкомнатный бездетный уголок тощеватую, крашеную и вертлявую птичку. Поговаривали — мечтал начальник производства о молодой наивной, не испорченной жизнью, серьезной молодой женщине, а лучше так и девушке. Таковую нашел в Стелле.

Кефалин лениво развлекался: развалясь на стуле беседовал с очертеневшим от жары и такой же скуки Эдькой-зятем о том-сем. По преимуществу разговор носил скользящий характер, достойный собеседников очень быстро сошедшихся друг с другом.

Замещавший Начальника Николай Данилович сидел за задернутой портьерой; при его должности было неудобно красоваться перед подчиненными в расстег-

нутой до пупа рубашонке-безрукавке. А иначе не мог: в последние годы жирок мало-помалу захлестнул его от сидячей жизни. Два вентилятора жужжали в такт личному кондиционеру, пыхтел в унисон им сам Николай Данилович. Было отчего...

Со времени назначения на пост тайнохранителя Николай Данилович переделал уйму дел. В портьерной комнатке прочно обосновались два плоских, под потолок уходящих, серо-стального цвета сейфа, куда под личным его наблюдением счетоводы и бухгалтеры упрятывали на ночь всю документацию учреждения. Все вплоть до ничтожнейшего бланка оформления отгула или «без оплаты», теперь выдавалось под расписку по предъявлении отношения от непосредственного начальника просителя. За портьерой, справа от него, сидела Вера-первая — неофициальная секретарша Николая Даниловича. Еще одна женщина, особо проверенная, переведенная из аристократической первой канцелярии, сидела за столом Кефалина ряда и единственная из всех, несмотря на страшную жару, работала в поте лица, вписывая, сверяя номера входящих и исходящих бумаг. Она контролировала экспедицию. Из других канцелярий бумаги забирались с утра из сейфа руководителями групп. Уносили и приносили их в опечатанных, нумерованных оцинкованных сундучках со сложными цифровыми замками. Вечером сундучки сдавались под шифр Николаю Даниловичу, опечатывались Верой и устанавливались в ячейках сейфов.

Бесконечное количество инструкций успел составить Николай Данилович за короткий срок, по мере сил своих стараясь зарекомендовать себя на новой должности. Печатались они Ниночкой и Верой на мелованной бумаге с оттиснутым в левом верхнем углу красного цвета порядковым номером-шифром, состоящим из трех букв русского алфавита, двух — латинского и набора из десяти цифр; за цифрами в синих скобках стояла вписываемая от руки прописная буква греческого или готического алфавита. Чтобы понять и

освоить непривычную технику делопроизводства, пришлось выписывать в двухнедельную командировку с пикниками в «Ручейке» специалиста из одного гортоповского учреждения в Средней Азии, где система учета была доведена до совершенства. Разыскал специалиста по родственным связям Кефалин.

...Сегодня Николай Данилович корпел над важнейшим документом, идею которого подал вошедший во вкус тайноведения, убывавший в отпуск Начальник. Тому же, в свою очередь, возможность реализации такого документа подсказал его двоюродный брат — любитель и страстный коллекционер детективных романов. Идея была одобрена Иваном Григорьевичем (в этом году он отпуска не брал, так как в отпуск не пошел директор горкомхоза, у которого завелись враги в главке), после чего в соответствующих циркулярных формулировках она была передана для технического исполнения Николаю Даниловичу.

Суть заключалась в том, чтобы служащие во внеслужебное время либо во внеслужебных разговорах, вообще, желательно и в служебных делах, если была такая возможность, всячески избегали рассказов и намеков на истинное содержание их работы, старались не говорить, даже не думать, чем занимается учреждение. Это способствовало бы высшему сохранению тайны и вводило в заблуждение врагов из горкомхоза, других соподрядных и контролирующих организаций. В частности, еще раньше неофициально приказали служащим не называть в приватных беседах фамилии руководителей, вплоть до столоначальников. Можно было оперировать только именем-отчеством. В разговорах за стенами учреждения запрещалось вовсе произносить его название. Например, спрашивает Верочку- первую ее очередной приятель с автобазы, с которым она познакомилась сегодня на городском пляже, а затем была доставлена на мотоцикле в загородный Невеженский лесок:

- А ты где работаешь, такая красивая?
- У Николая Даниловича.

Слесарь несколько секунд ошарашенно смотрит на девицу, только что пригубившую с ним на двоих бутылек червивки:

- А-а... Это кто такой?— неповоротливый ум парня, привыкший к номерам гаечных ключей, семиэтажному мату слесарки, податливым девицам, слепо верующий в собственную «Яву» и свежепошитую тройку с расклешенными брюками, явно в недоумении, даже в некотором испуге. Вспоминаются разные страшные истории, слышанные в гараже, о парнях, попавших впросак и жестоко поплатившихся за свою доверчивость... Инстинктивно парень отодвигается от ластящейся к нему подчиненной Николая Даниловича.
- Васек! Кончай ты эти расспросы, заводи тачку, поехали в Комаровку на пруд, покупаемся при луне, а?

У слесаря мигом хмель вылетает из головы. Бормоча что-то о завтрашнем перевыполнении промтехфинплана, он вскакивает в седло, гарцует, с места дает на полный. Остолбеневшая Верочка судорожно застегивает кофточку, надевает джинсы, смотрит на вьющийся дымок и пустую бутылку с аистом, держащим на лету виноградную гроздь...

Этот живой пример бдительности Николай Данилович для доходчивости как-то поместил в одной инструкции и отдал печатать Ниночке. Та прочитала, посмеялась, озорства ради передала для соисполнения самой Верочке, которая огорчилась, расплакалась и печатать отказалась. Обиделась она за слесаря:

— Я ниже студентов и цеховых мастеров знакомых не завожу!— жаловалась она Стелле, всхлипывая и утирая слезы.— У-у, колода приклеенная!

Итак, далее строжайше контролировались на этот предмет все исходящие бумаги: на них не должны проставляться полные должности руководителей, а только фамилии без инициалов (рекомендовалось даже нарочито делать ошибки: Полупьянов вместо Полуянова, Четвертинкин вместо Четверухина и т.п.) и косвенное название должности: «ответственный финработник», «имеющий полномочия по кредитованию»... И главное — всюду упразднить точные почтовые ад-

реса, писать на конвертах название города (без почтового индекса) и фамилию отправляющего. Кто надо сообразит, а остальным вовсе ни к чему. Но так как почта отказывалась брать заказные письма без обратного адреса, то предполагалось для внутригородской переписки ввести штатную должность курьераразносчика, для междугородней — активно использовать попутные командировки и частные поездки в отпуска, в санатории, дома отдыха, на похороны и т. п. Едет, скажем, Кефалин под видом командировки в Ригу свояка проведать, ему поручение: завезти два письма в Ленинград, а там у него — шурин проживает, вот хорошо-то!

- А если Кефалину дополнительно дадут пакет в Киев?— интересуется околачивающийся рядом Валентинов.
- Давай, давай пакет!— радостно бросается к нему дремавший до того за своим столом Ефим Маркович. Да у меня там родни полгорода и... цыпочка одна в Дарнице живет, в прошлом году в Юрмале контакт наладили...

И вот сегодня Николай Данилович составил-таки проект документа, который был зачитан в присутствии Эдьки и Кефалина:

«Знай свое учреждение»! ПАМЯТКА РАБОТАЮЩЕМУ В Н-ОЙ КОНТОРЕ

1. Н-ая контора создана в 19 (рекомендуется каждому отвечающему на этот вопрос последние две цифры даты идентифицировать с размером своей ноги под обувь по старой системе, например: 39-й, 46-й, и т.п.; женщинам, объем бюста которых не выше 140 см, можно называть цифру половинной мерки; не возбраняется мужчинам называть градусность любимого напитка за исключением пива и вин, а также неразведенного спирта)... году для удовлетворения насущных нужд нашего города (город можно называть любой, согласно прилагаемому ниже списку в

приложении 1) в части отчетности и правильного, упорядоченного документирования. Предполагается тесная связь с горкомхозом.

- 2. Проводимые в нашем учреждении работы направлены на повышение культуры обслуживания трудящихся города (см. приложение 1) и в целом благосостояния всей области (см. приложение 2 с указателями областных центров для городов, приведенных в приложении 1).
- 3. По характеру своей работы служащие учреждения связаны с хранением и переработкой дефицитной бумаги (далее Николай Данилович на трех листа убористым почерком пояснил появление дефицита в бумаге, перечислил важнейшие новостройки целлюлознобумажной промышленности, причем в духе времени нехорошо отозвался о загрязнении Байкала и планах поворота вспять северных и восточно-сибирских рек)... и использованием дорогостоящего канцелярского оборудования. Это объясняет наличие охраны вахтера Петра Дмитриевича Бойко. Используются в работе и другие матценности.
- 4. Учреждение выполняет ряд счетновычислительных работ, исполняет директивные указания по упорядочению документирования для других учреждений горкомхоза в соответствии с общегородским планированием загрузки трудовых ресурсов.
- 5. Появление в нашем учреждении посторонних людей, в том числе после окончания рабочего дня объясняется широкими и плодотворными межучрежденческими связями, существующими в системах горкомхоза и общепита²⁰.
- 6. Напряженные производственные планы, спускаемые в учреждение вышестоящими организациями, вынуждают наших сотрудников с воодушевлением

_

²⁰ Последнее бдительный Николай Данилович связал с новой знакомой Петрова – официанткой Эллой из «Ручейка», которую както вечером тот приводил знакомиться с Николаем Даниловичем.

задерживаться после работы, иногда допоздна. Этим объясняется наличие голосов (возможно, довольно громких при выработке единых решений) и свет в окнах, наблюдаемый до 23—24 часов.

Инструкция была продолжена далее еще на пяти пистах

- Умно́. А главное совершенно соответствует специфике нашего учреждения, двусмысленно отреагировал Кефалин. Николай Данилович покосился на него, но по глазам ничего не прочел. В глазах светилась преданность.
- Иван Григорьевич завтра посмотрит, что надо подкорректирует, и в печать. Экземпляров 500, полагаю, хватит, размножим на ротапринте исполкома. Повесим во всех канцеляриях, раздадим сотрудникам индивидуально. А в конце квартала устроим собеседования, вроде экзаменов по запоминанию. Да разве эти бабы что удержат в памяти? Зря только стараюсь, Николай Данилович махнул рукой.

Эдька через раздернутую портьеру подмигнул Верочке, выпущенной на свободу из-под тирании отдыхающего собственника Петрова. Та прыснула под ладонью. Снова во всей канцелярии тишина перемешалась с потом и жарой, закручиваясь в душной спирали всеми восемнадцатью вентиляторами.

Время, время... Ты замедлило свой бег в третьей канцелярии Н-го учреждения. Кажется, что солнце остановилось над крышей бывшей женской гимназии и немилосердно печет служащих, стекая теплоносными ручьями с оцинкованного железа крыши на стены, со стен капает прямо в растворенные окна, разносится по всей комнате, не щадя скучающих Кефалина и Эдьку, составляющего бесконечные инструкции Николая Даниловича, кота, вздремнувшего в аквариумной зеленоводяной тени, никого. Должно быть, солнце заинтересовалось: что тут делает народ в неудобном таком месте? Вроде ничего не делает, сидят люди, мучаются, а на полях-то сейчас уборка, хоть трудно, но весело, для

здоровья полезно. Покачало-покачало головой круглой солнце и перекатило свои лучи на другую сторону учреждения. Одним канцелярским женщинам Ярило не помеха, жгучие лучи действуют на них, как перец: они высовывают свои горящие языки, болтают ими во все стороны, стараясь охладить от непереносимого жжения.

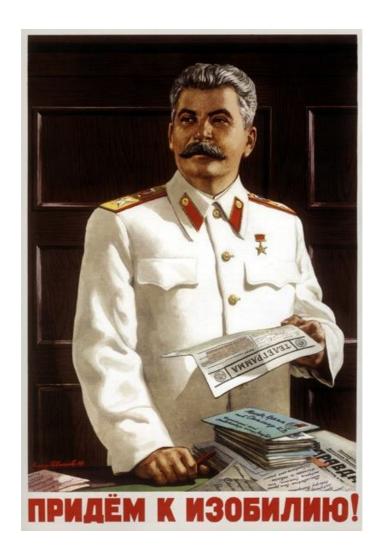
- Нина Тимофеевна? Хорошо-то как вас постригли. Небось, в салоне на Московской?
- Да что ты! Туда носа больше не суну, обегать буду за версту. Как они меня в прошлое Восьмое марта обкромсали ужас?!
 - Ну, значит, в Центральную гостиницу ходили?
- Да нет же, у знакомой парикмахерши теперь стригусь. Она сейчас, правда, не работает ее подполковника в загранку посылают. Но хорошо стрижет, никаких тебе беспокойств: рубль сверх прейскуранта переплатишь и ходи себе, радуйся.
- Что-что? подключилась Стелла, только неделю как вернувшаяся из медового отпуска.— Полковника?
- Да нет, за подполковника она вышла еще три года назад, а сколько времени потратила лучшие годы! пока все разводила его с прежней, даже в часть к нему в парикмахерскую устроилась, в полный себе убыток: солдатам затылки стричь! Но развела, молодец, чего только любовь не сделает... Да у него ребята уже взрослые, бывшая-то тоже обеспечена, в Военторге работает, чего им дальше-то вместе делать? А у Анюты, хоть и хороша собой, девочка подрастает, ей отец нужен, да самой счастья хочется: тридцать четыре уже исполнилось тогда последняя возможность. Молодец девка! Она, правда, говорила мне по секрету: был у нее в друзьях в то же время майор один, красавец с машиной и моложе, но зато баба у него алчная, не отобьешь у такой...
- Да, за военного в чинах, да чтоб без алиментов, трудно выйти. Главное развести трудно, у них, у военных, насчет этого строго: развелся марш на Камчатку, и все тут.

Николай Данилович морщился. Шум мешал все больше. Исписывая лист за листом, он пробовал отвлечься напевом любимой песни: «Нас утро встреча-ает прохладой, нас ветром встреча-а-ет река-а...». На лист упала с носа потная капля; Николай Данилович скрипнул зубами, распев перешел в маршевый речитатив: «Кудря-вая-что-ж-ты-не-ра-да-весе-ло-му-пе-ньюгуд-ка!» Бедный Шостакович!

...Канцелярия гудела, ойкала, стонала, визжала, хрюкала, гомонила на все лады. Тугие звуки носились клубами, все ускоряясь, звонко и резко ударяясь в стены потолок, в дверь, спотыкаясь о столы, о длинные ноги молодой специалистки Крещетниковой. Вдруг потное и крикливое облако вывалилось наружу через отворенное окно: это не выдержавший ада Николай Данилович сорвался, грохнул кулаком по случившемуся на столе дыроколу, злобно выкрикнул из-за портьеры:

- Тише!! (И про себя добавил в сердцах: «Стервы языкастые... вашу мать!») Помолчите хоть немного, в коридор выходите и орите, сколько вам угодно. Совесть гражданскую надо иметь, работой вас, видно, руководители не загружают совсем! Ефим Маркович! Готова отчетность по вторсырью за прошлый месяц?
- Да вот... э-э, почти. Сейчас спрошу. Стеллочка? На твоем столе нет сводной по вторсырью?
 - У меня-я? Откуда, я же из отпуска только...
- Фу ты, вот она, так-так... к звонку сделаем, Николай Данилович. Антонина! Срочно за дело. К концу дня надо переработать с учетом последних сводок и перебелить.

Николай Данилович сердито осмотрел канцелярию, вновь задвинул портьеру. Подумал, открыл холодильник, выпил минералки, оттолкнул на край стола надоевшие инструкции по предотвращению хищения деловых бумаг мышами, позвал кота и потянулся за удочкой. Из-за портьеры вновь раздались рокот и вопли. Канцелярия работала.

Никогда еще Николай Данилович так не скучал, как в эти жаркие августовские дни. Он был лишен обычного окружения: где-то собирал родительскую вишню закадычный друг Петров, Кефалин подружился с очень близким ему по духу Эдькой, а так как последний и Николай Данилович еще друг к другу не привыкли, то исполняющий обязанности Начальника канцелярии оказался в тягостном одиночестве. Было это досадно, тем более что жгла обида: все здоровые, пышущие румянцами начальники и женщины канцелярии кто где грели животы, спины, а он, прикованный к столу и стулу, совсем зарылся в идиотических бумагах, число которых постоянно и волшебно возрастало. Даже его сожитель кот куда-то исчезал на сутки-двое, возвращался отощавший, грязный, жрал рыбок, отсыпался, снова пропадал.

В эту нелегкую для себя пору Николай Данилович особенно сблизился с Валентиновым. Поэт-неудачник, понятно, не получал августовского отпуска, да и отпуск ему был ни к чему... В последние два-три года Валентинов совсем сник, пожелтел, с головы облезали остатки рыжей курчавости. Он сгорбился, породистый нос его уныло повис.

- Ты бы полечился,— советовал Николай Данилович; тот безнадежно махал рукой:
- От чего было бы... С полгода пороги в поликлинике обивал, так ничего не нашли. Отговариваются: общая депрессия, советуют в дом отдыха, спортом заняться, бросить пить, курить. Все ерунда, чувствую себя все хуже и хуже. Рак, наверное.
- Брось, брось дурить, Вадим Васильевич, внушишь себе такое! Рак-то, он сразу обнаруживается, мне профессор говорил. Я ведь тоже поначалу на что только не грешил, так он мне и объяснил, что большинство болезней мы сами себе выдумываем. Анекдот очень хороший на эту тему рассказывал: приходит больной к врачу, говорит, дескать, рак у меня. Тот проверил, на рентгене просветил, говорит: «Больной, у вас никакого рака нет, камень у вас в почках». А тот:

«Вот-вот, камень! А под камнем рак, рак сидит!» Хаха! Ты-то на рентгене был?

- И не раз.
- Ну тогда не забивай себе голову.
- Значит, на бога уповать остается, да?
- Положим, бог богом, а ты все же, как врачи советуют, общеукрепляющим займись. Я вот никогда этим спортом не увлекался, а вот зима придет, так поверишь, во сне на лыжах каждую ночь с горок катаюсь, как в детстве...
- Я и так курить бросал, два месяца крепился. А насчет свежего воздуха? Так как раз эти два года, сам знаешь, регулярно гуляю весь обеденный перерыв, еще прихватываю. В общем, часа полтора получается.
- Так то по улице, в городе, в пыли. Разве это воздух?
- Да нет, разве я тебе, Николай Данилович, не рассказывал: ведь у меня здесь персональная аллея есть?
 - Как так?
- Да-да. Знаешь, вспомни: между задней, что глухая без окон, стеной и забором гаража есть такой тупик, аллейка метров пятнадцать длиной, шириной в два с половиной...
- А-а, помню! Как же, еще лет двадцать тому назад, когда отопление у нас печное было, все собирались там сарай под уголь построить, а тут котельную на мазуте соорудили, бак под него с торца здания поставили. Значит, так там ничего не построили?
- Похоже, что начисто забыли: забор-то глухой, с одного торца впритык со стеной трансформаторной будки, с другого тоже кирпичная стена между нашим зданием и гаражом. Там хорошо, тенек, забор чуть не до второго этажа, три тополя, кусточки разрослись, травка зеленая. Кстати, малиновый куст есть. Откуда взялся непонятно. Я там дорожку протоптал в траве, столик со стульчиком сколотил из ящичных досок, половичок старый из дома принес. Расстелишь его по траве хорошо! И дождь туда не пробивается: с крыши козырек почти на метр да тополя... Только у самого забора подмокает, как раз где кустики. Лежу,

читаю, даже стихи пописываю там. «Тормозок» беру на обед с собой. Только ты, Данилыч, не говори никому, я в тайне держу. А то, знаешь, как у нас: никому не нужно, но узнают, что человеку хорошо, — обязательно испоганят!

- Ну конечно, конечно, не скажу. Постой. Как же ты туда проходишь, ведь сам говорил, да и я вспомнил: со всех сторон заборы да стены, все глухое?
 - В том-то секрет, что есть туда ход из кочегарки.

Как-то с гостинцем зашел в кочегарку (Степанов «Имбирную» уважает), поговорил с ним, объяснил, что да как. Он мужчина уважительный, душевный, хотя и зол на вид, сразу согласился. Лишние, говорит, сюда не ходят, пожарник раз в год, да тетка Наталья, когда после праздников много бутылок собирается и в ее каморку не влезает, хранит здесь мешок-другой, относит на сдачу сумками помаленьку, а канцелярскую братию сюда на веревке не затащишь. Правда, две какие-то проб... приноровились было в кочегарке курить, да я их как-то с похмелья матерком шуганул. Больше не показываются.

Василий Алексеевич, ну, он мой приятель, ключ подобрал. С ним и доски заколоченные отодрали. В шкафу — он дверь загораживает — вынул заднюю стенку Фанерную, вот и все. Как только на обед звонят, я — в кочегарку, отворяю шкаф (на шкаф свой замочек навесил), дверь отпираю и — моя воля, мой райский Эдем, прямо как у Золя, не читал? Есть у него такая любопытная книжечка про одного аббата... Нет? Я принесу тебе, занятная вещица. Только вот для полного сходства дамочки там, хи-хи, попышнее не хватает, а и так все замечательно. Иногда со Степановым или там с Лапшиным Васей (бухгалтер из четвертой канцелярии), с Василь Алексеичем, человеком приличнейшим, побеседуем по душам. Хорр-рошо! После и возвращаться в канцелярию обрыдлую не хочется. Глаза бы мои не глядели на нее! Я ведь по образованию теплотехник, в Ленинграде учился в институте. Кабы не здоровье да не обленился здесь окончательно,

- ушел бы в НИИ или на завод. Эх, соблазнить бы на прогулки в моей аллейке эдакую вроде Татьяны!..
- Эк куда хватил! Татьяна Викторовна к более удобным местам привыкшая, «Ручеек» там, зимняя дача в бору́... пивком да аллейкой, брат Валентинов, ее не заманишь.
- Знаю, Данилыч, знаю. Бабы проклятые им нужен такой, чтобы без разговоров лишних, с рожей наглой, гладкой, да сразу к делу, да чтобы подъехатьотъехать с шиком, коньяк да шампанское, а лучше всего ворованное. Это по-ихнему считается деловой, не транжир! К таким они льнут, очереди с подружками занимают. Как прильнут не оттащишь, пока он сам не оттолкнет.

Вообще, Данилыч, в страшной я апатии в последнее время, хоть вешайся: дома среди стен один не высидишь, я людей, общение люблю. Женщины — все стервы. Чтобы за хвост схватить, нужно все свободное время гробить. В конечном итоге какая-нибудь сядет на шею вроде моей предбывшей супружницы: та четыре года кряду со всеми, с кем можно... уже во дворе пальцами на меня стали показывать, старухи жалостливо так смотрели.

Живу сейчас, после размена, на окраине, черт-те сколько времени добираться. Гостей отпугивает. В городе ни тебе театра приличного, ничего совсем нет. В филармонии — одни лохмачи полупьяные с дурацкими своими гитарами гастролируют. Одно утешение — кино. Все подряд смотрю. Женат был — годами не ходил, а теперь почти каждый вечер. А по службе какие могут быть дела? Скука смертная, ведомости эти, бабы потные, наглые, глупые, главное — крикливые очень

- Так смени место. Ведь говорил теплотехником работал? Найди что потише, получше для тебя.
 - А что получше... Все одно и то же.
 - А по писательской части, по поэзии как?
- Знаешь, Данилыч, сколько таких, как я? В редакцию или издательство зайдешь так и толкутся, друг друга локтями отпихивают. Да разве моими сти-

хами проживешь? Им подавай перевод с табасаранского, еще лучше с датского, вот как у Крыжовникова. Он и печатается, захватил себе во владение целиком отдел поэзии. Я так не могу да и языка табасаранского не знаю. Вот только если датским заняться? Да нет, поздно, память уже не та; там одних эпитетов с полмиллиона. Как это ты просто говоришь: уйти в другое место! Здесь-то я кое-как уживаюсь, всех до пяток знаю, ко мне хоть со скрипом, но и начальники привыкли. А в новое место придешь? — У меня ведь характер не из гладких, сам понимаешь, съязвить могу не к месту, сказать, что не следует.

- А ты сдерживай себя, контролируй.
- Нет, я, конечно, не сплетник какой-нибудь. Я за справедливость просто держусь, вот и подмечаю все на ходу, а сдержать про себя не могу. А тут одно неосторожное слово и тебя облаивают со всех сторон. («Гадкий лысый сплетник»,— вспомнил Николай Данилович общие, вполне справедливые отзывы сослуживцев о Валентинове. Правда, сами они-то...)
- Все пройдет, Вадим Васильевич. Это у вас просто застоявшаяся хандра. Все-таки жениться вам следует на хорошей, семейного склада женщине, все как рукой снимет!
 - Хорошо бы было.
 - Кстати, новые стихи пишете?
- Так вот, говорю, книгу готовлю, хочу завершить ее венком из пятнадцати сонетов.
 - Да ну?!
- Вот-вот, подытожить в прозе и в стихах, как Батюшков, все мои наблюдения, всю мою предшествующую жизнь в этом учреждении, впечатления, переживания, предвидения. Словом лебединая песня.
- Ну, до лебединой тебе еще рановато, успеешь собрание сочинений выпустить. Так, значит, начал этот венок, так сказать, плести?
- Заготовки есть. Сейчас в канцелярии работы срочной нет, пописываю, рифмы ищу. Трудно только сосредоточиваться: бабы как поджаренные кричат.

- И не говори! Ничего с ними не поделаешь, в грех вводят. Самому орать на них приходится. Это бешенство у баб всегда в жару появляется. Приходится терпеть больше. В отпуск скоро идешь?
- В середине сентября думаю, чтобы в колхоз на свеклу не попасть. С тем расчетом стараюсь, раз к июлю августу рылом не вышел, брать отпуск либо на посевную в мае, а не получится в сентябре. Тем самым избегаю удовольствия ковыряться с мотыгой этой... тяпкой или как ее?
- Что поделаешь, все ездят. Положение такое с сельским хозяйством. Вот давеча Иван Григорьевич объяснял на профсобрании: много мяса, картошки, фруктов стали мы есть. Надо, значит, и помогать сельчанам.

Валентинов промолчал, почему-то опасливо покосившись на своего нового друга, встал со стула, походил задумчиво по клетушке, притворно ласково погладил кота по жирному загривку, искоса окинул взглядом холодильник. Опечаленный горестями поэта, Николай Данилович вздохнул, вспомнил про жару и угостил Вадима Васильевича замороженным «Жигулевским. Себе тоже откупорил бутылочку. Полегчало.

Тяжелые мысли стали порой посещать Николая Даниловича, во многом причиной их было и тоскливое состояние Валентинова. Стихи-то его, что читал порой дружески расположенному к нему столоначальну, приобрели явно пессимистический оттенок:

Все суета сует, и будут Напрасно виноградники садимы, А мысли о богатстве — те судимы, Все скверно будет: к худу, к худу!

...После ухода Валентинова взял в руку специальную палочку, пощекотал коту нос. Тот проснулся, чихнул, вполне определенно посмотрел на аквариум. Николай Данилович взял удочку. Шум в канцелярии угас внезапно: женщины всей гурьбой отправились в соседний универмаг за вьетнамскими наволочками.

Через неделю возвратился из отпуска Петров, следом за ним — Татьяна Викторовна, еще через два дня вышел Начальник, а потом с неделю, как грибы после солнечного дождя, вырастали за столами, пустовавшими доселе, все новые и новые отпускные сотрудницы канцелярии. Скоро она гудела в полной своей количественной красе. Кончался август — время учрежденческих отпусков.

Николай Данилович наконец-то состряпал нужные инструкции, слегка разгрузился, а тут Начальник подоспел и снял с трудяги обременительное руководство канцелярией. Опять же Эдька перестал болтаться при Кефалине, чертыхаясь и проклиная тестя, не сумевшего подыскать более спокойного места. С отвращением он перелицовывал сводные по декадным ведомостям.

Все встало на свои места, воцарился покой в мире Николая Даниловича. Дома тоже был почти порядок. Сергей уехал на четыре месяца в Орск на преддипломную практику, поэтому все необходимое для аквариума и холодильника стала приносить его древняя, но бодрая тетка. Николай Данилович вздохнул чуть посвободнее: очень стал опасаться, что развинтившийся на воле до предела сынок превратит квартиру в бардак, к чему дело и шло в последние года. Когда Николаю Даниловичу приходила в голову стариковская блажь позвонить домой на грани ночи — проверить дома ли Сергей, — в трубке очень часто слышалось развеселое пение либо трубку по рассеянности брала обладательница женского голоса, причем голоса-то раз от разу отличались! Но более всего беспокоило, что сын может связаться с фарцовщиками. Николай Данилович с внутренней тревогой всегда читал в обеих местных газетах отчеты о судах над валютчиками, иконниками, золотоношами и другими категориями юных промысловых людей, опасаясь встретить собственную фамилию, хотя бы даже с определением: «Такой-то вошел в зал суда пока в качестве свидетеля». Но пока, слава несуществующему богу, как говорил атеист Гавриилов, все ограничивалось трепетом при газетном чтении.

В канцелярии тоже стало покойно. Бабы угомонились в присутствии настоящего Начальника, болтали шепотом. Начальник благодушествовал после южного месяца. Татьяна Викторовна в своем кремовом загаре, в невообразимо элегантной брючной паре выглядела столь женственной и привлекательной в поре великого расцвета, знаменующего переход от первой ко второй молодости, что ее начали по разным мелким делам вызывать к Самому; это слегка огорчало Семена Игнатьевича, успевшего за совместный отпуск по-семейному сдружиться с неблагодарной и непостоянной дамой.

Стелла отошла от восторга медового месяца, попрежнему с утра до прощального звонка перемигивалась, секретничала с Ефимом Марковичем, отчаянно жестикулируя правой рукой с золотым кольцом. Замужество только придало ей дополнительную цену в глазах непосредственного начальника и друга. Все остальное окончательно перепуталось, так что Николай Данилович перестал понимать status quo²¹ в канцелярии, ибо Петров, Эдька и Кефалин в разных сочетаниях договаривались, шептались с Верой, ее подругой Верой-второй, той же Стеллой, а порой — может это ему чудится?— с самой Татьяной Викторовной; в различных же комбинациях участвовали в вечеринках у Николая Даниловича, врали по телефону домой, брали «напрокат» у него ключи от пустовавшей квартиры. В довершение всего к компании канцелярской аристократии каким-то непонятным боком примкнула Валентина Тихоновна — мать двоих детей, но не глупая и вовсе замечательно сложенная.

Был некий всеобщий загул, назревала чумная оргия. Николай Данилович даже не удивился, когда однажды ночью его разбудил звонок — с веселой пьянцой голос Начальника попросил «дружище Данилыча» сообщить с утра Петрову и Кефалину, что он сам чуток, часа на четыре задержится. Между тем только вчера Петров брал у него ключи... Тут Николай Данилович со свет-

²¹ В данном контексте можно перевести как «кто с кем».

лой ночной головы ясно припомнил, как с этими ключами Сергей Александрович пошел сразу в кабинет Начальника, откуда недавно вылетела очень довольная, с захорошевшим под пудрой лицом Татьяна Виторовна.

А однажды какой-то бес озорства подтолкнул Николая Даниловича, проснувшегося среди ночи по естественной нужде, позвонить себе домой, зная что там Кефалин, уехавший в двухдневную командировку в Москву, с неведомой ему дамой со стороны, но трубку неосторожно взяла... Людмила Сергеевна. Сонный голос зав. медпунктом Николай Данилович узнал сразу — по три раза на неделе встречались, на медосмотре, — но, испугавшись, что она сейчас передаст трубку не Кефалину, а кому-то другому, боясь узнать нечто сногсшибательное, он быстро хлопнул ладонью по рычажку, ошалело помотал головой, опустил безопасно нывшую трубку, подумал: этак скоро с моей квартирой познакомится Сам или какая-нибудь Бутурлина с вахтером Дмитричем?! Б...во сплошное. Громко, озлобленно выругался в тишине ночной канцелярии. Спать более не хотелось, позвал было кота, но вспомнил: по ночам его нет.

— И этот туда же! Может, кот скоро ключи попросит: «Мяу-мяу, Данилыч, как, мол, ты за квартиру не беспокоишься? Дай-ка, схожу проверю, как бы чего не случилось. Я как раз сегодня в облбиблиотеку иду, могу по пути заглянуть. А?» Тьфу!

Самого Николая Даниловича «женский вопрос» («Пришла проблема пола — румяная фефела!»— слушал он теперь с усмешкой Валентинова, читавшего иногда чужие стихи), некогда создавший ему славу сумасшедшего маньяка, давно не волновал. Благодаря гипнозу, зелененьким таблеткам и сереньким микстурам, а более всего по причине неумолимо надвигающейся старости, все это занимало его не больше, чем бедного Петра Абеляра после известной операции, проделанной над ним озорниками братьями его возлю-

бленной (историю эту рассказал, конечно, Валентинов).

«И то хоть слава богу!— думал Николай Данилович, уверенно вступавший в полосу старческой демагогии.— Побаловался в свое время и баста!»

Но чем же заняться? Проклятый кот... он взялся за длинное, нудное письмо сыну в Орск, в котором долго и упорно наставлял того быть поэкономнее, не связываться с сомнительными людьми, особенно осторожным быть с женщинами. «Они ведь сейчас известно какие: про поэзию поговорит с тобой, расскажет, как трудно с ее тонкой душой жить в этом грубом мире, приласкает с самым деловым видом, а после появится постоянный друг — шоферюга с амбалом, как колесо МАЗа, да с гаечным ключом в руке. Обмолотит тебя, а она полную квартиру заготовленных в засаде свидетелей наведет — и плати за чужого ребенка алименты два десятка лет. Так-то!» И т.д. Перевод он обещал выслать в конце недели, но не этой, а следующей.

Однако спокойная жизнь длилась всего парутройку недель. Как-то перед обедом, прямо с диспетчерской у директора, Начальник не вошел, но прямотаки влетел в канцелярию, перебежал ее, на ходу махнув рукой столоначальникам, ворвался в кабинет. Все замерло, потрясенное пронесшейся бурей. Казалось, спертый канцелярский воздух еще вьется небольшими смерчами, занесенными бегущим стодесятикилограммовым телом Начальника.

Немой вопрос перекидывался с лица на лицо. Не знали уже, что и думать. Однако вскоре Начальник выглянул, поманил всех трех руководителей групп, дал знать Николаю Даниловичу, чтобы он включил установленный к этому времени селектор для участия в кабинетных совещаниях. Тот щелкнул тумблером, пододвинул микрофон, от лишней огласки задвинул портьеру. Чуть подумав, переключил динамик на головные телефоны, нацепил наушники на голову. Послышался покашливающий голос Начальника:

— ...От Ивана Григорьевича только. Так вот, к нам комиссия из главка. Как говорится: едет генерал!

— C какой же целью он, то есть комиссия едет, Ceмен Игнатьевич?

Было ощутимо даже в наушниках, как улыбнулся улыбкой взрослого на детский вопрос «отчего масло масляное?» Начальник.

— Если бы было известно, зачем такие комиссии приезжают, то комиссий, собственно, и не существовало. Есть, конечно, догадки. Но если они есть, то знает об этом лишь Иван Григорьевич!— сурово оборвал присутствующих Начальник. И продолжал спокойнее: — Следует нам выработать планчик подготовительных мероприятий. Надо, чтобы все было как следует: порядок, рабочая обстановка, дисциплина — особо! В первую очередь...

Через полчаса каждому столоначальнику были расписаны обязанности. Особо указывалось Николаю Даниловичу на наведение порядка с документацией.

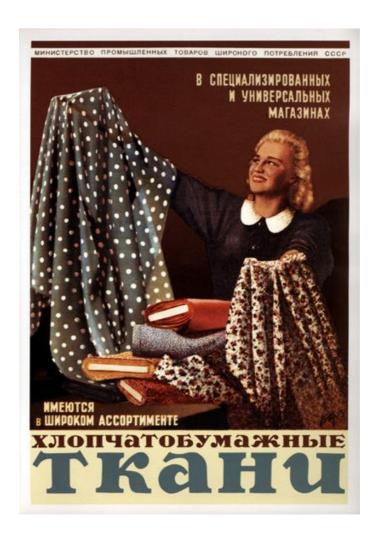
— И главное, ребята, прошу вас как друг, не начальник: не подведите нас с Иваном Григорьевичем. Чтобы за три дня — кровь из носа, но все честь по чести подготовить!

Начальник остался в кабинете, а Петров. Кефалин и Эдька, задержав женщин на десять обеденных минут, разъяснили аварийность положения. Каждый своему ряду. Наскоро пообедав, приступили к штурму, длившемуся три полных дня от утреннего до вечернего звонка. Понятно, что вся бумажная — основная для канцелярии — работа была выкинута из памяти. Женщины работали с остервенением, соскучившись по настоящей человеческой работе, приносящей осязаемую вещественную пользу: мыли до сверхпрозрачности оконные стекла, скоблили плинтуса, чернильными резинками терли запачканные столы. Прекрасно выглядит человек, занятый естественной работой — головой ли, руками... Как мило смотрелась Татьяна Викторовна в кокетливо, «под косынку», повязанном шарфике? В синих халатах с подцепленными лентами распущенными волосами Стелла, Нелли, обе Веры, подруга одной из них, равно как другие девушки и женщины помоложе, очень ловко красили дверь, наличники окон.

Даже злючка Бутурлина, как заправский маляр, с помощью двух других женщин постарше побелила потолок, лихо обращаясь с распылителем. Одной из помогавших была Нина Тимофеевна. Оказалось, что эта интеллигентного вида женщина не всегда кисла в канцелярии, а в ранней молодости работала облицовщицей на стройке. Все оказались мастерами на обе свои же руки.

Петров и Кефалин, оба в необычных нарядах джинсах с этикеткой «Крокодил Гена», в замызганных домашних клетчатых рубахах — лазали по стремянкам, меняли сгоревшие и мигающие лампы дневного света. Сам Начальник снял пиджак, ослабил удавку галстука, надел белый крахмальный халат и расхаживал посреди веселой общей суеты, давая очень полезные к месту советы и указания. Никто, разумеется, не заикнулся о законном: почему эту работу выполняют не назначенные специально к тому рабочие, а они сами, ибо понимали, что рабочих на такие работы днем с огнем не сыщешь, во-вторых, им надо платить и платить за спешку прилично, в то время как канцелярский служащий все равно получал бы свои сто рублей, покуривая в коридоре. В-третьих, того, кто заикнулся бы о рабочих, отправили на проверку к Людмиле Сергеевне или сразу в городской диспансер. Но, в-четвертых и основных: это просто нравилось людям, измученным узаконенным бездельем, противным человеческой природе здоровых, сытых и крепких людей идиотским восьмичасовым сидением с переписыванием каких-то бумажек. Не потому ли выход своей энергии они искали в болтовне, вине, подсиживании друг друга, алчной и неразборчивой любовности?

Так думал Николай Данилович; общий порыв полезной деятельности охватил и его. Он хлопотливо, аккуратно протер, куда мог дотянуться, мокрой тряпкой стол, стеллаж, дверцу холодильника. С помощью специальных тростей со щетками почистил аквариум. Николай Данилович так увлекся чисткой дна, что, когда приспособление оказалось бессильным выудить какую-то перегнившую водоросль, он встал со стула,

сделал шажок, нагнулся над аквариумом, вытащил комок скопившейся грязи, затем хотел бросить ее в свою канцелярскую корзину с цветными прутьями (когда-то, еще ходячим, он самолично во время субботника оплел прутья цветной фольгой, чтобы не путать с чужими — эгоистическая привычка канцеляриста к с в о и м казенным вещам), но, сообразив, что водоросли неряшливо выползут жидкими скользкими лохмотьями на пол, вышел из своего уголка, перешел через всю комнату, выбросил дрянь в помойное ведро. Затем поддержал покачнувшуюся стремянку Петрова, подал ему, попросившему, подвеску для лампы, отнял у кокетничающей Татьяны Викторовны, отправившейся было за водой, пустое ведро, сам вприпрыжку сбегал в кочегарку, выслушал благодарность, затем, минут пять покачал, отогнав лентяя Эдьку, насос распылителя Бутурлиной, а потом вернулся к себе, сел на свое кресло-стул, поставил локти на те же самые пятна стола и обрел обычное состояние. Никто, ни он сам, ни увлеченные редкостной настоящей работой канцеляристы, ни люди из других служб, так же деловито и по делу суетившиеся, ни кочегар Степанов, без устали наливавший горячую воду в беспрерывно подтаскиваемые из канцелярий ведра, — никто не заметил происшедшего с Николаем Даниловичем.

Только вернувшийся с ночной прогулки кот, очень неуютно чувствовавший себя в суете поломойки, увидев ходячего хозяина, поднял хвост трубой, вздыбил шерсть и с дурным мяуканьем выбросился в отворенное настежь для покраски окно, смахнув на улицу стоявшую на подоконнике литровую банку с белилами.

- Николай Данилович! Вы бы присмотрели за котом,— недовольно закричал красивший оконную раму Кефалин,— хорошо хоть белила по фасаду не пролились. Теперь вот тротуар скоблить надо посылать. Это же целых полчеловеко-дня?!
- Не понимаю, Ефим Маркович, что с ним стряслось. Они ведь, коты, дурные сейчас. Охолостить, что ли?

Промелькнули, как в масленичном гулянье, в хмеле веселой настоящей работы три отведенных дня. На четвертый была суббота, потом воскресенье, соответственно. Николай Данилович очень мучался, пока просыхал свеженавощенный паркет пола, покрашенные окна и дверь. Вентиляторы и распахнутые настежь окна не помогали. Чувствительность его дико разыгралась

Запахи улетучились только во второй половине воскресенья.

Праздничная атмосфера официального ничегоделания в понедельник (сродни детскому ожиданию пирога под Новый год) длилась до одиннадцати, затем продолжилась до обеда. Только в половине пятого в канцелярию вошел кислый Начальник. Это крайне не вязалось с его кремовым импортным костюмом, великолепными туфлями. Молча прошел он в кабинет, следом петушком заскочил Петров.

Загудел зуммер селектора на столе Николая Даниловича; через десять минут вся канцелярия знала, что «генерал» даже не заезжал в учреждение и вообще оказался узкоспециальным ответственным руководителем по трамвайной части, вовсе не входившей в ведение Ивана Григорьевича. Просто кто-то и где-то в малых горкомхозовских верхах перепутал, выдав ложную команду.

Через час подоспел отбойный звонок, все разошлись. Петров мигнул Кефалину с Эдькой. Все трое отправились в шашлычную отмечать неудачный приезд генерала. Начальник в это время о чем-то нежно, предельно ласково беседовал по телефону с женой, как расслышал Николай Данилович из неотключенного по рассеянности селектора:

—Лапочка, ну-у! Дружочек мой. Эти командировки, сама понимаешь, ласунечка... Я же говорил тебе: сегодня из главка приезжают, придется сопровождать. Ты уж помучайся, милая, без меня вечерок. Может, даже часть ночи прихватим. Целую, птенчик! Как Петечка наш, первоклассничек? Ты внучка встречала сама? Да-да, я проезжал — в горкомхозе на совещании

был — видел: весь двор в карапузах с цветами. Ну, до завтра, голубушка!

Татьяна Викторовна дожидалась, сидя за своим столом, нехотя делая вид, что раскладывает копии исходящих по скоросшивателям. Временами она вынимала зеркальце и, выпятив губки, проходилась по ним изящно сфабрикованным цилиндриком импортной помады.

После перенесенных треволнений канцелярия вздохнула полной грудью. Наступило ласковое, безмятежное осеннее время: золотой сентябрь — октябрь. Бабье лето очаровывало, лениво уходило лето, дымчатая ранняя осень вдохновляла даже заматерелых служащих на высокую поэзию. Самые молоденькие из незамужних уезжали на недельку-другую просвежиться после жаркого лета в ближний дом отдыха или на турбазу. Столоначальники целыми днями курсировали между пивной верандой городского парка и холодильником Николая Даниловича. Татьяна Викторовна щеголяла в нарядах осенней моды, а Стелла, к огорчению Кефалина, гордо носила первые признаки беременности.

Всех поразила собравшаяся в третий раз родить Валентина Тихоновна: к войне, что ли?— поговаривали пожилые женщины, перебирая приметы своих бабок. Все было осеннее, плодоносное, природа человек возобладала даже в канцелярии. Вера и ее подруга стали заметно дичиться канцелярских мужчин; рассказывали, что не раз видели их с иноучрежденческими серьезными молодыми парнями. Вера даже надела на левую руку кольцо, правда, позолоченное лишь. Им по осени хотелось замуж, как всему живому хочется в эту пору года запастись на долгую, холодную зиму другом, что не даст замерзнуть, согреет душу и тело.

С высоких тополей и кленов, росших вдоль фасада здания и в уголке Валентинова, срывало легким ветерком, перебрасывало через крышу прямо в окна канцелярии золотые листья. Служащие ловили их, клали под

стекла столов. Прелые, отдающие арбузным формалином запахи врывались в комнату, будили грусть, сожаления по давно ушедшему, неверие во что-то ожидаемое, грядущее.

Однажды в обеденный перерыв в опустевшей канцелярии плакала Нина Тимофеевна. С заплаканными глазами ходила Вера; ее утешала подруга. В разное время плакали еще две-три женщины. Такая погода располагает к чувствительности, и даже смолоду непробиваемые бумажные души канцеляристов открываются недоверчивой узкой щелкой навстречу обидам, невзгодам, тягостным воспоминаниям жизни.

Вот в это-то время в учреждении грянул первый зловещий порыв близкой беды, обдав арктическим холодом и мраком всю канцелярию. Поначалу, правда, многие увидели в происшедшем только одиозное несчастье, но некоторые, наиболее прозорливые, душой самой почувствовали неладное... Но об этом позже, пока же — что случилось в учреждении.

Поэт Валентинов совсем загрустил, исчезли остатки рыжих кудрей. Начальник его Несмеянов раза два устно замечал поэту, но, вглядевшись в осунувшееся, желтое лицо подчиненного, осекался на выговоре, смягчал тон:

- Так ведь нельзя, дорогой Вадим Васильевич, ну, бог с ней, с работой, вы бы полечились?
 - Я... исправлю ведомость, вяло тянул тот.
- Да нет, я не о работе же, у кого ошибок не бывает? Я вообще о вас, выглядите вы неважно. Может, путевку организовать в санаторий, в дом отдыха, что ли? Я дам команду, в месткоме пойдут навстречу.
- Да!..— Валентинов махал рукой.— Не поможет, был я в прошлом году в санатории. Не помогает. А по поликлиникам толкаться...— И Валентинов, пользуясь своим положением больного, уходил из опостылевшей канцелярии, бродил по учреждению, беседовал с совершенно сдружившимся с ним Николаем Даниловичем, затем уходил в свой уголок, проводил среди желтой теплой осени последние свои дни и часы, торопясь

записать что-то важное в обложенный коленкором блокнот. К полушестичасовому звонку возвращался на свое рабочее место, скучал, напряженно высиживал, как сам жаловался Николаю Даниловичу, оставшиеся минуты дня. Потом тащился на автобусах с тремя пересадками к себе на окраину.

Случилось, что он пару недель вовсе не показывался в третьей канцелярии. Николай Данилович забеспокоился, стал расспрашивать и узнал, что приятель его серьезно заболел.

— Ай, яй, яй, что-то с ним нехорошее, какой-то он не в себе был в последнее время,— искренне посочувствовал Николай Данилович.

Через три недели отсутствия, прямо под закат осени поэт вышел на работу. Когда он зашел к Николаю Даниловичу, тот ахнул: желтая кожа висела на костях сам поэт драпировался болтавшимся на иссохших плечах пиджаком, который ранее был ему мал (сам бедолага, покупал одежонку себе, путался в размерах без женского догляду).

- Видишь, жалобно произнес Валентинов, совсем меня лихоманка скрутила.
 - Да что болит-то у тебя?
- А ничего. Апатия какая-то. Вот в больнице полежал-полежал да с тем и вышел. Хоть умереть бы скорее... что ли!
- Ну, это ты, брат, оставь. Дурь-то выкини из головы: вылечишься!
 - Да-да, на том свете.

В таком духе они беседовали еще с четверть часа, после чего зазвенел обеденный звонок. Николай Данилович задернул портьеру, зазвал Петрова, и втроем они вспрыснули «выход» Валентинова, заодно проводили раннюю осень («По чуть-чуть»,— как показывали потом Петров и хозяин). Валентинов ушел, Петров резюмировал на свежий взгляд:

— Не жилец он, поверь мне, высохший весь какойто!

- Полно тебе, Сергей Александрович, все под богом ходим; глядишь, иной такой вот высохший любого здоровяка переживет...
- Да-да, знаю-знаю: пока тощий сохнет, толстый сдохнет! Но здесь не то... не то, Данилыч.

А на следующее утро Николай Данилович узнал, что Валентинов вновь не вышел на работу.

— Говорят, домой к нему поехали проведать,— сообщила принесшая в канцелярию весть о болезни Стелла. Через четыре дня, как раз после обеда, в канцелярию вкатилась ужасная весть: повторно поехавшие на дом коллеги нашли Валентинова тихо усопшим во сне. На диване. На лице его не было никакого выражения.

В тот день канцелярия не работала более, вспоминали те или иные странности Валентинова, подробно обсуждали его предыдущую жизнь и таинственную, необъяснимую болезнь. Николай Данилович даже схватился за сердце от недоброго предчувствия, мрачно слушал вежливую к случаю беседу столоначальников, бабий рокот из комнаты. Вечером он в одиночку набрался, чтобы забыться. А наутро врач сделал ему серьезный выговор:

— Губите себя! И замечаю: часто вы так вот стали... Очень плохо может закончиться при вашей-то комплекции и, гм-гм, образе жизни. Заметьте — для вашего же блага должен предупредить: еще раз замечу — буду говорить с вашим руководством. Так-то!

Николай Данилович испугался, да так, что испуг на какое-то время вытеснил как громом поразившую его весть о кончине Валентинова.

Похороны состоялись через два дня. Как рассказывали женщины, вскрытие ничего не дало. Определили только общее нервное («А может, и не нервное?») истощение организма и какой-то процент алкоголя, впрочем, далеко не смертельный. Тем не менее в канцелярии побывал следователь, переодетый в штатское лейтенант, имел малоприятную беседу с Петровым, с Семеном Игнатьевичем. Николая Даниловича, ввиду

его расстройства и особого положения, долго не расспрашивали; задали пару вопросов, и все.

Покойного должны были выносить из его квартиры. Приехали из соседнего города кой-какие дальние родственники. От третьей канцелярии официальными представителями были назначены Петров и почему-то сама напросившаяся Бутурлина.

На день похорон Николай Данилович взял отгул, просидел с утра до темноты за задернутой портьерой. А когда ему показалось, что с улицы доносятся расхлябанные переборщенные звуки запьянцовского похоронного оркестрика, он включил телевизор и долго смотрел с наушниками на голове учебную программу по курсу сопротивления материалов, предмету, нимало его не интересовавшему: лишь бы приглушить нестройные, почудившиеся звуки. Когда же пришел с похорон Петров, то Николай Данилович резко отклонил все его намеки насчет «помянуть». Вечером он мрачно выловил садком чуть не всю рыбу и скормил ее обожравшемуся коту. А когда тот стал рыгать — с силой поддел его палкой для чистки аквариума. Мрачные предчувствия все сильнее и сильнее теснили душу. На ночь он пил давно забытое снотворное; не хотелось сегодня видеть снов.

На следующей неделе, во вторник, к нему зашли Начальник с Вадимом Горюшкиным из канцелярии Несмеянова. Вадим держал в руках какие-то листки.

- Николай Данилович!— обратился Начальник.— Вот у умершего нашего коллеги из соседнего отдела, Валентинова вы, возможно по прежней, гм-гм...помните его?— найдены в столе какие-то стихи... стихи, кажется?— обратился он к Горюшкину.
- Да-да, стихи, Семен Игнатьевич. Он вроде как писал в нашу стенгазету.
- А-а! Помню, читал как-то к Майским праздникам. Так вот, родные его уже разъехались, передать некому, а выбросить вроде неуважительно к покойному, ведь человек трудился... хотя, между нами говоря, в рабочее время. Вы, пожалуйста, подшейте их в дело

- в скоросшиватель «Разное», только без огласки содержания!

Начальник ушел, Горюшкин еще покрутился, полюбопытствовал устройством различных приспособлений и тоже убежал. Николай Данилович задернул портьеру, положил ладони на стопку бумажек, закрыл глаза. Он думал о своем так недавно обретенном и столь быстро, нелепо потерянном друге. Рука его порывалась взять первый сверху листок и поднести к глазам, но он оттягивал это желание; даже не строгий приказ Начальника (без огласки!) удерживал... Нутром он понимал, что если прочтет стихи, то будет это концом покоя, перешедшего было в стойкую привычку. А как не хотелось уходить от ставшего милым, привычным такого спокойного, уютного мира!

Еще один порыв пронесся сквозь стекла и стены канцелярии, завихрил все в комнате, взмахнув веером листиков поэмы, разбросав их по полу. То был призыв судьбы. Больше надеяться было не на что. Николай Данилович глубоко вздохнул, открыл глаза, спокойным голосом воззвал к Петрову и Кефалину.

«Пропадать, так вместе!»— подумалось ему.

Вошли они. И подобрали с пола листки. И встали, скорбные, перед хозяином. Николай Данилович разобрал, разложил листики по номерам на столе овальным кругом похоронного венка, жестом усадил гостей, посерьезневших, молчащих, сказал, вспомнив все же про свою обязанность по тайной части:

- Прошу вас выслушать эти предсмертные стихи Вадима Васильевича, но просьба: чтобы дальше вас они не пошли. Ведь сам Семен Игнатьевич...
- Будет тебе, Данилыч, будет,— засовестили его Петров с Кефалиным,— читай!

Николай Данилович загробным голосом зачитал:

ВЕЧНОУХОДЯЩЕМУ

(венок сонетов)

К концу идет повествованье наше, И скоро, скоро пропоет петух, В печах протопленных огонь потух, Луна вычерчивает силуэты башен.

Невспугнутая летней ночи тишь Инерцию питает расставанья. И голос: «Будем жить с тобой хоть в бане!» В ответ: «А вдруг появится малыш?»

Ушли они, не разрешив дилеммы, А в воздухе повис предвестник темы, Грозящей народиться, как малыш.

Не в муках родилась она, не в схватках,— В слезах, попрёках, мнимых недостатках. Душа-зануда, почему не спишь?

О днях утех и месяцах трудов Играючи мурлычет киска-муза И не желает признавать союза Меж ними, а вопрос не так уж нов.

Нельзя разъединять участки мозга: Тот бьёт кувалдой, этот — домино. Опасно раздвоенье, как вино; Кто позабыл — соленая тем розга!

В единстве тесном мысли и души Вопросы и сомненья разреши: Ведь бытие не терпит отчужденья.

Жить бездуховно - значит и не жить, А «не гореть» — синоним слову «гнить», И между ними нету примиренья.

Пускай порою слог наш и суров, Готов серьезно с вами объясниться: Писать слащаво— лишь о стенку биться И все равно не избежать пинков.

«Глаголом жечь сердца...», — сказал Поэт, Не мне чета,- Поэт большебукве́нный! И длится бой с успехом переменным Уже с тех пор почти две сотни лет.

Ворвусь с кнутом в бездушье канцелярий, Где плесенью покрылся лапидарий И гнилью растекается округ.

Брожу я бледной, нездоровой тенью, На сердце боль и горечь, ночь ли, день ли: Где ты, за мерзостью злотленья, друг?

Но Смерть своей косой над миром машет. У Смерти в подчиненье каждый сущий. А мысль сверлит трепещуще, тягуче: Мир силится она представить краше.

Смерть — кара, избавленье и покой: Наказан сердца не имевший злыдень, От суеты уплыл, как Мартин Иден, И всюду веет смертною тоской.

Заплесневелый ужас не пугает, И Смерть уже с объятьями встречают И ей отводят персональный стол.

Сложив на стол свою косу и список, Составленный главбухом без описок, Всех заберёт, глотая валидол.

Уделу жизни всякой есть граница, Очерченная даже слишком четко, Как для рояля клавиши есть нотка. Удел такой же наяву мне снится.

* * *

Очерчен тот удел рукой небрежной, И начерно проставлен день и час, Когда и где раздастся трубный глас И канет жизнь в пучине неизбежной.

В тот самый миг и мы познаем Тайну, Что душу нам тревожит чрезвычайно: Что есть наш бренный мир и чей он откуп?

Кто ждет нас после гробоположенья: Христос, Конфуций, Будда, разложенье Или Харон в свою посадит лодку?

Пусть не смущают мистика и рок, Что в нашу канцелярию приходят И в ней, судьбы посланцы, колобродят, И люди их впускают на порог.

В дрожь бросят описания приемы, Где подсознанье, комплекс, парадокс И тут же ЖЭК, контора, зам и ОКС, Но вывод делать к мистике придем мы.

Чуть вымысла в реальную картину, Раскрасим канцелярскую корзину — И средь других похожую найдем.

Гвозди́чка аромат свой дарит грогу, Но в варке надо чаще делать пробу, Смотреть: своим ли ты идешь путем?

Я жизнь отображаю. Не пророк, Лишь списываю явные картины, За ними скрыты тайные пружины, Читающий да извлечет урок.

Пророкам свыше дан талант особый: Вглядеться в них — любой Христос грядущий, Его словам внимает каждый сущий, Не потеряться в этой жизни чтобы.

Проекцию на код буквосмешенья Чернильных черт, как вязи вермишельной, Кладу на сотни писаных страниц.

И силится моё отображенье,
Пробиться через фильтр воображенья, —
О, как нелегок мысли путь, тернист!

Рискуя в обобщеньях повториться, Не покидаю добрых старых троп, Держу в узде готовый разразиться Слепого вдохновения потоп.

И не страшусь я выводов кондовых, Кондовый лес не весь оцеллюлозен, Стоит, как раньше, он, и миист, и грозен, И душит корнями собратьев новых.

Как ни трактуй стовечное Евангелие, А суть одна - и в Риме, и в Катанге, И что нам обобщенья варианты?

А то – умрёт предмет литературы И станет чем-то вроде лигатуры — Отживший тлен — предбывшие таланты...

Еще звенит последняя струна В лихой надрывной песне канцелярий: «Бывали дни, гуляли мы, гуляли!» И не прогнили двери и стена.

Как встарь, перемешением богата Жизнь тружеников стула и стола: Просителям — согбенная спина, Внутри — восторг духовного разврата.

Почти собрал на «Жигули» Петров; Экскурсия-поездка в Петергоф;

Про суп галдят гурманы-счетоводы.

На Гёте подписалась Иванова И спрашивает: «Кто он? Не из «новых»?» Начальник с Аллой укатил на воды.

А повесть так и не завершена В той книге невесёлых наблюдений, Подсмотренных в часы рабочих бдений, Тех, от которых голова больна.

И радостно, и, между тем, печально Расстаться с незлобивыми людьми, Но ты перо бестрепетно возьми, Закончи свой отчет нетривиально.

Вздохни, читатель, и, наморщив лоб, В тиши, без музыкальных «хоп-эй-хоп!» Прослушай заключительный аллегро.

Одна осталась чистая тетрадка (Чернила – такова моя повадка -Сам делаю из ка́мней Montenegro²²).

Но явственен уж признак увяданья, Как поздней осенью узорный лист, Тот, что омыт дождями, желт и чист, Чей запах теребит воспоминанья.

Те горькие шафрановые чувства, Что будит запах осени мертвящий, Одновременно скорбный и бодрящий, — Расплата за весны и лета буйство.

Скукоженные запахи предсмертья,

_

²² Черная гора (франц.).

Хотите — нет, а коль хотите — верьте: Дают души нечаянный расцвет.

В последней топке продежурит солнце, Последняя бутылка кажет донце, Слагает песнь стареющий поэт.

Перелистни страницу, мой читатель, Там это самое «point sur les «i»²³, А суть вещей с собою унеси. Перелистни, мой добрый почитатель!

Я сам имею скверную привычку (Простите любопытство наглеца) Читать любую книжку до конца И в мыслях заключать ее в кавычки.

Порой чем дальше изучаем книгу, Тем кажется, что поднесли нам фигу, И жалко денег, времени и глаз.

Но следует отринуть сожаленья (Чего всегда мне жаль, так только зренья!): Последний шаг мой делает Пегас.

А там — горчее валерьяны капель, Горчей полынного экстракта строки, Экзамены уже, а не уроки Готовится принять бог-изыскатель.

* * *

На тех экзаменах опросят всех: Чем занимался в офисной прохладе? Как совести с умом конфликт уладил? Что за душой: молитва, подлость, грех?

_

 $^{^{23}}$ Поставить точку над "i" (франц.)

Мы будем все пока в том скорбном зале Свидетелями, хоть не вызывали, И за судьей прошепчем приговор.

А из суда пойдем на похоро́ны, Как мало нас, как велики уроны — Жизнь разрывает с нами договор.

И боль и свет нелегкого прощанья С собой уносим от могильных всхолмий, Где нет крестов,— одна лишь надпись «Помни!» Назначит место скорого свиданья.

Такая в сердце боль, что сводит скулы От скрежета сомкнувшихся зубов, В конце концов, мне нравился Петров, A он... в Aид, в pуке зажавши nулы²⁴.

Не ты ль, не ты ль источник оптимизма, Преодолевший гнев и укоризну, И жалости, и злобы симбиоз?

Засмейтесь громче, и заплачьте тише Над этой канцелярией погибшей, Что есть гипербола-апофеоз!

МАГИСТРАЛ

К концу идет повествованье наше О днях утех и месяцах трудов, Пускай порою слог наш и суров, Но Смерть своей косой над миром машет.

²⁴ Мелкая монета в Древней Греции, которую клали в ладонь покойнику: плата Харону — перевозчику душ через реку Стикс, отделяющую мир живой от загробного (мифол.).

Уделу жизни есть граница, Пусть не смущает мистика и рок, Я жизнь отображаю, не пророк, Рискуя в обобщеньях повториться.

Еще звенит последняя струна А повесть так и не завершена,, Но явственен уж признак увяданья.

Перелистни страницу, мой читатель, А там — горчее валерьяны капель И боль, и свет нелегкого прощанья.

ЧАСТЬ 4 РАЗЛАД!

Конца предчувствием томим, Он шел столицей в зной палящий... И вдруг Входящая пред ним Предстала вместе с Исходящей... За ними плелся, еле жив, Имея вид совсем убитый, Покрытый плесенью Архив Под руку с длинным Волокитой...

....Мы не нужны на службе боле... За что? — самим нам невдомек, Уж мы ль на службе не радели? Мы исписали столько строк И сколько стульев просидели!..» Тут бюрократ, раскрывши рот, Воскликнул, полный изумленья: «Конец! Мир к гибели идет, Настало светопреставленье!..

(Р. А. Менделевич «Бюрократическая баллада»²⁵)

В третий раз пронесся зловещий порыв холодного, испепеляющего ветра недоброго предчувствия, проникая сквозь стены, разбрасывая по полу неубранные на ночь, несмотря на строгие инструкции, бумажки со столов. Пронесся он в четыре часа ночи, когда в опус-

 $^{^{25}}$ Стихотворная сатира первой русской революции (1905 — 1907). Л.: Сов. писатель, 1985. С. 303.

тевшей канцелярии (даже кот ушел) спал один лишь М. От порыва ледяного ветра Николай Данилович проснулся, сердце его сжалось. В пустом пространстве канцелярии сверкнуло яркое, больно ударило по глазам. Он зажмурился, слезы отчаяния и тоски, мерно застучали по стеклу стола. Поздняя гроза погромыхивала за окнами, умытыми дождем.

Все в канцелярии не клеилось в последнее время. Люди в поисках выхода из удушья брались за самые невероятные занятия, отдающие идиотизмом, бросались на любые бредовые предложения сослуживцев. Но три события окончательно потрясли старинное здание бывшей женской гимназии: диссертационная горячка и две истории, героем которых был Петров.

После позорного провала диссертационной затеи Николай Данилович, цепляясь остатками здравого смысла за логику и некоторое общедоступное знание истории естествознания, развития техники и промышленности, анализировал истоки столь необычного явления. И сумел-таки нащупать эволюционную тропу.

Когда-то, впрочем, не так давно, уже на служебной памяти Николая Даниловича, в различных отраслях человеческой деятельности плохо-худо, но занимались по преимуществу своим, в сознательном возрасте выбранным, соответствующим обучением наставленным и закрепленным, дипломом или свидетельством подтвержденным, с основным профилем занятия или ремесла предприятия, конторы, иного какого учреждения совпадающим делом. Так в их учреждении от веку писались различные исходящие бумаги, читались входящие, подсчитывались, суммировались в ведомостях цифры показателей: убытков и прибылей. И образование у всех служащих было в основном соответствующее: по счетоводству, по финансам, по кредиту, либо по руководству, вот как у Ивана Григорьевича, который перед утверждением его директором учреждения закончил трехмесячные курсы усовершенствования при плановом отделе тогдашнего совнархоза. Были, конечно, исключения, например, Петров имел высшее техническое образование. Зять Ивана Григорьевича —

Тихоблагов, служивший ранее в первой канцелярии, а впоследствии — сослуживец Николая Даниловича, был по диплому педагогом. Совсем никакого образования не имела Бутурлина. Но все они погоды не делали в относительно однородной канцелярской среде, тем паче, что Петров был способен к математике, руководил экономико-статистической группой и в совершенстве знал свое дело, Тихоблагов был перспективным молодым руководителем среднего звена, а педагогический опыт, приобретенный им в стенах вуза, помогал работать с людьми, даже испорченными привилегированными положениями аристократической первой, а впоследствии — третьей канцелярии; последней этот статус был дан из-за редкостного недуга Николая Даниловича. Бутурлина же знала назубок четыре действия арифметики и справлялась с подбивкой мелких балансов.

Потому работа канцелярий шла тихо-мирно, планы выполнялись и перевыполнялись, никто особо вперед не лез, но и затирать себя не позволял. Было бы дико, например, по канцелярским меркам, задумай Ниночка официальное — в рабочее время — изучение латыни, а учрежденческий художник Иван — официальное же написание полотна размером 1,5×5,5 м², изображаюшего квартальное заселание плановой комиссии учреждения. Хотя в части увлечений исключения тоже были, но неофициальные, не в рабочее время, а если в рабочее — то неофициально: Валентинов сочинял стихи, Петр Павлович Гавриилов так тот вообще все силы бросил на атеистическую пропаганду по внештатной линии общества «Знание». Старик Анциферов из родственного учреждения — горфинотдела — три десятка лет своей жизни посвятил созданию истории финансовых учреждений города...

Будучи человеком общительным, с людьми сходясь скоро, незлобивым, внимательным слушателем, любителем субботнего пивка, а также обладая хорошей памятью и достаточной логикой мышления, Николай Данилович хорошо, детально, в целом — верно представлял себе остальной, внеканцелярский мир. И там

царила гармония. В больницах и поликлиниках врачи, по преимуществу высокие худощавые брюнетки, либо кубастенькие располневшие блондинки, осматривали больных, прописывали им аспирин с горчичниками, долго и задумчиво описывали в карточках непонятным от торопливости почерком истории страданий.

На заводах и фабриках большая часть людей работала разные изделия, меньшая суетилась, обеспечивая поставки сырья и контроль за тем, чтобы из сырья изготавливались именно нужные изделия, в должном количестве, в требуемый срок. Рабочему хоть нелегко наворачивать у станков, на конвейере, хотя приходится порой по две смены подряд и без выходных спину гнуть, но он через порог заводской проходной шасть и мысли о работе долой! Обеспечивающим же инженерам, мастерам и выше, вплоть до директора жилось похуже, точно вся их жизнь была в непрерывных хлопотах, отчего они рано лысели, порой не доживали до пенсии. «Текучка», — называли они свою жизнь, но, втянувшись, с завода никуда не уходили, опасаясь на более спокойных занятиях сбить выработавшийся стремительный ритм прохождения по жизни и оттого захиреть. Опять-таки худо ли бедно ли, но по итогам работы прилично платили.

В третьей из числа основных рабочих сфер, с которыми Николай Данилович сталкивался также постоянно, той, что официально называлась «сфера обслуживания», куда он относил торговлю, городские автобусы, троллейбусы, трамваи, почтальонов, общепит в лице учрежденческой буфетчицы, и настоятельниц пивных ларьков (в столовых он никогда не столовался, в ресторане был только раз-другой), тоже вроде бы все были расставлены по местам. Правда, там много жульничали, но к этому давно привыкли, считали особенностью профессии, так и говорили: опасная профессия! Даже с оттенком некоторого сочувствия. Великая вещь — психология привычки: читаешь еще совсем недавно газету, диву даешься (диву даешься, задумавшись, а при невнимательном чтении диву именно не даешься). Спер, например, один гражданин у другого товарища кошелек с авансом, неважно каким: трешкой ли за подряд на починку унитаза, полусотней ли за работу на заводе, — все одним кончается: гражданина сразу в предвариловку, затем препроводят в районный народный суд, оттуда в зарешеченном ЗИЛе прямиком на всенародную же стройку химиндустрии. А у продавца случится, допустим, недостача в 50 000 рублей, соберутся две-три подружки по прилавку, пошепчутся, раскроют свои кошельки и внесут недостающую мелочь в кассу. И никакой тебе милиции, никаких конвоев?.. Такое впечатление, что в разных измерениях живут этот гражданин и эта продавщица, а между этими измерениями стоит таможня, которая при переходе границы обменивает валюту по курсу 1:50 000, вроде как доллары и фунты на мелкотравчатые лиры и йены.

Были еще сферы, с которыми Николай Данилович напрямую не контактировал, но структуру и функции которых довольно-таки представлял. Сферу создателей и исполнителей разного рода творчеств он уважал, хотя знакомства с искусствами ограничивались телевизором, киношками в юности и в молодые годы, с архитектурами — видением собственного города с преобладающей планомерно-пятиэтажной застройкой 60-х годов, а с литературой — чтением детективов и романов из русской истории. Особенно ему импонировали артисты. Они были такие красивые, броские, особенно женщины, если смотреть на них издалека. Мужчины же актеры хотя слегка настораживали отсутствием галстуков, но, в общем-то, тоже нравились: они такими усталыми голосами рассказывали в творческих телевизионных отчетах о трудностях своей работы, как если бы были не актерами, а по крайней мере — шах-Данилович питал приязнь терами. Николай трудящимся людям.

Еще одной сферой, хотя не понятой им до конца, но, в общем-то, ясной, были выросшие в последние 15—20 лет при больших заводах, а то и на пустом месте многоэтажные институты и конструкторские бюро. Там работали такие же, как на заводах, инженеры и начальники, получавшие такие же или чуть побольше

оклады. Но работа их была поспокойнее, чем на заводах. За это преимущество они, правда, чаще ездили на сельхозработы. В общем, еще с десяток лет тому назад особой разницы между ними и заводами не было, потому народ очень часто переходил работать с завода в НИИ или КБ, а оттуда встречно шли на завод. Отличия были только в тонкостях, например, инженеры в КБ чаще занимались туристическим и байдарочным спортом, чем их собратья на заводах, начальство выглядело чуть повальяжнее: пообыклись в столицах, куда часто ездили в командировки. А вот в чем отличие НИИ от КБ — этого Николай Данилович не знал; не могли даже приблизительно объяснить разницу соседи по дому, работавшие там и там. Ее просто не было, по крайней мере, в промышленности.

Особняком в мировосприятии Николая Даниловича стояла газетная сфера, пресса так сказать, служившая связующим звеном всех трудовых и обслуживающих сфер с властью. Газетчиков он не любил, но не за чтото основополагающее, а лишь за малограмотность и обезьянничание. Обезьянничание же справедливо полагал в мгновенном распространении и устойчивости штампованных фраз; он болезненно переносил все эти «белые золота», новомодных «выпивох», стариннейших «мастеров кожаного мяча» и «радушных хозяек» (последнее только в отношении к тем краснорожим бабищам, что под видом буфетчиц выдавали мужикам вечерами в стекляшках-забегаловках стаканы с портвешком или червивкой). Зубами Николай Данилович скрежетал при чтении про расплодившихся в последнее время слащавых «мастеров сладкой продукции», «тружениц хорошего настроения» (это вроде как о парикмахершах женских залов). Но, будучи знатоком русской истории, он прямо-таки свирепел при печатном виде часто замелькавшего слова «подворье». Однажды даже не в местной, но в многотиражной центральной газете, основанной еще в дореволюционном подполье, он встретил этот штамп пять раз подряд: «...таким образом, это будет хорошим подспорьем каждому крестьянскому подворью» (в передовой);

«необычно большой кабачок уродился в нынешнем году на подворье тамбовской колхозницы Марии...» (в рубрике «Это интересно!»); «... и все трое дочерей остались после десятилетки в родной деревне. Прошло несколько лет; три новые молодые семьи обзавелись с помощью совхоза собственными подворья ми». И т.п.

Николай Данилович тыкал смятой газетой в нос Петрову, Кефалину, Эдьке и даже Стелле, горячился:

— Да хоть один из них читал в своей жизни чтолибо, кроме собственных заметок и инструкций по выплате гонораров? А догадались ли хоть разок заглянуть в словарь? Такое впечатление, что они и в школе, как нынешние студенты в институте, учились: с первого класса то в стройотряде, то на спортивных сборах, остальное подождет... после диплома или аттестата наверстаем! Ведь всю жизнь подворье означало усадьбу попа в деревне или резиденцию архиерея! Ни один русский писатель не осмелился назвать крестьянский огород «подворьем» — его бы критики со свету сжили, а книготорговцы разорились бы на его книгах. Перенесись сейчас какой-нибудь чиновник, хотя бы по нашей финансовой части, в эту канцелярию, прочитай он такую газету — что подумает? А подумает, что у нас все сельское население в попы позаписалось. После этого не удивится, пройдясь по магазинам: одни консервы да иваси развесные... кому же коров пасти, баранов воспитывать, свиней разводить, если все по деревням проповеди читают?

Кефалин и Эдька уклончиво молчали, Стелла таращила от непонимания глаза. Петров тоже заражался горячкой коллеги.

И самое главное — отмечал Николай Данилович, что как только это самое «подворье» застрянет на пере газетчиков, так весь тон заметки становится этаким дурашливым, игриво народным: тут тебе посыпались «хозяюшки» и «упорос», «уродился», «хлеба взошли», «за околицей в вечерний час трактористы с доярками собрались», хотя доподлинно всем известно, что в этот самый час трактористы допивают самогонку, наворо-

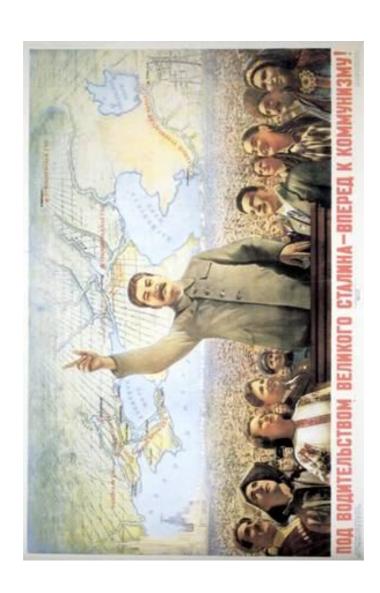
чавшись за день со своими «стальными машинами»; доярки постарше свиньям пойло понесли; помоложе которые, так те после окончания школы вовсе на ферму не заходили, а уехали в соседний город работать штукатурами и малярами.

В унисон со слащавыми газетными словцами всегда вспоминался Николаю Даниловичу препротивный, крайне ненавидимый им, но часто показываемый по телевизору, такой же дурашливый самодеятельный ансамбль, в котором приодетые поселянами-пейзанами московские интеллигенты с подвизгиваньем и приойкиваньями водили хоровод без музыки...

По поводу «подворья» Николай Данилович, хотя это не было принято в их кругу, дважды писал в редакции: в местную и в центральную. Из местной он ответа не получил, а из столицы сообщили, что-де это в нормах развития живого народного языка: многие слова в новых условиях меняют свою относительную смысловую категорию. Николая Даниловича объяснение удовлетворило не вполне: ни разу в жизни он этого слова не слышал в новой смысловой категории в народной речи, но с переменой категории смысла согласился; действительно, раньше «достать» означало протянуть руку и вынуть что-либо из шкафа, с полки, а теперь значило «купить». Раньше «нужник» был непотребным местом, сейчас же это человек да притом всеми уважаемый. Перестал он писать в редакции.

Была сфера человеческой деятельности, к которой Николай Данилович относился с неподдельным уважением. Даже в самых потаенных мыслях не предполагая, что когда-нибудь *почти войдет* в нее: сфера ученых.

Прежде всего, почти все ученые жили в столице и в приравненных к ней городам. На периферии же они водились, вырастали, пополнялись только в учебных институтах либо в новомодных областных университетах, в последнее время как грибы расплодившихся на месте бывших пединститутов. В городе исстари было два института: политехнический и педагогический.

И вот как раз в одну из эпох перестроек на основе пединститута открыли университет. Все были довольны: у студентов почти в два раза выросла стипендия, чем теперь они козыряли перед политехниками; власти тем, что их город, некогда представленный известным русским писателем как образец дикости нравов и вопиющей безграмотности, стал университетским центром, получил-таки этот либеральный статус. Но руководству вновь созданного университета не нравилась ущемляющая престиж приписка в скобках в различного рода печатных изданиях: «бывш. пединститут», и они в следующую перестройку сумели отделить от себя чисто педагогические факультеты — основать на них новый пединститут, да еще добившись для него титла филиала столичного! Отделенные студенты огорчились, но городские власти вновь ликовали: город превращался в центр научно-педагогической мыс-

Несмотря на всю эту мышиную возню, Николай Данилович испытывал к работавшим в вузах людям чувство почтения. Его трогали их возвышенные, глубоко задумчивые лики, аккуратная, солидная одежда, неподдельная воспитанность даже в безалаберных пивных очередях. Тещу Петрова он, как и другие канцеляристы, считал редчайшим исключением.

Труд научных работников М. полагал неимоверно трудным, изнурительным, потому понимал разницу в оплате: он застал еще те времена, когда доцент имел оклад в 3 180 рублей (дореформенных), а станочник хорошего разряда получал втрое меньше; сам начинал службу с оклада в 550 рублей; кое-кто получал и триста. И хотя с тех пор заработки доцентов остались прежними, а рабочие высокой квалификации вплотную подошли к жалованью профессоров, даже превысили последних, у Николая Даниловича четко запала в памяти та давняя, по тем временам четырехзначная цифра, когда и его 550 хватало на вполне приличное холостое житье.

Сталкиваться с ученым миром вплотную Николаю Даниловичу не доводилось (вежливый, но спившийся

преподаватель физики из пивной не в счет); жили ученые скученно и изолированно в своем районе вверху проспекта, вблизи корпусов институтов. Более знал понаслышке от сына-студента да кое-что увидал во время своих давних вечерних курсов повышения...

Были еще военные, но их жизни Николай Данилович никоим боком не касался; сам он по причине непорядка с грыжей не служил, сын после школы в институт пошел, а в общественных местах он встречался только с прапорщиками из ЛТП, которые заходили после смены попить пивка в буфет при фабрике-кухне. Однако санитары в погонах относились скорее к сфере власти, в каковую он включал власти городские, ревизоров в электричках и пассажирских поездах, а над всеми стояла милиция (о высших, не городских властях он, будучи человеком старинного закала, помышлять не брался). Лично его, человека тихого, незлобивого, не пьяницу, не дебошира, милиция особо не касалась. Знал Николай Данилович, что даден ей статус непогрешимости, как папе римскому (тот, правда, был самозванцем — сам себя непогрешимым сдела n^{26}), но на всякий случай держался от нее подальше.

К тому же, имея за своими ушами и глазами почти полсотни лет случайных и мимолетных наблюдений, он чувствовал: здесь что-то не то, что-то не так. А может, он по старости таким критиканом стал? Да вроде нет. Вот сейчас новые времена настали, многие накопившиеся грехи во всех сферах начали пресекать, и здесь отголоски есть: пьяного сержанта нынче редко увидишь, да такого, что рожа и околышек картузика милицейского одного цвета. И в пивные они среди белого дня, подъехав на «газике» ПМГ, не входят через заднюю дверь, а чаще — через переднюю, попутно приструнив забаловавшийся народ! Но здесь вопрос тонкий: ведь пивные тоже упразднили!

гласно погмату

²⁶ Согласно догмату католической церкви, принятому на Первом Ватиканском Вселенском соборе 1870 года.

Словом, и у них порядок наводят, но опять-таки берегут их репутацию-то, чистят не прилюдно, не газетно, как сейчас принято. Вот, скажем, расстреляли одного южного министра по хлопку — в газетах пропечатали, а перед этим — доподлинно известно!— застрелился сам в той же или в соседней республике милицейский министр — не пропечатали?! А народ об этом узнает только из столичных разговоров и от корейцев, привозящих на базар арбузы. Ан — главный милицейский министр с должности устранен «как допустивший ошибки...»,— не все у них, выходит, ладно?

Конечно, на то она милиция, чтобы видом своим к порядку призывать, но перебарщивать-то зачем? Зачем пугалом делать?— Ведь настоящие-то воры, разбойники всякие, растратчики-расхитители не очень ее пугаются, это у них в издержки профессии входит, соответственно оплачивается, а мирный человек и так благонамерен.

Ты авторитет свой держи высоко, фуражечку красную с достоинством носи, лаковые сапожкиботфортики да шинельку с полами обрезанными, чтобы за преступниками быстрее бегать, в грязи не пачкай! Но авторитет-то не заслуживается только передачей «Следствие ведут знатоки» или расплодившимися до неимоверности печатными и экранными детективами...— на этом месте Николай Данилович, окончательно запутавшись в дозволенных и недозволенных мыслях, старался переключиться на что-то иное.

В последнее время, в связи с происшедшими в канцелярии событиями и с их обдумыванием, Николай Данилович даже почувствовал что-то вроде интереса к современной ему жизни, в частности, немало удивив сына, попросил принести почитать несколько наиболее известных из современных книг, названия которых слышал от покойного Валентинова. Вот ими-то он отвлекался от неспокойных дум, не постигая того, что эти книги только подстегивают его мысли все о том же. Вот и теперь, стараясь отделаться от крамольных милицейских размышлений, он взял начатую вчера

книгу местного, кстати, говоря, писателя, фамилию которого Николай Данилович уже с десяток лет встречал в обеих городских газетах, рассказы которого и раньше читал с интересом.

Но что за черт! Уже вторая из прочитанных на заложенной закладкой странице фраз насильно вернула его к злободневным размышлениям: «Сержант смотрел на меня взглядом человека, высота положения которого мне даже не снилась...»

Вот как раз больше всего в голове его не укладывалось, как это молодые парни, только-только отслужившие армию, а до нее успевшие-то закончить школу или ПТУ, немного послоняться с магнитофоном и девками по Центральному парку, быстро входят во вкус чего греха таить — ничем не ограничиваемой власти над людьми, много их старшими, умудренными жизнью, с несоизмеримо более высокими заслугами? И пользуются ведь властью вовсю! А власть-то эту у нас можно, при желании, применить на каждом шагу, по отношению к любому человеку, ибо неустроенный наш хронически быт, сумбурность, проистекающая из закоренелой расейской безалаберности, сама вынуждает людей даже самых солидных, высоконравственных совершать мелкие прегрешения, которые суть хоть небольшие, но все же — нарушения закона; с другой стороны — все это стало еще более законом: законом житейской практики.

Будучи еще ходячим, Николай Данилович постоянно изумлялся: сколько же их много сейчас стало, сержантов-то? А все ведь молоденькие, такие аккуратные в щеголеватой своей форме, с усиками (есть, конечно, здоровенные, в косую сажень, на которых и шинель-то самого большого размера еле сходится, у сапог приходится сверху голенища надрезать, с усами, по преимуществу белесо-щетинистыми, но такие больше в вытрезвиловках, в КПЗ при райотделах, либо в ГАИ...). Эти же — с усиками черными, в стрелочку, аккуратно подбритыми. Такое впечатление, что проходят годы, десятилетия, а они ни на год не стареют? Ведь не могут же они все, прослужив год-другой в сержантах,

сразу всем скопом перейти в офицеры (те сидят в управлениях, районах, спецкомендатурах для «химиков»; на глаза так часто не попадаются, потому вроде как поменьше их число кажется): ведь не может так быть, чтобы число офицеров в несколько раз превышало число сержантов и рядовых? Это ведь только в армиях некоторых латиноамериканских стран нет рядовых, а только унтер-офицеры и полковники — для престижности, иначе служить никто не идет?! А по расчетам и рассуждениям получается как раз так. А может, их просто почти всех увольняют через годдругой и набирают новых? Это было еще одной загадкой.

И почему они всегда в форме? Ведь не продолжается же у них служба всю жизнь — круглосуточно? Читал как-то Николай Данилович в газете... да нет, в газете поостерегутся такое написать, скорее, в переводном детективе, что где-то там, в Америке или во Франции, не помнил он где, полицейского штрафуют, если он во внеслужебное время появится в мундире. А у нас за грибами в воскресенье в форме норовят, хотят, видно, служебную власть продлить и на ягоды-грибы. Спят-то хоть они не в сапогах и шинелях? Да вряд ли, жены не позволят, а они у них, как правило, продавщицы — бабы на расправу скорые, по властолюбию мужьям далеко не уступающие, потому как сами — реальная власть!

Так все-таки почему их так много? Странная параллель: чем меньше преступность, тем больше сержантов? Из газет он между строк почитывал, что-де потому преступность исчезает, что органы правопорядка все сильнее, эффективнее становятся. На первый взгляд, так-то оно так, но, умудренный жизненным опытом, Николай Данилович подспудно понимал, что ворья откровенного, карманного, квартирного, хулиганья и бандитизма становится все меньше, скорее, по другой причине: как-никак, но жизнь посытнее наладилась, из-за куска хлеба уже в карман чужой никто не полезет, культурки прибавляется у народа — значит, хулиган уже не король улицы... Опять же вот в газетах

Погляди: поёт и пляшет Вся Советская страна... Нет тебя светлей и краше, Наша красная весна!

все больше сейчас пишут о демократизации общества, значит, людям чаще теперь права свои отстоять можно в стычке с чинушей, соседом-хамом, зарвавшимся начальником, то есть озлобление уменьшается, а ведь злоба-то — прямой путь к преступлению! Правда, за последние пятнадцать — двадцать лет иного плана ворья развелось сверх всякой меры, да какого ворья: крупномасштабного, при должности! Но таких ведь, во-первых, до недавнего времени не хватали за руки, во-вторых, этот ранг не сержанты ловят... Так зачем их столько?

На жизненном контрасте вспоминал Николай Данилович свое послевоенное отрочество на тихой городской окраине. Семья их жила в своем домике в районе как бы полугородском-полудеревенском. И хотя времена по части этого самого ворья да жулья были известно какие, но знали в их большом предместье только двух милиционеров, обоих пожилых, за сорок, бывших фронтовиков, тоже с усами, но не в дудочку чернявыми, не щетинисто-белесыми, а с рыжими, пушистыми, с подпалинами, не всегда вовремя подстриженными. Старшина Гаврилкин был постовым (тогда не помышляли о разъездных лихих бригадах на ПМГ) и, не выдвигая себя на первый план, хотя выглядел осанисто в своей суконной темно-зеленой форме тех лет, а как-то сбоку, днем и ночью присутствовал, казалось, на всех перекрестках их запутанного, старой планировки и новейших перестроек поселка. Умел урезонить шпану, усовестить зарвавшихся самогонщиков, хотя не прочь был по своим выходным, по праздникам (тоже полностью от формы не отказывался более надеть было поприличнее нечего, но китель с погонами снимал!) выпить на дворе своего коммунального дома с соседскими мужиками, похлопать в домино. Все, что было в его силах, — выполнял по службе, шпана его уважительно побаивалась, хотя в кумовья и не мечтала к нему лезть.

Вторым был участковый лейтенант Алексей Павлович. Фамилии его Николай Данилович не то чтобы не помнил, но вообще не знал. Занимался тот больше де-

лами бумажными, но его трофейный БМВ пылил по немощеным дорогам поселка целыми днями. Был он высшей властью, но властью разумной, все более урезонивающей, советующей. Тогда баб держали в строгости насчет жалоб: жалуется, значит, сама мужика допилила!— но излишнего мордобоя семейного не допускал. На каждой улице были мужики, крестники участкового, которых в свое время он определял на воспитательную отсидку, но все делал по совести.

Далее Николай Данилович уже начинал мыслить диалектическими категориями: власть, особенно конкретная; касающаяся тебя лично, ежедневно, всегда будет чем-то нехороша, всегда хоть на мизинец, но расходятся человек и власть (а иначе она была бы не нужна?). Этакое необходимое противоречие для всякого общества. А пожалуй, что последней, исполнительной ступенью власти является и будет являться милиция. А ведь дальше-то, по мере совершенствования общества, требования к ней должны все более и более возрастать, ибо уже малейшая промашка с ее стороны, не говоря уже о злоупотреблении служебном, будет все болезненнее сказываться на сложном механизме совершенного общества. Как быть? — Контроль? Но всякий контроль, как ни странно, первым делом подрывает авторитет власти. Кстати, выражение «почувствовать власть» как раз означает: оказаться вне всякого контроля?!

Ждать ли самосовершенствования человека, в том числе и тех, кто овеществляет исполнительную власть?.. В итоге запутанных, но не лишенных логики рассуждений Николай Данилович пришел к двум путям решения проблемы: вместо живых милиционеров использовать актуальных ныне роботов, либо... записать в милицию все совершеннолетнее население.

Была еще сельская сфера, более всего знакомая Николаю Даниловичу по сельхозработам, но там все были как-то на одно лицо и одеты одинаково: надо всеми и всем довлело отсутствие дорог, некая всеобщая расхлябанность. Конечно, это не соответствовало действительности, но таково было убеждение всех горожан,

не только Николая Даниловича. Ведь их посылали на сельхозработы в отстающие либо в середняцкие хозяйства, где порядка было мало. В передовых же, показательных колхозах и совхозах, где был порядок, дополнительная рабсила не требовалась, потому никто из посторонних видеть изнутри их не мог.

Такое вот представление было у Николая Даниловича об окружающем его мире, в целом который ему нравился и устраивал, который он ни за какие коврижки с маком (не потому, что был он — боже упаси!— наркоман, просто нравился мак) не променял бы на другой, где порядка больше.

Он даже не хотел в Москву чудом на постоянное жительство перенестись — мечта всех канцелярских женщин да и вообще всех женщин и большинства подвижных мужчин. Москва была иным миром, немного пугающим Николая Даниловича. Он от души был согласен с известным автором новомодного романа, принесенного в числе прочих сыном по его заказу. Автор же описывал Москву как сборище беспрестанно курящих женщин — от мала до велика, которые к тому же — паскудницы!— обходились без мужиков и жили попарно друг с другом, да вообще, там происходили невероятные, малопривлекательные дела. Николай Данилович живо вспомнил свою встречу с женщинойсобакой в туалете Курского вокзала и полностью одобрил выводы автора.

При всем своем канцелярском воспитании Николай Данилович оставался человеком прямодушным, бесхитростным, полагал, что прямой путь, например, от указания Начальника до исполнения этого указания, единственно верен. Но порой происходящие события заставляли его в этом разуверяться; М. задумывался: может, это я в простоте своей заблуждаюсь? Может, обратный путь или путь с нарочито запутанными ходами таит в себе высшую мудрость, а потому приносит и высшую награду? А главное — высшую пользу обществу, учреждению, канцелярии?

Питая особое почтение и уважение к науке, он с интересом следил по газетам, радио, телевидению за ее все ускоряющимися успехами. Интерес этот обострился лет двадцать тому назад, когда замелькало, зазвенело слово НТР. Заговорили все вдруг о связи науки и производства; всем доселе непосвященным стало ясно и понятно, что та таинственная наука, гнездившаяся где-то в своих, отведенных ей местах, и производство, дымившее своими трубами рядом с твоим домом, суть неразрывные части одного дела. Правда, было несколько неясно: почему до сих пор так никто не думал? И как случилось, что все одновременно прозрели? (Уже недавно, в свете новых перемен, стали по телевизору показывать интервью-беседы с различными знаменитостями. Беседовали о перестройке, вспоминали старое... Так вот, Николай Данилович понял, что не одного его мучает этот вопрос: как-то в одной из таких бесед с известным ранее спортсменом, гордостью страны и спорта, тот даже признался, что более всего ему не нравятся «минуты всеобщего прозрения»...)

Был выдвинут популярный лозунг: «Приблизить науку к производству!». Лозунг правильный, актуальный. Народ аплодировал. И даже поняли лозунг большинство людей правильно: не к станку или к трактору приблизить дипломированных специалистов, не в колхоз на уборочную огулом отправлять целиком НИИ и КБ, а заставить этих специалистов (точнее — организовать и дать возможность) мыслить так, чтобы станок отличался от импортных не только лишь металлоемкостью, чтобы трактор работал исправно и бесшумно, как «Комацу», чтобы, наконец, не надо было и посылать кого-либо из города на уборочную...

Но, как водится, черт не дремлет: в дело это хорошее вмешалась все та же многоликая канцелярия с ее вечным характером и извечными устремлениями: пересидеть, пережить, по возможности урвать, а главное — как можно громче аплодировать. Вот тут-то, по наблюдениям Николая Даниловича, ловкие люди сыграли шутку, обратив правильный лозунг в зеркально

противоположный: «От имени производства приблизить себя к науке». Причем под производством понимались все сферы деяний. Вот что из этого вышло.

До наступления эпохи НТР связь между наукой и производством, конечно же, существовала; более того, была она точно такой же, как и сейчас, развивалась по тем же естественным законам. Но до объявления лозунга связь грешила односторонностью: люди науки, получив разнарядку от Госплана или Академии наук, выполняли свои изыскания, посредством отраслевых НИИ делали опытную проверку, отвозили затем готовые чертежи, инструкции и методики на производство. Так обстояло не только в технике, но и в образовании, медицине, культуре, милиции опять же.

Во всех сферах производства эти документы принимали и исполняли. Видели же они, производственники, людей науки только в своих кабинетах, цехах, райотделах, понимали, что люди это серьезные, занятые, глубоко знающие свое дело. Внутренняя жизнь, быт ученой братии «на местах» были неведомы: знали, что прибыл командированный, фамилия такая-то, представляет ту-то организацию. И все.

После объявления лозунга от производственных сфер потребовали активного участия в разработках, вникания уже не только в суть составленных документов, но и побуждающего воздействия на их составление. Именно тогда появились на стенах заводских корпусов, на башнях-зданиях НИИ и КБ огромные панно, изображающие человека в белом халате, в галстуке и очках, долженствующего изображать ученого, держащего в руках школьную логарифмическую линейку, задумчиво смотрящего вдаль, и здоровенного, румяного парнишу в плакатном комбинезоне, каких на самом деле в природе не существует, который, с явным неудовольствием посматривая на белохалатника, небрежно протягивал ему шестеренку, видать, бракованную. Венчалось панно дезизом: «Рабочей инициативе — инженерный расчет!». Панно намекало на то, как должны в идеале идти дела: токарь Василий или фре-

_---

зеровщик Матвей (Матвея на плакатах рисовали возрастом постарше, с седыми пролетарскими усами) выдумляли нечто сногсшибательно новое, зачастую опровергающее столетиями сложившееся, отработанное, а так как за работой им недосуг было освежить в памяти некоторые формулы из теоретической механики или теории резания на высоких скоростях, то они перепоручали расчетную часть доцентам и старшим научным сотрудникам. На худой конец, годились ведущие инженера и старшие технологи.

Отвлекаясь от панно, мысль была верная: исполнителю многое видится иначе, конкретнее, особенно в части отсутствия необходимой технологии, дефицитности заложенных разработчиками, слабо знающими жизнь, материалов и т.п. Следствием стали обратные поездки: от производства в науку. А всякого человека, попавшего в иную, непривычную для него среду, поражает прежде всего внешний антураж. Здесь было от чего разбежаться глазам у скромных периферийных производственников: солидные кабинеты, мягкая мебель приемных, всюду телефоны, лифты, вышколенные, чертовски соблазнительные — пальчики оближешь!— секретарши... Как это не гармонировало с аскетическим убранством административных помещений заводов и фабрик, переоборудованных из жилых пятиэтажек больниц, поликлиник, дощатых коридоров райотделов, поделенных на клетушки приемных, наконец.

А люди? Лощеные, воспитанные, предельно вежливые, краснеющие при слове «черт»... Но более всего завораживала приезжих сложная система титулов, званий, отличий. Русский человек любит покрасоваться на миру (хотя и заслуженно); еще он любит — широкая этакая, независтливая душа — мудреные иноземные слова, а тут на них посыпалось: лауреат, диссертация, апробация с публикацией, доктор наук технических да доктор геолого-минералогический, симпозиум, коллоквиум, член-корреспондент и просто член Академии. Да у всех визитные карточки с золотым обрезом?!

Иной бедолага сам семи пядей во лбу, весь завод на себе четверть века тащит да такие станки делает, что аж до Лондона доходят, а тут, сробев, бегает в поту по коридору с ковром едва не персидским постеленным, озирается на дверные таблички, где одних титулов и званий побольше, чем у него опытных координатчиков по всем цехам наберется. У себя дома, на заводе, после техсовещаний рассказывает, поседелые замы и главные специалисты только головами крутят: наука!

Но это старая гвардия, которая все своими руками да природным умом, как Кулибины, постигла и сотворила свою беспокойную, ответственную жизнь. Многие из них и образования официального не имели, диплома то есть по всей форме. Так, когда уже в должности высокие вышли, когда на сломе эпох сняли и в шкафы дома повесили для памяти свои френчи, галифе полувоенные, папахи «под генеральские», да спрятали в кладовках бурки зимние и сапоги летние «хромачи», надели бостоновые костюмы в полоску, галстуки, добротные скороходовские ботинки, — только тогда, нехотя повинуясь духу времени и указаниям свыше, закончили годичные-двухгодичные курсы при совнархозах или в столице, дающие права и т.д. Дипломы не дипломы, а документы об официальном командном образовании. Ну и знаками отличия страна не обошла: трудовые, нередко — боевые за работу ордена, медали, а кое-кто лауреатские звания имел. Правда, не выставлялись напоказ, визитных карточек не заводили.

Другое дело — молодые. Едет иной молодой Главный в столичное научное заведение, беседует с такими же по возрасту учеными, про себя подмечает: внешне схожи, одежу себе Главный, насмотревшись, справил не хуже столичной, знает по общей культуре и по делу вряд ли меньше, ан у него только и есть, что диплом институтский да первая трудовая медаль, а у собеседников уже лауреатство, степень большая, учебник, по которому в том же областном институте брат меньшой к экзаменам готовится... А я чем хуже? Задумается.

А потом, как только наука с производством окончательно сцепились, как тарантулы, в одну банку посаженные, молодые инженеры с производства беспрерывно в науку стали ездить. Тут совсем двусмысленность получилась: наш-то приезжает, год-другой как диплом получил, у него мечтания всякие, устремления, он сам не знает — какие, по молодости явление обычное, а тут перед ним вереницей одногодки ходят: тоже без малого год работают, уже все в аспирантурах суетятся. Только начнешь с таким по делу разговаривать, как он смотрит на часы, вскакивает, — ой, вы уж извините, с вами К. договорит по этому вопросу, он в курсе, а мне через два часа в Тбилиси на всесоюзную конференцию с Пал Палычем (профессор его) вылетать, только времени и остается домой заскочить, галстук переобуть да в Домодедово на такси добраться!

Как оплеванный едет домой молодой специалист в набитой пассажирами плацкарте.

Эпоха НТР основательно развивалась, расширялась, подстегивала к себе все новые и новые сферы человеческой деятельности; молодые начальники и молодые же специалисты все больше задумывались: как им конкретно овеществить науку в этих самых сферах? Постепенно выкристаллизовывалось единое мнение: путь в науку лежал через диссертации с последующим остепенением. И вот сначала робко, потом все увереннее и увереннее зазвучали в периферийных НИИ и КБ, в кабинетах заводских и фабричных, в простых районных поликлиниках, затем в городских отделах и райотделах милиции неведомые доселе слова: аспирантура, соискательство, диссертация. Начинание подхватила ушлая пресса, запестрели заголовки: «Заводской ученый», «На ферму пришел ученый», «Защита диссертации перед рабочим коллективом», «Прием больных-заводчан ведет кандидат наук», «Вырастим свои кадры ученых!». И пошло, и поехало. Диссертомания захватила все сферы. На заводе, допустим, появился новый главный технолог; представляя его руководству, директор тепло отозвался о нем, как о блестящем молодом ученом — кандидате технических наук. В НИИ и КБ последние штамповались десятками за сезон; мерилом престижности этих организаций стало, кто директор или начальник: «простой кандидат» или полный доктор? На этом не останавливались, директора-доктора оформляли себе для пущей важности профессорство в местных институтах.

Постепенно, без шума остепенялись зав. отделениями и простые врачи в больницах, поликлиниках. Не сидели сложа руки, помня завет имеющего непосредственное к ним отношение Мичурина, в сельхозсфере: стало престижным иметь степени руководителям передовых в области или в районе хозяйств. В областных и даже городских управлениях внутренних дел появились первые майоры и подполковники — кандидаты юридических наук.

Настоящим поветрием диссертомания стала, как это ни странно, в средних школах: редко какая молоденькая учительница, только кончившая свой первый школьный год, еще изящно-грациозная, модная, незамужняя, прогуливаясь теплым сентябрьским вечером со своим приятелем, вместо обычных стихов и другого сопутствующего любовно-словесного антуража загадывала о возможности прикрепления по линии облоно к аспирантуре солидного научно-педагогического заведения. В военных училищах число адъюнктов почти сравнялось с числом курсантов. Вершиной поветрия стали «защиты рабочих диссертаций» прямо у станка. В последнем случае, правда, зашита и сама диссертация были условными, что-то вроде сдачи экзамена на более высокий разряд, но зато как в газетном заголовке красиво выглядело?!

Само по себе наличие людей со степенями в совсем неподходящих к этому местах, как полагал по простоте душевной Николай Данилович, ничего плохого не несло с собой. Ну, подумаешь, хобби такое у человека, нравится ему сознавать себя не хуже столичного ученого, ну и пусть! Всякие чудаки бывают. Вон у Петрова сосед. Работал начальником техбюро на котельновентиляторном заводе, а сам лет пятнадцать по вече-

рам все сочинял диссертацию по теории нелинейных колебаний в полупроводниковой плазме, весьма далекой от его основной работы. И добился, защитился, даже в Престижном столичном вузе... И удовлетворился вполне — стал зам. директора по административнохозяйственной части. Но он-то уникум, ибо за 15 лет ни одной рабочей минуты не потратил на свои, как он называл, диссертационные дела. Но ведь в массе что есть диссертация? Это прямое выключение человека из основной работы на срок от пяти до десяти лет! До этого Николай Данилович не додумывался.

А ведь есть и другая, не менее печальная сторона: всегда ли лучше доится корова у остепененного председателя колхоза? Насколько лучше справляется со своими обязанностями заводской диссертант-завхоз, не больше ли растраты у титулованной директорши центрального в городе универмага? А как в смысле профанации самой науки объяснить появление в НИИ и КБ должностей, весьма многочисленных, само занятие которых автоматически предполагает получение «ученой» степени?

С изумлением стал в любимой своей «Литературке» прочитывать Николай Данилович подписи под статьями: писатель такой-то, канд. филолог. наук. И писатели туда же? Писатели, доселе гордившиеся тем, что у них образования или вообще официального нет, или оно чуть ниже среднего, а в аннотациях к своим книгам перечислявшие столько сугубо рабочих профессий, что наводили на нехорошие мысли кадровиков, любящих на досуге полистать романы; рядовой читатель невольно переводил их число на количество вкладышей с записями «принят-уволен» в трудовых книжках. Иное дело, конечно, если писатель был кандидатом или доктором каких-нибудь технических, геологоминералогических наук и совмещал основную работу с писательской либо в зрелом уже возрасте решил поменять профессию — перешел в писатели... Это Николай Данилович приветствовал, но филологические-то степени появлялись у писателей, живших своим ремеслом сызмальства?

Словом, вопросов у Николая Даниловича возникало множество. Таких вот дел наделало поветрие, распространившее ранее лишь для академического мира изобретенное ими же для себя титулование на все сферы человеческих занятий. А академики, в свое время изобретая титлы, имели в виду лишь обозначение степеней своего научного роста, да и то условное...

Думал ли бедный столоначальник, что их учреждение подпадет под порывы такого вот ветра? Вряд ли даже Петрову, которому всегда снились чудные, странно запутанные сны со смыслом, являлось нечто подобное.

Свершилось. То ли Ивана Григорьевича доконало последнее газетное изобретение о «защите рабочей диссертации» на ватной фабрике чесальщиком Костроминым, кстати, бывшем «любителе Бахуса», как о том игриво сообщал спецкор, но вовремя взявшем себя в руки. Кстати, в канцелярии, где местная газета прочитывалась в первой половине дня всеми сотрудниками, по поводу той заметки случился меж женщинами легкий шумок; ходивший выяснять, в чем дело, Кефалин разъяснил коллегам, что этот Костромин знаком Нине Тимофеевне, ранее жившей в одной коммуналке с семейством знатного чесальщика.

— Мужик как мужик, пил в меру, дрался тоже. Чего еще? А-а... «водка белая» всегда говорил, а не просто «волка»!

...А скорее всего, опять дочь на директора подействовала; она у него, видно, авторитетом большим пользовалась, тем более что муж ее недавно приобретенный, зять директорский — не Эдька Тихоблагов, тот на старшей был женат,— собрался в аспирантуру заочную поступать.

Но, может, сам дошел своим умом Иван Григорьевич-то? Даже не вторым, а первым, основным домом стало для него родное учреждение. Только его заслуга, что ранее никому не известная контора, что по значимости своей ставилась горожанами где-то между пунктом приема вторсырья и отделом инвентаризации

горисполкома, стала фигурировать в жизни города чуть ли не наравне с самим горкомхозом!

«Как еще более поднять престиж вверенного мне учреждения? Что бы этакое завернуть горкомхозу на удивление и зависть?— снедало директорскую мысль.— А как бы от веяний каких новых не отстать, не пропустить?» — тревожило его даже ночами.

Какими бы путями, неведомыми, непонятными для среднего ума, Иван Григорьевич ни пришел к своему решению, но новый курс был принят, детально распланирован, объявлен на внеочередном большом совещании высшего и среднего руководящего звена. К вящей славе учреждения.

Быть может, он приурочил бы новый курс к началу нового же финансового года, но два события в городской жизни насторожили его, заставили поторопиться: прошел слух, что в горкомхозе один молодой экономист поступил в аспирантуру по кредитованию в Плехановский институт, а в местной газете появилась большая статья про архивариуса Анциферова из горфинотдела, который наконец-то закончил свое исследование по истории финансовых учреждений города. В похвальной по духу статье намекалось, что «скромный наш автор исследования собирается передать труд в солидное издательство и защитить диссертацию в ученом совете местного пединститута».

— Ох, опередят!— заволновался Иван Григорьевич и принял волевое решение.

...Совещание длилось до обеда; ввиду многих неясностей для собравшихся — Иван Григорьевич для начала и введения в курс дела налегал на перспективы прогресса — продолжилось на следующий день. Итогом совещания был официальный, несколько неясный приказ директора подготовить к середине следующего месяца план мероприятий каждого подразделения по повышению наукоемкости текущих и перспективных работ. Планы должны были представлять начальники канцелярий с перспективой на десять следующих лет,

с конкретной разбивкой по группам. Конкретно директор неофициально и в устной форме рекомендовал в каждой канцелярии подыскать подходящую кандидатуру диссертанта.

Не успели еще начальники канцелярий в тиши своих кабинетов обдумать головоломную задачу, как от Эдьки Тихоблагова стало доподлинно известно, что сам Иван Григорьевич поручил начальнику первой канцелярии систематизировать и обобщить материалы работы учреждения по финансированию дорожноремонтных работ, а зав. архивом Семенкиной — поднять соответствующие подшивки контрольных ведомостей за последние двадцать лет. Кроме того, бойкий на перо Вадим Горюшкин был на год-полтора изъят из канцелярии Несмеянова; ему поручили руководство по подготовке обобщающего документа (так завуалированно Иван Григорьевич рекомендовал называть предпринятое исследование). Вадиму выделили отдельную комнатушку-закуток рядом с приемной Самого, куда сносились нужные бумаги из архива и первой канцелярии. В помощь Вадиму была придана молодой специалист Момагулова из бывшей четвертой канцелярии, которая, по слухам, к тому же собиралась замуж за Вадима, а тот начал беспрерывно ездить в столицу в непонятные командировки; Ниночке Иван Григорьевич строго запретил что-либо говорить по этому поводу «женщинам и вообще кому-либо». Впрочем, кто-то, будучи с докладом у Самого, заприметил на столе вовремя не спрятанную программку для сдачи кандидатского минимума по философии...

Пока начальники продолжали обдумывать возможные кандидатуры, опережая их неповоротливые мысли, по канцеляриям загуляла молва, залихорадило служащих от самых невероятных предположений и ожиданий. Каждый задумался, примеряя к себе последствия столь неожиданного, небывалого распоряжения директора. Слово «диссертация» замелькало в разговорах женщин, стало столь же обыденным, как слова «аванс», «бутерброд», «что дают в буфете?». Как-то по-особому задумались Петров с Кефалиным.

Дошло до того, что раз возвращался воскресным вечером Сергей Александрович домой с вокзала (ездил в деревню к родителям), шел пешком, не торопился, прикидывал: как накопить на вожделенные «Жигули», не выходя из рамок своего трагически низкого жалованья; потом вспомнились суматошные разговоры баб. Подумал: «А хорошо бы самому попробовать чтонибудь этакое сочинить?» И пошло, и понесло его в мечтах; перед самым домом размышлял уже о возможности получения Нобелевской премии по экономике и последствиях такого события... как вдруг с поворота налетел на задумчивого же Кефалина:

- О, черт! Это ты? Чего напролом идешь, медведь?!
 - Так... думаю.
 - О чем?— подозрительно спросил Кефалин.
- Обо всем,— отрезал наворочавшийся за два дня с картошкой Петров,— ты зачем здесь?

Далее выяснилось, что Ефим заходил как раз к нему; поскольку тот в деревню уехал еще в пятницу с полдня, а после обеда пришла разнорядка в понедельник их канцелярии быть-стать на овощной базе, то Начальник и попросил Кефалина известить коллегу.

— С картошки на картошку без пересадки,— проворчал Петров. На том они расстались, но Петров долго смотрел на темную, задумчиво удаляющуюся фигуру Кефалина. Видно, тот думал о сходном.

Наконец, ближе к Октябрьским праздникам — дольше откладывать было нельзя, Сам торопил — Семен Игнатьевич собрал столоначальников за портьерой Николая Даниловича. Вопрос был поставлен ребром: кто? Начали отбирать по принципу исключения: отпало заметное большинство не имевших диплома. Из женщин остались только Татьяна Викторовна, Валентина Тихоновна и Крещетникова. Еще заочно училась на четвертом курсе Стеллина подруга Вера; под ее влиянием в этом году поступила сама Стелла. Последние две кандидатуры, разумеется, не обсуждались. Валентина же Тихоновна была многодетной, а Татьяне Викторовне и молодой Крещетниковой еще раньше

были сделаны приватные предложения самим Семеном Игнатьевичем, но первая так снисходительно и ласково посмотрела на него, что тот долго извинялся за столь бестактное — «только по долгу службы, Танечка!» — самомнение. Крещетникова было загорелась, но ей под угрозой загулять, запить и вообще развестись запретил муж, по профессии слесарьавтомеханик

Оставались четверо мужчин, из которых Николай Данилович имел самый сомнительный диплом об окончании вечерних курсов при кафедре экономики и организации производства местного политехнического института. Желающим был Петров, но по вновь разбухшему, бесконечно скандальному делу с тещей его кандидатура была еще ранее снята самим Иваном Григорьевичем.

— Допустим, Семен Игнатьевич, мужик он грамотный, толковый, но характеру приятный, опять же образование у него серьезное, к математике склонен, а сейчас ведь линия как раз на математизацию науки!— рассуждал директор. По всем статьям надо бы именно его в науку двигать, но ведь теша эта... разэтакая, опять в наступление пошла?! Допустим, отрядим мы его, но она же на последнем этапе все провалит? Главное, что доцент бывшая, все адреса знает, куда кляузу послать. Пару-тройку жалоб в инстанции, подтвержденных этими, ну... лжесвидетельницами-то ее, старухами, да заявление в ВАК²⁷ от имени ЖКО, общественности дома, и — пропал труд Сергея Александровича и репутация учреждения вместе с ним.

Тогда столоначальники от своего имени предложили Семену Игнатьевичу, как старшему, наиболее опытному в их подразделении, «систематизировать результаты работ канцелярии по финансированию и кредитованию работ гортопа по заготовке внеплановых топливных материалов и обобщить их своим большим «аналитическим умом», причем заверили, что

²⁷ Высшая аттестационная комиссия

их помощь на любых этапах работы, несомненно, гарантирована. Начальник же, несколько поколебавшись, поблагодарил за лестные отзывы; да, некоторый опыт у него, конечно, имеется, но...

— Честно признаюсь, ребята, не потяну. Кой-как, тяп-ляп, не хочется, а солидно подойти, увы! Слишком много текущей работы на мне висит. Канцелярия-то какая огромная? А что еще впереди ждет?— Тут Семен Игнатьевич понизил голос.— По секрету вам скажу: есть мнение руководства сделать наш отдел ведущим, передав ему отдельные полномочия первой канцелярии в части кредитования, актирования и оприходования по ведомству заготовки вторсырья, соответственно усилив нас людьми из других подразделений. Так что, как говорится, спасибо за честь, но... пара рук, пара ног — всех дел не переделаешь!

При этих словах Кефалин и Николай Данилович посмотрели друг на друга, причем если в глазах последнего был тревожный вопрос: «Так как быть, неужто не выкручусь?»— то в глазах же Ефима Марковича чувствовалось непоколебимое спокойствие, некая ирония в адрес слов Начальника. Ему было доподлинно известно, что Сам недавно высказался в узком, неначальственном кругу своих любимцев из первой канцелярии, причем высказался так, чтобы стало понятно: это высказывание тотчас следует донести до ушей всех заинтересованных. Смысл же слов Самого состоял в том, что пусть хоть Бутурлина становится доктором наук, но чтобы ни один их тех, кто стоит по служебной лестнице прямо под ним, и во сне не помышлял о степени, прежде чем таковая появится у него самого!

— Ну вот, Николай Данилович и Ефим Маркович! Сами видите: больше некому. Я так полагаю, что наш младший коллега, имеющий отменное экономическое образование, зарекомендовавший...— При самом начале фразы Кефалин, ничуть не изменяя своего непоколебимого спокойствия, встал со стула, полез в карман пиджака и мягко, но почтительно положил на край стола Николая Даниловича, прямо перед глазами Начальника четвертушку сиреневого бланка, похожего на

квитанцию, что выдают в приемных пунктах вторсырья «Стимул».

- Это что у вас?
- Справка о наличии геморроя. Замучал проклятый; вчера заявление в профком на путевку в санаторий отнес.
- Ну и... собственно, я поддержу ходатайством, болезнь лечить в самом начале следует, а...
- Врачи, Семен Игнатьевич, вообще поначалу потребовали переменить работу на менее сидячую. Еле отговорился. Сейчас вот все больше стою у стола, так и работаю.
- Да-да, я заметил, Ефим Маркович, думаю: что это он так стоит-стоит, посидит-посидит, снова стоя работает?
- А вне работы вообще не сажусь, ужинаю стоя. Лежать только можно. В личной жизни неприятности всякие... В группу оздоровительного бега при ЦПКиО записался, на процедуры в поликлинику каждый вторник и пятницу хожу. Так что хотелось бы, а диссертанта из меня в ближайшие годы не получится. Остатки бы здоровья сберечь!

Несмотря на трагизм минуты, Николай Данилович не смог скрыть восхищения, даже подмигнул краешком века Петрову. Тот же от восторга языком прищелкнул: ай да Ефим!

- Дело, конечно, серьезное. Уж не знаю, как быть. На этом пока разойдемся, а к вам, Николай Данилович, если позволите, я после работы загляну на полчасика. Вы не против?
- Γ х-мм-м, конечно, конечно, Семен Игнатьевич. (Ой, попал?!)

Вместо обещанного получаса заговорились они дотемна. Потолочный вентилятор уже который час накручивал одну на другую спирали дыма: серого от «Беломора» Николая Даниловича и бледно-синеватого от «Явы» Начальника. Разговор вылился в домашний, простецкий, с демократическим пивком. Николай Данилович ненавязчиво был подведен к мысли, что за-

ниматься наукой — это его призвание, а целеустремленная деятельность совсем изменит образ жизни, излечит от недуга, что кандидатская доплата, последующее неотвратимое повышение в должности, а также увеличенная от этих событий пенсия обеспечат ему уют и независимость, украсят, упростят «наш нелегкий быт». В пылу убеждений Начальник пошел даже на недозволенный прием, намекнув вполне определенно, что есть мнение самого Ивана Григорьевича в связи с намечающимся уходом на пенсию первого зама Лакрищева «сватать» на эту высокую должность — тут Семен Игнатьевич игриво скосил глаза — одного из начальников канцелярий. Словом, понимаешь, Николай Данилович, когда в канцелярии есть человек со степенью, то вакансию обсуждать не придется...

Окончательный ответ, впрочем, уже висевший в воздухе, расслабившийся Николай Данилович обещал дать через пару-тройку дней.

— Заодно хорошо было бы продумать в общих чертах содержание исследования, связав его с к о н крет н о й работой нашего отдела... что-нибудь в плане экономического прогнозирования. Иван Григорьевич рекомендовал это направление как в е д уще е для учреждения.

К вечеру второго дня размышлений Николай Данилович жаловался коллегам:

- Вот навязали докуку? Хуже некуда, когда не своим делом занимаешься, не знаешь, с какого боку подойти. Тема... Ну, какое экономическое прогнозирование в нашей-то канцелярии? Пожалуй, что только прогнозы по части потребления бланков ведомостей, тут, точно, все возрастает и законы возрастания сложные...
- А по-моему, так никаких законов здесь нет,— заметил Петров, сколько горкомхоз бумаги выделит на квартал, столько испишем.

В поисках неуловимой темы все трое озадаченно обводили пустую канцелярию озабоченными взглядами, столоначальникам было стыдно, что всю тяжесть

невиданной работы они трусливо переложили на плечи их несчастного собрата: ничто на тему не намекало.

— Послушай, Данилыч,— поинтересовался Кефалин, взгляд которого остановился на каком-то никелированном колесике удочки,— ты рыбку-то как ловишь: по плану или когда кота побаловать хочешь?

Петров, который было отключился от темы, замечтавшись о кремовых «Жигулях», также с интересом посмотрел на удочку. И кот, услышав, что речь идет о нем, выбрался из-под хозяйского кресла, потянулся, зевнул, разбойничьи посмотрел на аквариум.

- Вообще-то, по настроению, но кот привык, требует каждый вечер...
- А не убыточно это: из «Зоомагазина» или с рынка тебе Серега приносит, ты их в аквариум, через пару дней, а то и через полдня коту в пасть? Этак скоро кормить его на золотом блюдце будет нужно...
- Хе-хе, упрощаешь, Ефим Маркович! Ведь впускаю в аквариум мальков, а вылавливаю подросших. Да они еще размножаются, да на крючок не всегда пойдет иная бестия! Тут бухгалтерия сложная; вот я записи веду с отметками: сколько запущено мальков какой породы, сколько выловлено, примерно подсчитываю число вновь появляющихся мальков. И сводки по декадам, кварталам. Так-то! Аквариум только кажется детской забавой, а ухода и наблюдения требует постоянного. Видите, сколько книжек по аквариумному делу написано? Полполки мне Серега достал, а это только капля в море!

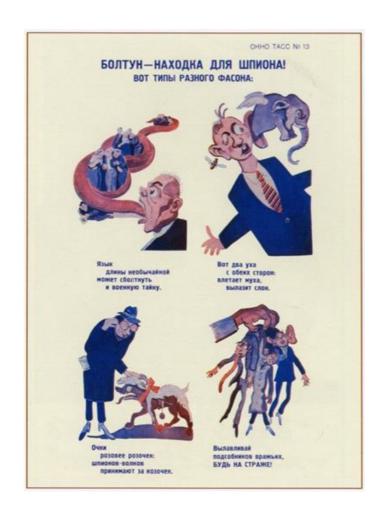
Кефалин, что-то решавший в уме, начал вдруг частить, задавая Николаю Даниловичу различные вопросы по аквариумному делу; в конце спросил об общей численности рыбок в настоящий момент.

— Да кто же ее знает? Это в обычном любительском «шарике» можно на глазок посчитать, а здесь их несколько сотен! Я, правда, пробовал не раз, не получается. Тут надо каждую рыбку помнить при счете они же постоянно перемещаются... тут ЭВМ нужна хе-хе!

- Сергей Александрович! А как там ваша математическая наука насчет прогнозирования числа рыбок в том же аквариуме, а? Слаба или как?
- Отчего ж слаба... Если число входящих-исходящих в раскидке по времени поступления и изъятия регистрируется, вот как у Данилыча в тетрадке, да возрасты вылавливаемых рыб примерно известны, да их средняя продолжительность жизни и плодовитость то можно статистически обработать данные по кварталам, годам наблюдения, вывести общую численность А чего это тебе, Ефим, загорелось? Хочешь себе аквариум завести или Данилычу рыбоводство в перспективный план канцелярии внести, ха-ха!
- Нет. Я нашел тему для диссертации в полном соответствии с указаниями свыше.
- Ладно... поговорили, пошутковали, пора, Ефим, домой, да к Данилычу сейчас медицина придет.
- Ну отчего же,— заволновался Николай Данилович,— ведь сколько книг по аквариумам написано?! Не будут же их зря издавать, бумагу дефицитную тратить. Значит дело это нужное...
- Вот что, Николай Данилович,— серьезно резюмировал беседу вставший со стула Кефалин,— я завтра с Семеном Игнатьевичем поговорю с утра, потом позвоним на биофак в пединститут, я там одного доцента немного знаю, поинтересуемся: допускаются ли диссертации по аквариумным рыбам и как они сами отнесутся; ведь соискателем по такой теме только к их аспирантуре нужно прикрепляться...

Коллеги ушли; после медосмотра Николай Данилович снял с полки несколько книг по аквариумам до полуночи перелистывал их, читал нужные разделы.

Не без труда, не без насмешек и откровенных издевательств (известно, что нет пророка в отечестве своем, как любил говаривать покойный Валентинов), но тему диссертации «Экономико-статистическое прогнозирование численности аквариумных популяций декоративных рыб по текущим показателям их санитарногигиенической и естественной убыли» утвердили на

очередном совещании руководства учреждения. Путем долгих рассуждений отлов рыбок для скармливания коту, как не гармонирующий со статусом научного исследования, заменили этой самой «санитарногигиенической убылью». Решающее слово в утверждении принадлежало Ивану Григорьевичу, у которого старший внук, сын Эдьки Тихоблагова, также имел аквариум.

Биофак пединститута подтвердил научное реноме аквариумных исследований, но курирование и утверждение диссертаций по экологическим и экономикоэкологическим темам не входило в прерогативу их специализированного Ученого совета. Рекомендовали обратиться в столичный НИИ рыбного хозяйства — НИИРХ.

— В принципе, будем считать тему утвержденной. — подытожил Семен Игнатьевич на узком совещании со своими подчиненными, — Иван Григорьевич обещал, как только позволят обстоятельства и время, отнестись в облрыбводхоз, а через них официально выйти на НИИРХ. Пока же, чтобы времени даром не терять, приступайте, Николай Данилович, к исследованиям. Самую активную помощь вам окажет Сергей Александрович по части математических вычислений, а Ефим Маркович займется оргвопросами: снабжение литературой, натурным материалом, приборами. Фонды будут выделены в начале следующего квартала. Если потребуется обработка результатов на ЭВМ, то я свяжусь с горстатуправлением. Для составления программ в этом случае — есть договоренность — подключится Крещетникова; она не должна еще забыть этого дела с института... Ну, а для машинописных работ можете использовать Веру. И Нина Андреевна в случае чего не откажет. Иллюстративный материал за редколлегией нашей стенгазеты.

Пока же — до конца квартала еще полтора месяца — постарайтесь подготовить по результатам первоначальных исследований апробацию: для выступления перед учеными из НИИРХа; это так положено для

приема в соискатели. Успехов вам, товарищи! И по любому вопросу — сразу ко мне.

Никогда, наверное, за всю свою историю канцелярия не переживала такого энтузиазма. Петров все текущие дела переложил на Валентину Тихоновну, свою штатную заместительницу, сам принес из дома старые студенческие конспекты, горку учебников и монографий, купленных на трудовые в «Техкниге» специально к случаю, и с головой ушел в воспоминание былого, чувствуя порой себя погибшим в канцелярии по вине ведьмы-тещи талантом, фокусником интеграла и дифференциала. Кефалин же по мандатному письму директора буквально ограбил областную, ряд городских библиотек, собрав все, что можно было, по аквариумному делу. Между прочим, для выяснения некоторых тонкостей биологии рыбок он ездил в командировку в Подольск, в тамошний знаменитый клуб аквариумистов.

Сам Николай Данилович переживал вторую молодость. Сын же Серега полагал, что папаша и вся эта канцелярия рехнулись: еженедельно он тратил на рыбок и корма по четвертному. Не помогало сознание того, что деньги были казенные — из вновь учрежденного фонда директора по перспективным плановым исследованиям. Все были, за исключением Сергея, измученно довольными, даже машинописная Верочка. Просто был доволен только кот: за неполный квартал он сожрал годовой улов.

Семен Игнатьевич прямо-таки любовался своими подчиненными, не раз повторял в верхах учреждения «Все-таки нужен толчок-другой, а то самое что ни есть передовое учреждение плесенью обрастает. Глядите, как мои руководители групп в охотку суетятся, аж помолодели! Женщины вроде как ни при чем, но и те подтянулись, за собой стали следить, уже не жуют целыми днями свои бутерброды. Великое дело — научное горение, а главное — на пользу дела!»

Более того, за Николая Даниловича стали переживать и болеть в других канцеляриях, тем самым сломав традиционный ледок во внутриучрежденческих отно-

шениях. Даже Любовь Гавриловна, которой как завархивом учреждения по совместительству поручил дела по выписке по межбиблиотечному абонементу из столичных и университетских городов толстых подшивок журналов, трудов по экологии и рыбному хозяйству, не ворчала, а с пониманием и отменной исполнительностью отнеслась к дополнительной нагрузке, не столь уж полезной для ее преклонных лет.

— Помочь надо бедолаге,— гова́ривала она,— вишь, что навалили на его голову?!

Тем временем Иван Григорьевич внес свой посильный вклад: добился приглашения на первую декаду нового квартала ученых специалистов из НИИРХа на предмет выслушивания апробации учрежденческого диссертанта. Тот факт, что на сей раз гора должна была ехать к Магомету, объяснялось специальным отношением из университетской клиники, отпечатанным на личном бланке бородатого профессора с международной надписью-шапкой Комитета по изучению НДМ-заболевания. В НИИРХе, вопреки требованиям субординации, пошли навстречу, отнеслись с пониманием.

Настал день. И было утро. И все женщины учреждения пришли в праздничных нарядах. С вечера специально выделенные мужчины сделали перестановку в канцелярии: теперь это был амфитеатр полукругом расставленных в два ряда столов. Рядом со столом Николая Даниловича установили составленный из трех обычных канцелярских и покрытый красной скатертью президиум — для комиссии. Здесь сидели: председатель Иван Григорьевич, зам. председателя — главный инженер из облрыбводхоза, члены — Несмеянов, ответственный руководитель из горкомхоза, давешний доцент из пединститута, сам гость из столицы. Сбоку сидела за отдельным журнальным столиком, принесенным из Приемной, ученый секретарь — Татьяна Викторовна.

В зале присутствовали виднейшие из руководства учреждения, гости из заинтересованных организаций,

а для украшения — цветник наиболее привлекательных женщин всех канцелярий.

На стене — за спиной и чуть сбоку от Николая Даниловича — висело множество цветных плакатов, исполненных художником Иваном, а также ученическая черная доска, около которой для записи формул стоял дублер докладчика: Эдька Тихоблагов в безукоризненном голландском костюме фирмы «Элегант». Аквариум, архитектурно выставленный убранством зала на Центральную позицию, сверкал чистотой, строгостью форм.

Заседание открыл кратким вступительным словом председатель, он обрисовал актуальность проведенной работы и в теплых словах, адресуясь более к гостям, ученому из НИИРХа, познакомил присутствующих с самим диссертантом, истинным героем труда, ученым-подвижником, который, несмотря на... и т.д.

Наступил момент истины. Николай Данилович, произносивший едва ли не первую в жизни публичную речь, ученую тем более, волновался чрезвычайно хотя выпил две таблетки элениума. Это и помогло: все происходящее, в том числе собственную речь по отпечатанной бумаге, он воспринимал как бы со стороны и через ватную прокладку. Зал затих.

 Уважаемые товарищи! Дорогие гости! Темой нашего исследования является теоретическое изучение, разработка методик численного анализа и экспериментальная проверка вопросов, связанных с экономико-статистическим прогнозированием численности аквариумных популяций декоративных рыб по текущим показателям их санитарно-гигиенической и естественное убыли... При первых словах докладчика двое из присутствующих выразили удивление: ученый из НИИРХа, который полагал, что речь пойдет о промысловых рыбах, поскольку письмо в НИИРХ было составлено очень осторожно, дабы не отпугнуть специалистов, а также кот, сидевший по недосмотру в подготовительной суете под креслом диссертанта и услышавший знакомые слова явно не в обеденный час. Николай Данилович, ободренный вниманием на лице ученого гостя, продолжал увереннее, справившись с дрожь в голосе:

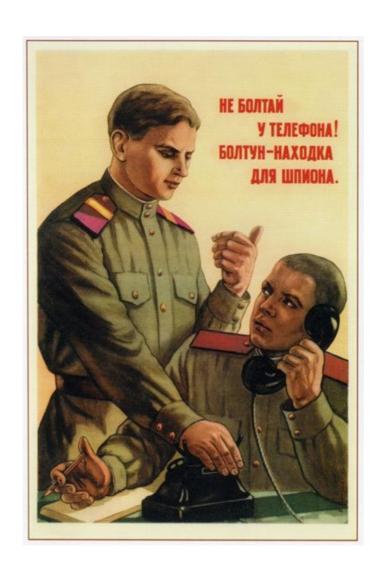
— Необходимость прогнозирования численности аквариумных рыб важна как один из основных факторов выяснения законов обмена вещества и биоэнергии в экологически замкнутой системе аквариума, а соответствующие экономико-статистические показатели необходимы для рационального ведения аквариумного хозяйства.

Базовый аквариум, на основе которого велись наблюдения (Эдька изящным разворотом руки с указкой пояснил, о чем идет речь, дотронувшись до стеклянной стенки), представляет собой резервуар с водой, населенный популяциями основных видов рыб, как живородящих, так и размножающихся посредством икрометания: гуппи, меченосцы, молинезии или черные сомики, петухи, скалярии, телескопы, золотые рыбки. Первоначальному анализу были подвергнуты наиболее распространенные в данной экосистеме популяции, в частности, гуппи. В дальнейшем же планируется на основе разработанных методик провести оценку для популяций меченосца, телескопа, петуха и золотой рыбки.

На основе литературных источников известен возраст пополнения гуппи, или, как принято называть в общем рыбоводстве,— промысловый возраст.

Рассмотрим идеальный случай, т.е. постановку задачи в приближении сезонного скачкообразного пополнения стада гуппи; при этом ежегодную численность гуппи можно было бы определить путем деления величины равновесной годовой убыли в численном выражении на коэффициент прогрессирующего пополнения санитарно-гигиенической и естественной убыли, который, в свою очередь, складывается из текущих коэффициентов общей, естественной и санитарно-гигиенической смертности. После чего численность пополнения могла бы быть пересчитана в численности всех последующих возрастных групп.

Принципиальная трудность, однако, состоит в растянутости процесса убыли, ибо, вступая в возраст по-

полнения и соответствующей убыли к моменту времени «эн», гуппи достигают максимума убыли лишь к двум с половиной, к трем «эн», причем доля не полностью утилизуемых возрастных групп достигает 46 — 48 %. В наших исследованиях, опираясь на результаты работ группы ученых по определению численности популяции сига (Coregonus Lavaretus (L.) в озере Севан (см. Докл. АН СССР, 19.., т. 272, № 3), предпринята попытка преодолеть эту трудность и вычислить коэффициент санитарно-гигиенической убыли, на основе которого достаточно просто выполняется экономикостатистическое прогнозирование численности популяции гуппи.

Затем пошла специальная часть доклада, в течение которой Эдька метался между плакатами с таблицами регрессий и прогрессий гуппи и доской, на которой он, пользуясь имевшимися у него дубликатами нумерованных формул, записывал и стирал промежуточные выводы, смело оперируя с дифференциальными уравнениями и математико-статистическими соотношениями. Николай же Данилович, совсем отошедши от робости перед аудиторией, загорался, в стремительном темпе обосновывал оценку коэффициента естественной убыли по регрессивному уравнению Паули. Последнее он связал с параметрами уравнения линейного роста Берталанффи и среднегодовой температурой местообитания. Оценки обшей И санитарногигиенической убыли он дал по результатам экспериментальных наблюдений (читай: скармливания коту).

Затем был самый щекотливый момент: исследователь долго бился в свое время над постижением закона изменения численности гуппи от возраста к возрасту; не помогала статистика записей в его тетрадке «Приход-расход», не помог Петров, специально прочитавший учебник по математической обработке результатов экспериментов. Плюнув на все, столоначальники ввели простейший линейный закон возрастания. Аргументировано было это в докладе слабовато, и Нико-

лай Данилович в месте этом при чтении все косился на ученого рыбовода, но тот с самого начала выступления диссертанта сидел неподвижно, полураскрыв рот, както вжав очкастую голову тыковкой в плечи. Профанации в докладе он не заметил. Николай Данилович в душе перекрестился, очень толково и легко обосновал систему дифференциальных уравнений в частных производных, описывающую внутрисезонную динамику изменения численности генерации гуппи, а на основании ее численного решения (Эдька продемонстрировал при этом десятиметровую полосу распечатки с ЭВМ) и статистической обработки результатов решения вывел зависимости для сезонных коэффициентов выживания гуппи между возрастами и убыли генерации гуппи от возраста к возрасту.

Далее арифметика была еще проще: применив правило Лопиталя из исчисления бесконечно малых Николай Данилович доказал, что зависимость для коэффициента выживания совпадает с известным уравнением вылова Ф.И.Баранова. А введя в это уравнение интеграл вероятностей, он получил простое выражекоэффициента искомого санитарногигиенической убыли, на основе которого с использованием обычного программируемого микрокалькулятора типа «Электроника БЗ-21» просто была рассчитана ихтиомасса убылых рыб по возрастным группам, сезонное пополнение гуппи и численность стада по каждой возрастной группе на текущий и прогнозируемый момент времени.

— Таким образом,— зачитывал последнюю страницу Николай Данилович,— разработанная методика позволяет прогнозировать в интересах народного хозяйства, например, при оценке потребности населения в аквариумных рыбах, численность популяций любых видов рыб при минимальных исходных данных и статистических наблюдениях, а главное — при использовании только простейших вычислительных средств, что позволяет, отказавшись от услуг вычислительных центров, получить несомненный экономический эффект! Правда,— критически заметил Николай Данило-

вич, отмечая недоработки проведенных исследований,— знание количественной оценки запаса рыб в аквариуме еще недостаточно для определения экономически оптимальных численностей внутри каждой популяции, а также соотношений между разнородными популяциями. Этому вопросу мы надеемся посвятить планируемую нами,— тут Николай Данилович потупился и добавил от себя, вразрез с текстом утвержденного доклада,— докторскую диссертацию.

При последних словах кто-то из женщин в зале испуганно ойкнул, Иван Григорьевич посмотрел на нахала прозрачными глазами, со лба ученого гостя прямо на очки пролилась струйка пота. Представитель горкомхоза, который в качестве официального первого оппонента (вторым был главный инженер из облрыбводхоза) готовился тотчас выступить с похвальбой докладчику и связать актуальность развития аквариумного дела с известными последними постановлениями о борьбе с пьянством и организации безалкогольного досуга трудящихся, от волнения не мог отыскать первый лист выступления и уже готовился, махнув на все рукой, сымпровизировать... Все, однако, посмотрели на ученого гостя, ожидая реакции. Тот натянуто поинтересовался:

- И-и, скажите, а-а какая же численность гуппи на сегодняшний день... в аква-ариу-уме?
- На вчерашний день 291 особь, включая мальков, появившихся накануне. Это по результатам вычислений по методике.
- А достоверность как проверить?— справился с волнением теперь уже ученый рыбовод.
- Проверена по разработанному нами методу, кстати, на который в настоящее время готовится заявка на предполагаемое изобретение,— с торжеством парировал совершенно разошедшийся Николай Данилович самый каверзный из ожидаемых вопросов и подробно описал метод, принадлежавший только ему, а именно: в канцелярии на ночь открыли окна (сам Николай Данилович в ту ночь спал в накинутом поверх одеяла тулупе вахтера Дмитрича, взятом по спе-

циальному отношению директора; иначе вахтер тулуп не давал), а в аквариум положили кусок искусственного льда, принесенного из буфетного морозильника. Николай Данилович ежечасно просыпался по будильнику (в холод сладко так спалось!), подогревал воду, регулируя температуру, сводя ее к наиболее соответствующей спокойному поведению рыбок, но и не допускающей их околевания. Утром же пришедшие за час до работы счетчики из наиболее внимательных служащих, имеющих дома аквариумы, дважды пересчитали число гуппи всех возрастов. Аналитическую численность популяции от них хранили в секрете. Подсчет дал ошеломляющий, точный до невероятности результат: 289 гуппи!

Услышав содержание и методику проведения эксперимента, ученый резко побледнел, встал со стула, сделал шаг к докладчику, тут же с криком покачнулся, как-то нелепо подпрыгнул и упал в рост, ударившись головой об угол аквариума: он наступил на кота, который в течение получаса доклада истекал липкой кошачьей слюной на часто произносимые съедобные слова, под конец, проголодавшись, вылез из-под кресла посмотреть: что же такое это делается и когда ему дадут выловленную рыбу?

Был страшный конфуз. Прибежавшая из медпункта Людмила Сергеевна, успев-таки метнуть недобрый взгляд на соперницу, промыла сократовский лоб рыбовода перекисью, наложила пиратскую повязку, после чего пострадавшего на машине директора отвезли в университетскую клинику, где были наложены швы. Зал тем временем очистили. Николай Данилович, лично и прилюдно излупив кота палкой, угрюмо задернулся портьерой.

Официальный ответ из НИИРХа пришел скоро — через две недели. Полный обидных намеков и язвительности, он нарочито был направлен не прямо в учреждение, а через облрыбводхоз, откуда всему миру нараспашку вместе с блатной рыбой перекочевало содержание срамного письма. По всему городу цитиро-

вали наиболее меткие фразы столичных рыбников. В местной газете появился достаточно откровенный фельетон. В довершение унижения к письму НИИРХа было приложено отношение бухгалтерии института об оплате полумесячного больничного пострадавшего ученого. Из отношения узнали оклад гостя: 480 рублей

Грянул гром, Ивана Григорьевича вызвали на бюро горкома, откуда он вернулся с «поставлением на вид». От него уже Семен Игнатьевич получил замечание о неполном соответствии. Последний санкционировал выговоры Петрову и Кефалину. За Эдьку перед Самим заступилась жена, за Николая Даниловича горой встала, как положено, медицина. Но с ним Начальник более месяца не разговаривал. Вера (другая, не машинописная), употребившая как-то в служебном разговоре слово «аспирант», была на 15% лишена премии за квартал. Кот, почуявший неладное, на время расправ исчез из канцелярии.

В итоге Николай Данилович брал больничный на неделю, Иван Григорьевич вынужден был пойти на подписание с горкомхозом унизительного соглашения, которому противился уже несколько лет, а Петрову стали сниться мрачные автомобильные сны, которые полностью выбили его из колеи и привели к проступку, окончательно опорочившему доселе блистательную репутацию учреждения. А всему виной была его давняя мания: купить «Жигули» кремового оттенка.

Череда странных снов совершенно потрясла Петрова. Поначалу он замкнулся в себе, но, не в силах в одиночку нести такую тяжесть, стал пересказывать их содержание сначала коллегам-столоначальникам, а потом более широкому кругу слушателей. Женщины в канцелярии начали как-то странно посматривать на Сергея Александровича, примерно так же, как посматривали на Николая Даниловича в начальный период его сидения, когда был он увлечен девушками и молодыми женщинами. По другим канцеляриям учреждения поползли темные, весьма противоречивые слухи. Поднялись эти слухи и выше, а самого Петрова сны

довели-таки до беды. Под впечатлением самого непонятного шестого сна Сергей Александрович на несколько дней совершенно утратил рабочую бдительность, а именно в эти-то дни вся канцелярия штурмовала сводную полугодовую ведомость. Петров, как человек способный к математическим упражнениям, по издревле заведенному порядку подводил окончательный баланс, после чего пухлый том ведомости шел на подпись к директору и далее — на утверждение в горкомхоз. Оттуда итоговые цифры попадали во все городские и областные показатели, в течение полугода фигурировали в передовицах либо фельетонах обеих местных газет, в ответственных выступлениях на семинарах, конференциях, многочисленных совешаниях и активах.

В такой-то вот ответственный момент зарождения этой цепочки Петров, размышляя о шестом сне из жизни совершенно незнакомого ему В. М. и сопоставляя детали сна с первыми пятью, сделал в вычислениях ошибку, которая привела к полной асимметрии в итоговых показателях: одни из них незаслуженно повысились, а другие — не менее обидно снизились. Обнаружилось это только через месяц, когда в газете появилась сводная таблица по итогам традиционного полугодового сравнения трех соседних областей. Коварная ошибка Петрова выявилась здесь в неимоверно рекордных успехах в части заготовки внеплановых кормов, чем ранее область никогда не отличалась.

Сельхозотдел обкома тотчас организовал зональный семинар по изучению опыта; к назначенному сроку в город съехались заготовители, прибыл ответственный работник из Минзага, и тут обнаружилось, что в текущем году внеплановые корма в области вообще не заготовлялись — плановых хватило, а в ведомость попали, все из-за той же асимметрии, незначительные, но раздувшиеся вследствие умножения на неправильный коэффициент остатки неоприходованных внеплановых за прошлый год. И самое главное: проводить семинар было некому, ибо контора по внеплановым заготовкам была упразднена ввиду ветхости покосив-

шегося деревянного здания на Щеголевской и неопределенности своего статуса и назначения.

Городские власти спешно принялись тушить нарастающий скандал: своих заготовителей срочно отозвали в районы, чужим же делегатам устроили поездку в бывшую усадьбу писателя-бессребреника, затем перед ними выступил местный поэт Крыжовников. Поводили их по музеям города, щедро снабдили талонами на обеды-ужины, отоварили кой-чем из дефицита, поселили в лучшей гостинице, приравняв к спортсменам, а потом с почетом отправили восвояси, пообещав собрать семинар попозже, — когда взойдут свежие корма, — сострил директор треста «Салосвинпроммеханизация», которому, за его общительный нрав, поручили устройство и досуг гостей. За представителя Минзага взялся еще более общительный директор областной сельхозтехники, организовали поездку в передовой совхоз, охоту в заповедном бору, баньку и прочее.

После ликвидации аварии принялись за правеж. Быстренько распутали по нисходящей всю цепочку. В конце концов в знакомой нам канцелярии раздался звонок, и Ниночка напрямую, минуя Начальника, вызвала Петрова к Ивану Григорьевичу. Что происходило в Кабинете, того никто никогда так и не узнал. Ниночка передавала позже, что через тамбурную дверь было слышно, как Сам до трех раз повышал голос, а когда Петров выходил и остановился для последнего упрека у раскрытой внутренней двери, то она расслышала окончание фразы: «...только ради вашей семьи! И учитывая, что теща у вас сумасшедшая. Идите!»

Еще Ниночка рассказывала Татьяне Викторовне, что когда попозже заходила к Ивану Григорьевичу с бумагами на подпись, то от него пахло корвалолом. Состояние же Петрова в тот и ряд последующих дней никто описать не возьмется. Он поседел на глазах сослуживцев, но зато избавился от автоснов.

Разумеется, Петрова не понизили, не сократили, не перевели на нижеоплачиваемую... не из-за семьи и сумасшедшей тещи, а по счастливому случайному сов-

падению. В этот момент директор вступил в заключительную фазу десятилетней своей борьбы с горстатуправлением. Сущность кампании заключалась в желании Ивана Григорьевича переложить часть работы своего учреждения на своих же врагов. Основным козырем директора в борьбе было отсутствие в учреждении вычислительной техники для механизации счетных упражнений. Ошибка Петрова вдохновила директора на эмоциональную полуторачасовую речь на ответственном общегородском совещании, где он удачно обыграл случившуюся неприятную историю, особо напирая на глобальность задачи всеобщей компьютеризации и в итоге убил двух зайцев кряду: ему простили конфуз с семинаром заготовителей и в приказном порядке предписали горстатуправлению отныне выполнять 25 % счетных работ от общего объема учреждения Ивана. Григорьевича. Поскольку же ни начальнику горстатуправления и во сне не снилось работать за чужого дядю, ни Ивану Григорьевичу не прельщало доверять кому-либо на сторону наиболее ответственную заключительную часть работы по отчетным ведомостям, то через короткое время два руководителя заключили джентльменское соглашение: в счет двадцатипятипроцентных работ горстатуправление передавало учреждению в трехлетнюю аренду японскую персональную мини-ЭВМ «Ямаха», нужную позарез зятю-аспиранту Ивана Григорьевича, меняло свою новую «Волгу» на учрежденческий УАЗик, правда, тоже новый, а по городской разнарядке на сельхозработы обязалось выставлять в подшефный учреждению колхоз ежесезоннно не менее пяти человек. Соответственно, на пять служащих меньше теперь посылало учреждение. Условия перемирия были для Ивана Григорьевича блестящими: полная капитуляция горстатуправления!

Повезло же Петрову! Но — везение везением, а состояние провинившегося столоначальника долго еще оставалось ужасным, заставляло вспоминать в минуты хандры горестную музу покойного Валентинова: «На сердце брякнулся сундук, тяжелостью летучею наби-

тый, в груди ладонью ощущаю стук, отчаянием и болью перевитый...».

ЧАСТЬ 5 ЭПИДЕМИЯ

На одной из главных улиц внимание его обратило на себя человеческое существо в невиданном им состоянии. Существо это, с красным лицом и раскрытым ртом, тяжело выпускавшим частое дыхание, сидело скорчившись у стены дома и громко и жалобно стонало.

- Что с этим человеком? спросил Сидхарта у возницы.
- Он болен, ответил Чанна.
- Что такое болен?
- Болен значит то, что тело его расстроилось, и он страдает.
- Я вижу, что он страдает. Но почему же это сделалось с ним? Почему среди нас нет этого?
- Это бывает со всеми
- Это может быть и со мной?

(Лев Толстой. «Круг чтения». — Недельное чтение на 5-11 февраля)

— Что это вы потемнели, вроде пожелтели лицом, дорогой Николай Данилович?— спросил как-то на большом месячном медосмотре давнишний знакомый профессор с бородкой.— Перезагорали, что ли, под кварцем?

Николай Данилович суеверно промолчал, с завистью посмотрел на прекраснейший загар профессора. Тот буквально паразитировал на несчастье его. Был теперь бородатый главой специального медицинского комитета с международным статусом, изучающего болезнь Николая Даниловича. А южноамериканский загар — приватное следствие только что закончившегося в Сан-Паулу недельного Конгресса этого комитета.

Профессор получал почти удвоенный оклад, редактировал выпускаемый комитетом международный медицинский ежеквартальник под эгидой ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ, поменял трехкомнатную квартиру в блочном доме на четырехкомнатную в полнометражном, добротной послевоенной постройки, доме на центральной улице, вообще — давно бы переехал в столицу государства, если бы можно было перевезти туда Николая Даниловича.

Впрочем, ему и здесь было неплохо (на Москве настаивала жена): стал он тем самым первым в глухой галльской деревушке, которому живется, по утверждению Юлия Цезаря, намного лучше, чем последнему в Риме... Здесь были слава, почет, собственная клиника, собственный, прекрасно эксплуатируемый больной экстра-класса. Была услада жизни — новообретенная прекрасная подруга Людмила, Людочка, Людок, она же — Людмила Сергеевна, зав. медпунктом учреждения. Надо ли говорить, что судьба свела профессора в последнем расцвете сил с прекраснейшей из женщин города именно благодаря внезапному недугу Николая Даниловича. Всем был он обязан ему, потому и только что вышедшую в медицинском издательстве свою 560страничную монографию «Проблемные моменты генезиса НДМ-болезни в свете новейших психофизиологических теорий» посвятил Николаю Даниловичу.

Автор книги благодарил автора болезни, «самой загадочной после СПИДа болезни века: НДМ-болезни», — как писал в предисловии известный отечественный академик (академику было под восемьдесят, так что профессор питал весьма небезосновательные надежды на известную преемственность; называл он академика в книге и статьях — учителем).

- Может, и под лампой, отвечал Николай Данилович, а что? Заметно очень?
- Да-а, если присмотреться хорошенько. Впрочем, все понятно, вы ведь на естественном солнце несколько лет не показывались, так что беспокоиться-то не о чем.

Однако после этого примечательного разговора Николая Даниловича именно что-то затревожило. Что? — он не мог понять, но покоя не было. И совершенно не к месту вспомнилось пугающее: ведь перед кончиной пожелтел поэт Валентинов?! Еще больше он испугался, когда до него, покопавшего в связи с этим в памяти, дошел смысл разговора, конечно, пустяшного, которому и Петров, слышавший его от женщины — соседки Валентинова по лестничной площадке, и все слушавшие Петрова, значения в свое время не придали: о том, что за сутки до смертного вздоха Валентинова соседка заходила к нему (дверь тот держал во время болезни незапертой, так как ходить отворять было ему тяжело) — она относилась к поэту заботливо, так как давно лелеяла мечту выдать за солидного соседа свою перезрелую дочь с несколько странной коконо-образной фигурой — ей показалось, что Валентинов стонет. Он действительно постанывал, лежа на диване.

- Доктор-то приходил, Вадим Васильевич?
- Приходил утром; вот что-то подняться с дивана не могу, вроде ничего не болит, а как будто привязали или давит что сверху...
- Как же вам помочь-то? Полежите, я вам сейчас яишенку приготовлю да чайку заварю, Лида вчерась в Москву ездила с работы, привезла индийского.

Соседка ухаживала за ним до ночи, а Валентинов так и не смог подняться. «Как приклеенный!»— повторяла, утирая слезы, добрая женщина на поминках.

Ночью Николая Даниловича мучали кошмары. Снился желтый, иссохший Валентинов, умирающий в пустой квартире, приросший в последние сутки жизни к дивану. Проснулся и... показалось, что пахнет в канцелярии какой-то затхлой сухостью, как в прошлогоднем ворохе сена в сарае. Выпил снотворного и трудно, искусственно заснул вновь. За ночь он несколько успокоился.

Однако в ближайшие дни, присмотревшись повнимательнее, Николай Данилович («Не мерещится ли

мне, чего доброго?» — с ужасом думал он) заметил с испугом, что все люди в канцелярии да и вообще все работающие в учреждении, в том числе из руководства, день ото дня все больше и больше начинают отличаться от людей сторонних: посетителей, курьеров из горкомхоза и горфинотдела, командированных из районов. Канцеляристы все вроде как пожелтели, а двигались, даже самые молодые девушки, с заметным трудом. Все меньше женщин уходили на обед в столовую, в буфет либо домой. Наподобие Бутурлиной все начали приносить с собой свертки «тормозков», содержание которых лениво, безо всякого аппетита сжевывали в обеденные сорок восемь минут.

Вот эта-то желтизна и явно прогрессирующая любовь к сидению очень насторожила Николая Даниловича. Понятно, что обо всем этом он помалкивал суеверно, никому не говорил, опасаясь то ли всеобщего смеха, а скорее всего... подтверждения той страшной догадки, которую по ночам отгонял таблетками снотворного, днем — усердной работой без роздыха. Другие вроде ничего не замечали, очевидно, потому, что не имели возможности Николая Даниловича по девять без малого часов в день изучать лица коллег под одним и тем же углом зрения. Во всяком случае из мужчин канцелярии никто не жаловался на неломогание. а к участившимся жалобам женщин, конечно, никто из руководителей не прислушивался. «Они всю жизнь жалуются на что ни попадя, а редко какую мужвесельчак переживет!» — резюмировал женоненавистник Петров.

Однако ночью, на контрасте со свежим запахом политой дождем осенней листвы, просыпаясь, Николай Данилович все яснее и резче ощущал затхлый запах высыхания — путающий тлетворный смрад заброшенного голубиного чердака: устойчивый, застарелый. Днем, правда, его перешибал родной канцелярский аромат пота, бумаг, селедки и мяса, купленных женщинами в соседней кулинарии или в буфете, а также яблок, которыми хрумтели по осени с утра до вечера

все канцеляристы. Неизменно присутствовали запахи технические: гуталина от ботинок Петрова и одеколона свежевыбритого Ефима Марковича.

Как-то после бессонной ночи Николай Данилович не выдержал, доверительно рассказал Сергею Александровичу о ночных запахах. Тот, как водится, рассмеялся, дескать, по ночам ветер устойчиво дует со стороны металлургического завода, вот и сушит все от доменного тепла и шлака. Он сам на ночь при ветре форточку не открывает. Николай Данилович для видимости с ним согласился, но он-то хорошо отличал сложный аромат высыхающей затхлости от резко однотонного запаха сливаемого из домны шлака: в детстве жил в пригороде — поселке при металлургическом заводе. Запахи вызывали во снах мучительные кошмары.

Очевидно, наступила некая спасительная полоса, и кому было суждено спастись, тот почувствовал: сейчас или никогда! Все произошло в считанные дни и недели до наступления зимы: Валентина Тихоновна распрощалась с коллегами на очередные месяцы с оплатой и положенный год по уходу, вслед за ней заявление об уходе подала Бутурлина. Без объяснения. И после положенных двух месяцев молча ушла из канцелярии и учреждения насовсем. Заметим, что Николай Данилович был бы рад отпустить ненавистную старуху тотчас по получении заявления, но на два месяца задержать ее повелевала учрежденческая этика. Считалось, что если на заявлении такого рода низовой начальник ставил «Не возражаю», то значит вообще ему никто не нужен, все у него в подчинении даром едят хлеб. Потому-то он, душевно лицемеря, изобразил сожаление по поводу ухода ценного работника и собрался поставить формально-сдерживающую визу.

Поскольку обычно стопроцентной причиной увольнения из канцелярии являлось недовольство не прибывающим год от года окладом, то Николай Данилович, следуя все той же этике, начал было неопределенно намекать на давно ожидаемое увеличение квартальных

премий и некоторые, перспективные, в общем, прибавки к окладам, но Бутурлина смотрела на него немигающими, злыми рыбьими глазами, молчала. Вот тутто Николай Данилович уже с чистой совестью собрался написать «Возражаю», но вспомнил, кстати, третье уставное правило увольнительного этикета: заявление, как всякая другая бумага, должно отлежаться, что символизировало озабоченность потерей кадрового работника.

— Пока оставьте заявление у меня, мы тут поговорим, обсудим... посоветуемся.

И хотя Бутурлина прекрасно знала (проработала в канцелярии и не только в этой не меньше, если не больше самого Николая Даниловича), что никаких советов и обсуждений относительно ее не будет, тем не менее покорно кивнула головой и потащилась на свое место. Посмотрев ей вслед, Николай Данилович с ужасом осознал, что от долгого отсутствия практики — последние десять лет никто из канцелярии не увольнялся — забыл о четвертом обязательном пункте этикета: все дела личного характера должны разрешаться в нерабочее время; имелись в виду лично-формальные дела. Он крикнул вдогонку Бутурлиной:

- Так вы, пожалуйста, после окончания рабочего дня задержитесь минут на пятнадцать—двадцать. Побеседуем насчет вашего заявления.
- Делать мне нечего больше, как только задерживаться!— зло буркнула Бутурлина, с грохотом вырывая задвинутый в проем стола стул.

Не успела Бутурлина «отстоять» свои два месяца, как исчез Эдька. Был он того ранга, что уже не увольняются, но переводятся. Через день после исчезновения директорского зятя Николай Данилович узнал от Петрова, что тот перевелся с небольшим повышением в ОКС соседнего машиностроительного завода. Начальником же ОКСа был другой его, более отдаленный, чем тесть, родственник.

— Быстро идет, подлец!— завистливо добавил сирота Петров, имевший родственников только в деревне

Едва за освободившийся стол Бутурлиной уселась старушка Маринина, ранее слепшая в слабоосвещенном углу канцелярии, как до Николая Даниловича, временно вернувшегося к руководству группой, дошла весть, что с неделю еще тому назад запил слесарь Василий Алексеевич, да запил так основательно и серьезно, что, находясь по причине починки мебели в аристократической первой канцелярии, громко, в присутствии тамошнего начальника и зашедшей с почтой Ниночки, назвал всех служащих «желтыми рожами». История, наделавшая много шума во всем учреждении, закончилась отправкой слесаря на принудлечение в ЛТП

Удар сыпался за ударом; была переведена в клинику бородатым профессором зав. медпунктом Людмила Сергеевна. Учреждение сиротело, ранее гордившееся отсутствием текучести кадров: за последнюю пятилетку из него уволился только один человек, да и тот ушел на повышение. Две-три женщины малых рангов в счет не брались. Татьяна Викторовна целые дни проводила у подруги Ниночки, доискиваясь причин спонтанных увольнений.

Последняя, принесенная ею сверху новость была совсем огорчительной и многозначительной, особенно в свете последовавших за сим событий: вахтера Дмитрича, или, как теперь только многие узнали его полное официальное название — Петра Дмитриевича Бойко,— переманили на высший вахтерский оклад (105 рублей, плюс прогрессивка, плюс червонец за каждого выявленного несуна) в ВОХРу все того же соседнего расширяющегося завода. Вообще, этому заводу было суждено сыграть решающую роль в судьбе учреждения.

Это было уже горе, все равно как бы если из ресторана гостиницы «Центральная» уволился благообраз-

нейший, с холеной белокурой бородой по пояс, за содержание которой администрация приплачивала по пятнадцать рублей в месяц, известнейший всему гуляющему и пристойно пьющему населению города швейцар Василий Дмитриевич Бойко, кстати, родной брат-близнец учрежденческому вахтеру.

Холодный ветерок запустения коснулся под конец самого Николая Даниловича: ушел кот. Его долго «искали» по просьбе расстроенного донельзя столоначальника, но обнаружить в учреждении не смогли. Выбитому на целую неделю из рабочей и душевной колеи Николаю Даниловичу не решились сообщить, что кот ушел за своим первым и основным хозяином: вахтером Дмитричем.

После этого увольнения прекратились. Никто более не нашел в себе сил последовать за котом. Спасительная полоса закончилась

Позднее, когда все признаки скорого, трагического конца проявились. Николай Данилович своим увядающим умом дошел до истины: почему избирательная судьба спасла именно этих семерых. Она спасла их, дабы не остановилась жизнь вообще. Валентина Тихоновна должна рожать и воспитывать детей наше светлое будущее. Бутурлина была скептиком, в душе своей всегда с презрением относилась к этой канцелярской сволочи, по привычке и отсутствию призвания к чему-либо иному сама занимаясь нудной бумажной работой. Эдуарда Георгиевича Тихоблагова судьба спасла для сохранения природного баланса: чтобы не

переводились будущие Начальники канцелярий. Василий Алексеевич был просто мастеровым, полезным людям человеком; возможно, пил он горькую от полного изумления перед окружающей его средой. Дмитрич, тот вообще проводил весь день на входе: наполовину он принадлежал учреждению, наполовину — миру, так что канцелярская зараза коснулась его только одним боком, и тот был прострелен ревматизмом. Людмила Сергеевна полюбилась бородатому профессору, а профессор, в свою очередь, был единственным, кто хоть чуть-чуть приблизился к разгадке НДМ-болезни. Наконец, кот был нужен природе для исполнения своих прямых обязанностей: орать по ночам да ловить мышей.

Все остальные не требовались.

На некоторое время черные думы Николая Даниловича засветились очередным нововведением в учреждении: беспокойный ум Ивана Григорьевича, томясь после диссертационного провала в спокойствии ровного течения служебной жизни, требовал всплеска, который не замедлил явиться. Служащие долго докапывались до мотивов случившегося, полагали, что, скорее всего, дочь, теперь уже учительница, процитировала при отце очередной тезис именитого классика... Но со временем истина прояснилась. По какому-то кляузному делу, касавшемуся ответственности за тротуарные деревья, директор был на приеме у ДИРЕКТОРА соседней завода-гиганта. Конфликт удалось загасить в самом зародыше, и в знак своего расположения ДИ-РЕКТОР пригласил директора отобедать с ним. Каково же было изумление последнего, когда они прошли не в одну и многочисленных заводских столовых, а прошествовали в специальный зальчик за кухней и за сверкающим сервировкой столом с настоящими полотняными салфетками, с боржоми из холодильника, с кофе-гляссе пообедали солянкой, чихиртмой из цыплят в обществе главного инженера и важнейших заместителей с главными специалистами.

Великая зависть обуяла директора. Сам он ездил на обед домой на учрежденческой машине, замы его и

начальники канцелярий обедали либо в соседней шашлычной, либо в столовой или буфете учреждения вместе со всеми. Диетики ходили в домовую кухню через улицу напротив. И никто, как ни странно, до сих пор не жаловался. Но вот в очередной раз потянулись все полуответственные на срочное совещание в кабинет Самого

Впрочем, совещание носило совершенно деловой характер, как пересказывал Николаю Даниловичу и его коллегам Начальник содержание выступления Ивана Григорьевича и развернувшихся дискуссий. Передав содержание совещания и попросив принять к исполнению, Начальник отпустил Петрова с Кефалиным, но задержался у Николая Даниловича и дорассказал наиболее существенное. Выходило так, что, когда вопросы были обсуждены, все присутствующие уже затушили папиросы в пепельницах и, поднявшись, шумно выровнялись сами и выставили в линию ряд кресел по левую сторону совещательного стола, Иван Григорьевич обронил негромко:

— Кстати, с понедельника у нас открывается столовая для руководящего состава — в комнате бывшей делопроизводительской, за буфетом, а делопроизводителей пересаживаем в первую канцелярию. Там боковая кладовая хоть и темная, но пустая который уже год стоит. Негоже так непроизводительно использовать площадь. Так что, как говорится, милости просим!

Было радушное приглашение равносильно приказу под расписку; средние начальники, вздохнув, отказались от таких приятных, незатейливых обедов в шашлычной. Но огорчения их оказались сильно преувеличенными. Теперь Семен Игнатьевич возвращался с обеда не в половине второго, а на час или полтора позже, веселый, довольный. Видно было по всему, что обеды в кают-кампании во главе с директором получались удачные. В конце концов все блюда и напитки брались из той же шашлычной, пришлось только койкакие из фондов, вроде материальной помощи, пустить на сервировку, а на освободившуюся ставку вахтера взять официантку, официально — помощницу буфет-

чицы. На проходной теперь дежурили по списку счетоводы и бухгалтеры.

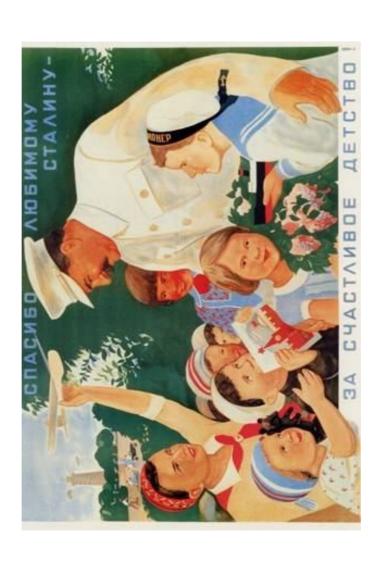
Кстати, как рассказывали завидущие Петров с Кефалиным, естественно, не попавшие в число столующихся, директор задумал было ответно поразить ДИ-РЕКТОРА, невольно подавшего великолепную идею, но, понятное дело, и помыслить нельзя было зазвать такую величину в скромное учреждение. Поэтому ограничились приглашением под благовидным предлогом зам. главного бухгалтера завода. Тот остался доволен.

Николай Данилович, будучи зам. Начальника, попал в число избранных, но по понятной причине в комнату за буфетом ходить не мог. Потому обед из кают-кампании торжественно приносила на покрытом льняной салфеткой подносе новонанятая хорошенькая, лукавая на вид официантка — уволенная за двадцатитысячную растрату, впрочем, покрытую из личных трудовых сбережений, продавщица из винного отдела гастронома, что на Красногвардейской улице. Ровно через 15 минут после обеденного звонка она входила в канцелярию, хищно окидывала единым взглядом жующих бутерброды женщин, приятно улыбалась Николаю Даниловичу, ласково ворковала:

— Кушайте, пожалуйста!

Николай Данилович приветливо кивал бедрастой, но ладно скроенной официантке, задергивал портьеру, стараясь не смотреть при этом в завистливо-голодные глаза Петрова и Кефалина, и обедал, тревожно прислушиваясь к голосам из канцелярии: не последует ли каких возгласов? Почему-то он стал в последнее время боязлив, подозрителен даже по пустякам.

Прошло некоторое время. Отвлекающая острота спецобедов приелась, прошла... Возобладали прежние тревожные наблюдения. Николай Данилович раз по десять за день рассматривал свое лицо в зеркало: лицо заметно желтело. Желтела кожа на руках, на груди, на плечах. Глядя на коллег, он и у них отмечал прогрессирующее пожелтение. Все жаловались на сонную

одурь, плохой аппетит, нежелание подниматься со стульев и вообще что-либо делать. Николай Данилович то ли поддаваясь общему настроению, то ли действительно болея, чувствовал себя день ото дня все хуже. В голове теперь постоянно вертелись проклятые пророческие сонеты Валентинова.

Наконец настал день, которого он и ждал, и пугался. Как-то поутру вбежавшая через час после начала работы, румяная с раннего морозца Татьяна Викторовна повела носиком, заметила с гримаской:

— Что-то у нас пахнет как-то не так, каким-то сеном сухим, вроде — шерстью или рыбой высохшей? Сергей Александрович? Вы, наверное, опять таранку свою пивную в столе храните?

Николая Даниловича как громом небесным ударило: сбылись самые дурные предчувствия. Но кому сказать? Проклятый провидец Валентинов! Черт бы тебя побрал... Все же кому, кому сказать, сообщить? Ведь главный его утешитель, бородатый профессор, ушел в отпуск и укатил недавно в Италию, удачно совместив отдых с очередным Конгрессом по НДМ-болезни, избравшим на сей раз местом своего проведения теплый сицилийский Палермо, поскольку там обнаружились (?) следы адекватной болезни в лице человека, приросшего к крыльцу своего домика. Впрочем, впоследствии после сенсационных разоблачений прокурора Палермо Габриэля Сатторио по делу об убийстве своего предшественника Джузеппе Витторио, выяснилось, что мнимый больной был мафиози и, будучи натренированным специально нанятым на деньги синдиката профессором психоневрологом из Флоренции, симулировал НДМ-болезнь, чем взбудоражил весь город, вызвал панику, потерю бдительности во всех банках и прочих канцелярских учреждениях, что позволило синдикату провести ряд крупных инъекций на сумму в полтора миллиарда лир...

Впрочем, это не помешало Конгрессу опубликовать на шести языках два тома трудов под названием «Сицилианский вариант НДМ-болезни».

Николай Данилович волновался чрезвычайно.

Но настоящий гром грянул в следующий понедельник. Утром, перед звонком, Николай Данилович, как обычно, проглотил свои пилюли, оставленные в коробочке на неделю сегодняшним врачом, допил оставшийся после завтрака остывший час с лимоном, после чего убрал посуду в шкапчик, смахнул со стола крошки и пыль, бросил корм рыбешкам («Эх, кот, кот»,—тоскливо вздохнул он), потом перелистнул перекидной календарь: сегодня шестнадцатое декабря 19... года.

— Новый год скоро, ох-хо-хо-о,— зевнул Николай Данилович,— через неделю женщины начнут готовиться, посуду из дома приносить. Эх, повеселимся...

Здесь позвонил сын, сообщил, что приехал с субботне-воскресной рыбалки, промерз до костей (в трубке при этом явственно прослушивался сладкий женский зевок).

«Весь мир по таким декабрьским утрам зевает,—подумал, ухмыляясь, Николай Данилович,— как бы не оженили дурака смолоду. А впрочем, пора бы: институт закончил, работает инженером... Только бы не попалась из тех, что по утрам в чужую телефонную трубку зевает. Такие ведь с шестнадцати до двадцати пяти лет по постелям полугорода проваляются, а потом начинают присматривать содержателя: с квартиркой потеплее, со сберкнижкой попухлее, машиной поновее да чтобы сам смотрелся...»

Положил трубку и уже в последнюю перед звонком минуту, когда за портьерой зашумели, перекликаясь, здороваясь, гремя стульями, собравшиеся женщины канцелярии, просмотрел в календаре записи на сегодняшний день: что сделать в первую очередь. Раздвинул портьеру, поздоровался: устно с канцелярией, рукопожатиями — с Петровым и Кефалиным. Шаловливо помахал рукой вихляво пробежавшей в пустой кабинет Начальника за папкой «На подпись» Татьяне Викторовне. Засим исполнил первую запись в календаре: с сегодняшнего понедельника начинался черед их канцелярии дежурить на вахте. Надо заметить, что к этому времени директор, оставив ставку Дмитрича за

официанткой из кают-кампании, выбил новую, мотивируя тем, что в учреждении открыта в торце (не Валентиновом, но в противоположном) вторая впускная дверь. Она в самом деле была прорублена, но использовалась только буфетчицей, официанткой и работниками столовой: им было неудобно выходить вместе со всеми, та как набитые их сумки создавали заторы.

Тем не менее, нового вахтера (конечно, на основную дверь) найти не удавалось, ибо ставка была горкомхозовская, низкая, всего 65 рублей, потому всех желающих встать на пост перешибал соседний завод, где стрелкам ВОХРы платили приличную зарплату с премиальными и где было такое обилие охраняемых дверей, что число вакансий не убывало.

Поэтому-то учреждение продолжало оставаться на самоохране. Это нововведение пришлось по вкусу самим служащим: для разнообразия жизни было недурно поглазеть день-другой в году на прохожих. Устраивало это и руководство: свободную ставку второго вахтера отдали нанятой посудомойке в кают-кампанию. По совместительству она развела там цветы.

В третьей канцелярии ответственным за дежурство был назначен, разумеется, Николай Данилович.

- Стелла! Сегодня ты дежурная по списку,— крикнул он в Кефалина ряд.
- Иду-иду, Николай Данилович,— Стелла тяжело встала, нехотя поплелась. Что-то с ней происходило. Самое удивительное, что это не было результатом замужества, не было связано с беременностью. К тому же она пожелтела сильнее всех в канцелярии.

Рабочий день начался, шел до обеда неспешно. Как всегда. И только когда Николаю Даниловичу принесли специальный его обед, в канцелярию вбежала старуха Маринина, ходившая в гастроном напротив стоять за языковой колбасой, которая, кстати, перед самым ее носом кончилась, и закричала истошно на всю комнату:

— Ой, бабы! Ужас-то: Стелла к стулу на входе приросла! У Николая Даниловича выпала поднесенная ко рту ложка и расплескала сборную солянку по столу, пиджаку, подбородку, стенке аквариума. Кто-то, приняв сообщение за шутку разошедшейся от колбасного отчаяния Марининой, несдержанно выкрикнул:

— Видно, тоже захотела обедать на подносе и с кофеём!— И голос осекся: у старухи Марининой на голове шевелились седые венчики волос, выбившиеся из-под гребешка. В комнате повисла тревожная, зловещая тишина, также внезапно закончившаяся. Все забегали, истерично закричали, едва-едва прорывались сквозь всеобщую панику успокаивающие по долгу службы голоса Петрова с Кефалиным, вскоре и самого Начальника. Всеми забытый в суматохе Николай Данилович остолбенело глядел на борта замызганного желтоватым жиром пиджака.

До конца дня никто более не садился на стулья, даже боялись прислоняться к столу, к стенам, ходили на цыпочках, стояли на пятках. Так и бродили по канцелярии. Кто-то плакал, а кто непрерывно глотал валидол или пил ложками корвалол. Начальник не выходил от директора, у которого собралось срочное совещание. В три часа пополудни женщины вскрикнули в голос: где-то под полом, под землей глухо ухнуло, даже показалось, что здание осело, сквозь щели в паркете прокатился слабый желтоватый дымок. Вьющимися кольцами он неспешно поднялся к потолку и исчез. Все терли глаза, таращились на пол: дыма больше не было. С визгом рыдала бывшая толстая девушка Настя. Постепенно женщины чуток успокоились.

В комнате говорили, что Стелла, сидя на стуле, два раза «падала» в обморок, а около учреждения дежурили три санитарные машины. В канцелярии также скоро появились и замелькали белые халаты. Начальник отвел свой кабинет под постоянный медпункт «Скорой помощи». Врачи поодиночке вызывали туда служащих. Дотошно, придирчиво их рассматривали. На каждого заводили медицинскую карточку с путающей

диагональной красной полосой на обложке. У Николая Даниловича от боли раскалывалась голова.

Как тому положено, медики оказались не готовыми к эпидемии, увлекшись в свое время академическим и таким спокойным исследованием привилегированного больного Николая Даниловича. Звонили в Москву по срочному тарифу, оттуда дали молнию в Палермо. Через два часа был получен ответ: на специальном, зафрахтованном Конгрессом самолете вылетают все наиболее видные деятели Международной комиссии по изучению НДМ-болезни. Летят они прямиком в город — рассадник этой самой НДМ-хвори.

Поскольку в создавшейся нервозной обстановке о работе не могло быть речи, то после завершения медицинских обследований всю третью канцелярию по письменному распоряжению директора отпустили домой за полчаса до окончания рабочего дня. Весь вечер Николай Данилович провел в беседах с оставленным на ночное дежурство врачом-интерном из клиники профессора. Около несчастной Стеллы, как сообщили Николаю Даниловичу, разбили целый походный медпункт с палатками, рентгеновским аппаратом, передвижной аптекой. Кефалин трусливо терся в канцелярии, не решаясь спуститься вниз к своей несчастной подруге. В конце концов он выскользнул из здания через торцевую дверь. Ночь Николай Данилович проспал с сильной дозой снотворного.

Наутро канцелярия вновь представляла собой гудящий улей. Как потом упрекали в верхах, и упрекали справедливо, накануне директор не решился без согласования выпустить приказ о временном прекращении работы в учреждении, дабы служащие оставались по домам на тревожный период, а так как приказа не было, то, опасаясь увольнения за прогул, все вновь явились в учреждение. Впрочем, директора можно было понять: никто сверху не указал, а проявлять инициативу в таком деле, когда даже отпуск без оплаты в газетах стали называть не иначе, как «прогул с разре-

шения администрации», кому на ум взойдет?

Со многими служащими, особенно с молоденькими девушками, пришли на работу их родители. С двумя женщинами, недавно справившими свадьбы, явились их мужья, взявшие на своих работах отгулы. Пришлые робко слонялись по углам, запуганные общей атмосферой страха, непривычным запахом сухости, какогото сладковатого тления. Часов до одиннадцати никто не решался хотя бы дотронуться до стула. То же самое, как передавали снующие врачи, наблюдалось в других канцеляриях учреждения.

Однако после того, как сам Иван Григорьевич прошел по канцеляриям, уверяя людей не впадать в отчаяние, не поддаваться панике, сначала кто постарше и посмелее, а потом остальные сели, даже изобразили видимость работы. Родственников удалось отправить домой. Как мессию ждали прилета бородатого профессора с полным составом Конгресса. Многие смотрели на Николая Даниловича со злобой. Тот же почему-то не поднимал глаз, хотя никакой вины за собой не чувствовал.

Служащие то и дело вскакивали, пугающе роняя стулья, проверяли: не приросли ли? Постепенно к концу дня успокаивались. Директор, так и не дождавшийся указаний свыше, хотя он делал телефонный запрос, решительно — пан или пропал! — подписал приказ о прекращении на неделю работы в учреждении с завтрашнего дня. Но все-таки он опоздал. За две минуты до прощального звонка глухой толчок сотряс здание, густой желтый дым пронизал насквозь, снизу вверх, всю канцелярию Николая Даниловича. То же самое произошло в других помещениях — канцеляриях и кабинетах — учреждения. Когда дым ушел, зазвенел звонок: «До-мой! До-мой! Дин-динь! Дин-динь!» В тот же миг случайные прохожие на улице услышали потрясший их до печенок стоустый крик ужаса, доносившийся из старинной постройки здания. Сотнями глоток в один голос вопило погибающее учреждение.

Мы не беремся описывать те несколько часов перед приездом из аэропорта примчавшегося из Сицилии Конгресса. Это свыше наших сил. Это ужасно, неэстетично, бесчеловечно — так пугать читателей.

Когда я, хладнокровный сторонний наблюдатель, вспоминаю, что творилось в канцелярии N 3, то в отчаянии хватаюсь за голову; один-другой седой волосок падает на стол. Я тоже сижу за столом. Я рыдаю.

В девять вечера к учреждению подкатила кавалькада отряженных горисполкомом машин; разноязычный говор дико, малопривычно зазвучал в стенах богом забытого учреждения, несмотря на вечерний час набитого плачущими родственниками, врачами из клиники, пожарными, милицией. Около учреждения маренговые шеренги в шапках с кокардами, в сапогах сдерживали толпу численностью в полгорода, собравшуюся поглазеть на рассадник загадочной НДМ-инфекции. После того как стало известно ужасное содержание происшедшего, до пятидесяти тысяч жителей в страхе покинули город²⁸, кто мог — срочно, в течение дня, оформили отпуска, уехали к родственникам в деревню, в санаторий, руководство — на зимние курорты в Карпаты и на Кавказ; неотпушенные в отпуска — на вечер и на ночь, сразу после окончания работы, уезжали на свои дачи, к родственникам на дальние окраины города.

Но в целом город панике не поддался: многие из числа здравомыслящих и умеющих логически соображать сочли, и очень справедливо сочли, учреждение не столько источником, сколько областью распро-

_

²⁸ Во избежание излишних и крайне неуместных здесь ассоциаций заметим, что данные строки были написаны в 1980 году. Это же замечание относится и к дальнейшим горестным описаниям в пятой части книги.

странения инфекции. Все говорило за то, ибо в почти полумиллионном городе других очагов НДМ-инфекции не наблюдалось. Элементов паники вообще могло бы не быть, объясни локализованный характер эпидемии по местному телевидению или радио, но, как назло, все, имеющие полномочия на разрешение таких разъяснений, в тот же день под вечер уехали в срочные командировки, к больным родственникам или, как уже было сказано, взяли отпуска. Некому было указывать и разъяснять.

Разноязычные профессора после краткой беседы в кабинете директора с самим хозяином, хотя и приросшим, но не потерявшим самообладания, разошлись по канцеляриям и вспомогательным служебным помещениям. Бородатый профессор координировал хлопоты десятка других профессоров, почетных и действительных академиков, аспирантов, а также большого числа рядовых городских врачей, медсестер. Сам же в первую очередь направился к старинному приятелю:

- Добрый вечер, Николай Данилович! Как самочувствие? Видите, что происходит... ума не приложу.
- Может, впрямь, инфекция?— робко ответил совсем подавленный растерянностью профессора столоначальник.
- Если только психическая, полагаю. Но ведь причина-то не в этом? Ведь у всех общие признаки: пожелтение кожи, общая слабость... Потом вот этот запах сухости, чего-то высохшего, сладковатого такого? Ощущаете? А то, что одновременно со всеми случилось, так это, на мой взгляд, что-то вроде массового психического шока после повторения вашего инцидента с той девушкой... внизу. Нечто вроде массового психоза, вызванного боязнью, накалом общей атмосферы да еще со зрительными галлюцинациями вроде желтого дыма... Это бывало и раньше, только с гораздо меньшими последствиями. А причина массового психоза повторение вашей болезни с девушкой это простое, хотя чрезвычайно редкое совпадение: возможно, несколько лет рассматривая, женское любо-

пытство неиссякаемое, упорное, вы знаете это! — вас по восемь часов в день, она все более и более, как то присуще опять же впечатлительным женщинам, идентифицировала себя с вами, ну, словом, мысленно ставила себя на ваше место и вот... доставилась!

Впрочем, было видно, что сам профессор ошеломлен, растерян происходящим. Меж тем работа в канцелярии кипела.

Прошел декабрь. Невеселый Новый год. Как это ни странно, но люди в канцеляриях успокаивались, как успокоился в свое время Николай Данилович. Успокаивались в том смысле, что истерики перестали носить массовый характер, плач и всхлипывания раздавались все реже, а кой-где порой звучали (простите меня, но это не кошунство!) смешки. Правда, робкие, несмелые, но... смешки.

Поразительную картину представляла теперь наша старая знакомая — канцелярия № 3: на срочно ассигнованные городскими властями, Красным Крестом и Минздравом средства каждому была сооружена кабина с раздвигающимися стенками, подведены необходимые коммуникации — все как у Николая Даниловича, но только попроще, подешевле, словом — массового изготовления. Беспрестанно звонили телефоны. Служащие переговаривались друг с другом. Между кабинами сновали посторонние учреждению люди: в белых халатах — врачи, в синих пищевая команда, уборщицы — в серых. Во избежание распространения инфекции все они были в противогазах, переоборудованных в противобактериологические скафандрах летчиков-истребителей. За спинами висели баллончики со сжатым воздухом. Все служащие упаковались в герметичные полиэтиленовые комбинезоны.

В окна заглядывало первое зимнее солнце, мороз разукрашивал узорами стекла с уличной стороны. Уборщицы через каждые пятнадцать минут включали приточно-вытяжную вентиляцию; свежий морозный воздух зимы на какое-то время вытеснял сухой запах тления, от которого было не по себе даже голубям на

чердаке: они покинули его в конце осени. Сухость эта, понятно, непереносима для стороннего человека, найдись, конечно, такой, но свои, сидячие канцелярские, как-то к нему привыкли. После проветривания уборщицы разбрызгивали по канцелярии аэрозольный увлажнитель, выпуск которого срочно освоил соседствовавший с городом химкомбинат.

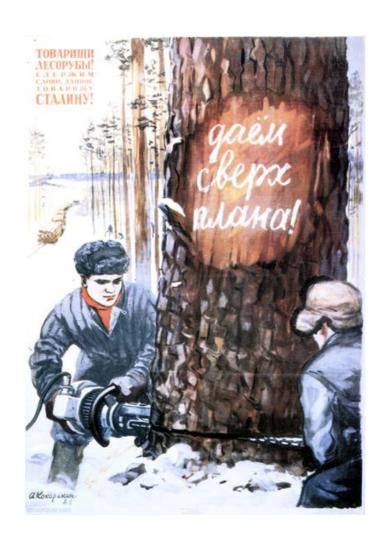
Канцелярия усыхала. Усыхали люди и деревянный остов бывшей женской гимназии.

Где-то в недрах окабиненного учреждения сидел навечно усаженный директор — Сам Иван Григорьевич. За совещательным столом, длинным, Т-образным, хлебали диетический медицинский суп трое случайно в тот роковой день задержавшихся на приеме до полушестичасового звонка подчиненных: начальник второй канцелярии и два руководителя группы из первой и четвертой канцелярий.

За тамбуром кабинета, в приемной, всхлипывая, печатала на машинке протокол заочной телефонно-селекторной диспетчерской примерзшая к своему вертячему стульчику без спинки Ниночка.

В своей канцелярии рисовал печальную стенгазету с новым названием «Выдержим!» сидящий на вечном стуле учрежденческий художник Иван.

А в третьей канцелярии навсегда уселись наши стародавние знакомцы. В своем кабинетике просто, демократично сидел на диване Семен Игнатьевич и уже месяц беседовал с сидящей рядом, чуть потускневшей от горя Татьяной Викторовной. Три столоначальнические клетушки были растворены друг другу раздвинутыми боковыми портьерами. На столе Кефалина стояла шахматная доска и часы (второй комплект был у Николая Даниловича, так что играть они могли попарно в любом сочетании). Игравший с ним партию Николай Данилович зорко смотрел за фигурами, дабы

хитроватый Ефим Маркович не сплутовал, командовал очередной ход:

- Ладьей на эф-шесть!
- Есть!— Кефалин двигал луковичную головку ладьи, а другой ладонью хлопал по головке часов.

Петров сидел на высадку, с интересом косился на доску, дожидаясь своей очереди.

В канцелярии сидели без малого три десятка женщин: обе Веры, подруга одной из них, Нина Тимофеевна, 26-летняя экономистка Крещетникова, Антонина и все остальные. Стоял шумок: женщины либо разговаривали друг с другом, по-соседски раздвинув портьерные перегородки между своими столами, либо же принимали оскафандренных, печальных родственников: мужей, родителей, детей и двоюродных сестер. Где-то тихо плакали, кто-то посмеивался. В портьерных коридорчиках прохаживались медсестры и уборщицы с таблетками, порошками, шприцами, горшками (пардон!), тарелками каши, щами, бутербродами, свежими номерами «Здоровья» и только что полученными письмами.

Специально нанятые курьеры безошибочно разносили деловую переписку, ибо учреждение, как это ни странно, работало. Целесообразность последнего была единогласно признана врачами: для поддержания тонуса и жизненного оптимизма несчастных служащих. За основу были взяты пример Николая Даниловича и лозунги: «Труд — основа и смысл жизни», «Лучшее лечение — труд!».

Так что в жизни здешних служащих вроде бы изменений не произошло, не считая, конечно, того, что они не могли перемещаться в пространстве да еще все получали теперь специальный обед, равно как завтраки и ужины. Впрочем, за них вычитали из жалованья. Врачи отмечали, что в третьей канцелярии обстановка намного лучше, нежели в остальных подразделениях. Сказывался своего рода аутотренинг, подсознательно проводимый служащими в течение нескольких лет наблюдений за провозвестником — Николаем Даниловичем.

Петров все свое свободное время ругал Валентинова, предрекшего в знаменитом «Венке» его печальную судьбу. Он сделал переоценку ценностей, теперь врагом N_2 1 был покойный поэт. Впервые в его жизни проклятая теща отошла на второе место.

Еще через месяц учреждение жило нормальной деловой жизнью. Это было очередным чудом коллективного труда: адаптация к изменяющимся условиям существования людей в сообществе, которая произошла в несколько раз быстрее и намного безболезненнее, чем та же процедура в сознании одинокого некогда в своем несчастье Николая Даниловича.

Но чем же занимались канцелярии этой страшной зимой? Да тем же, чем в предыдущие несколько десятилетий своего существования, а точнее — в предыдущие столетия от своего основания при Петрушеусатом. По-прежнему проводились — теперь заочные — совещания, планерки, диспетчерские, митинги, собрания, товарищеские суды, заседания профкома. В третьей канцелярии писались отчеты, составлялись сводные ведомости: декадные, месячные, квартальные, годовые. Из-под рук трех десятков счетоводов и бухгалтеров выходило множество другой, более мелкой по ранжиру бумажной документации. Николай Данилович, кроме того, продолжал работать по перспективному плану охраны тайн в канцелярском делопроизводстве. Поскольку план этот был утвержден еще три года тому назад, то не совсем подходил по духу и букве под нынешний сидячий образ жизни канцелярий. Но поскольку утвержден он был главой учреждения и включен в общий план работы, который никто не отменял, то выполнять его нужно было невзирая ни на что. Поэтому еженедельно Николай Данилович представлял директору корректировки с учетом изменившихся условий. Коррективы одобрялись.

Так, например, Николай Данилович открывал поутру в среду первой недели февраля свой календарь и читал: «...n. 2. Составление проекта инструкции об ограничении выхода сотрудников в рабочее время за

пределы учреждения в соответствии с планом мероприятий по укреплению производственной дисциплины *и сохранности документации»*. И составлял в течение первой половины дня этот проект, где предписывалось введение пропусков со специальными отметками в виде оттисков контуров птичьих голов, причем каждая птичка гарантировала впуск только в одну канцелярию, но закрывала путь в какую-либо иную. При этом каждой канцелярии соответствовала своя, определенная ее статусом птичка: первой аристократической орел, второй – голубь, его, Николая Даниловича, собственной трудолюбивый дятел и т.п. Кроме того, в проекте предусматривалось запрещение ухода из учреждения в рабочее время без специальной служебной записки с указанием точного времени выхода и возврата, подписанной начальником канцелярии с визами руководителя группы, главбуха, завхоза и зав. архивом Семенкиной. В заключение на записке расписывался выпустивший подателя оной из учреждения вахтер.

Далее Николай Данилович перебеливал инструкцию, вносил, с учетом создавшейся ситуации, коррективы: слово «выход» заменял уточнением: «возможность выхода». Все это полуденный курьер уносил в кабинет директора, от него — в печать к Ниночке. Размноженный документ разносился для исполнения по всем канцеляриям.

Так шло ИХ ВРЕМЯ, их — пока еще...

По вечерам Николай Данилович теперь не отдыхал, а страдал неимоверно: до поздней ночи кричали женщины, многочисленные их родичи. Правда, мучение это скоро было снято с повестки дня: всем сотрудникам выдали антифоны. Теперь, воткнув антифоны в уши, Николай Данилович погружался в любимое отныне занятие: чтение и глубокое обдумывание оставшихся от Валентинова бумаг. Их нашли чуть позже объявления прощального венка сонетов, нашли в полиэтиленовом (от сырости) пакете под самодельным столиком в аллейке поэта, нашли при планировке заповедного уголка, который всплыл-таки в памяти зав-

хоза, решившего построить там сарайчик для хранения пришедшей в негодность, но еще не списанной канцелярской рухляди. Бумаги доставили, по распоряжению Ивана Григорьевича, для сохранности от огласки Николаю Даниловичу.

Поначалу записки поэта показались тому дикими, несуразными, весьма пессимистическими, но впоследствии горькая правда мыслей одинокого, отчаявшегося и умирающего поэта, а более — человека, неудачника в жизни, покорила сердце впервые задумавшегося над смыслом бытия канцеляриста. Поздно, но задумавшегося.

Были это исписанные нервным почерком в часы бдений за канцелярским столом, продуманные во время прогулок по глухой аллейке мысли безвременно умершего поэта-любителя. Николай Данилович попросил свою секретаршу-общественницу Веру перепечатать их на машинке и читал на сон грядущий, отгородившись портьерой и антифонами от усыхающего мирка канцелярии, избранные места из душевных откровений Валентинова:

МАКСИМЫ И МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ УМЕРШЕГО ПОЭТА ВАЛЕНТИНОВА

-1-

— Что есть жизнь?— я задаю себе этот вопрос и дико хохочу: стоило ли жить на свете четыре с лишком десятка лет, если ты не знаешь смысла своего существования? Это патология рода человеческого: задавать себе именно этот вопрос и тем чаще, чем ближе ты стоишь к могиле.

—2—

— Что я получил от жизни? За время моей канцелярской службы я получил от нее лысину, нездоровый цвет лица, великолепнейшего оттенка цинизм канце-

лярского служащего. Благодаря этому качеству я могу одновременно сосуществовать в двух ипостасях: счищать верноподданнически пушинку с рукава пиджака Несмеянова, а в душе смеяться над его ничтожеством, даже пиджак его более почитать как материально много полезную вещь, чем того, на кого, а вернее — на что, этот пиджак надет: ничтожная, зарвавшаяся человеческая слизь. Я не удивился бы плюнь он мне в лицо, просто так, от нечего более делать. Я бы утерся и вежливо поблагодарил за счастье ощутить этот плевок на своем лице, а в душе — пожалел бы несчастного за его неумение даже изобрести более оригинальное издевательство. Бедный, ничтожный Начальник! Ты настолько глуп, сер, мерзок в своей самодовольной никчемности, что я тебя даже не раздавлю своим сапогом великана: это скользко, противно давить слизняка.

—3—

— Что дала мне жизнь? За время моей канцелярской службы она дала мне лысину, нездоровый цвет лица ... (см. предыдущее).

Мысль, которую я подслушал в трамвайном разговоре: «Он в жизни растекается и тянется во все стороны, как паук со своей паутиной». Умно для трамвая? Этот домодельный афоризм показался мне великолепным. Не я ли тот паук? С тем отличием, что моя паутина растеклась бог знает по скольким углам, но, в отличие от настоящей, паучьей паутины, она не создана как оружие для поимки жар-птицы счастья: комара или жирной навозной мухи. Потомуто в применении к человеку этот афоризм — укоряющий, уличающий в многосторонности, многонаклонности характера, результатом чего, как известно, является холостой ход жизни, абсолютная непродук-

тивность для общества, мира, страны, даже — для ближайших родственников. Только узкая специализация, так называемая одержимость, увлеченность одной идеей, дает полезный выход.

Бедный, бедный я поэт!..

—5—

В чем смысл моей работы, той самой, за которую получаю свои 100 рублей в месяц плюс нерегулярные квартальные премии? Я занимаюсь ею уже пятна-дцать лет и скажу одно: в постепенном нисхождении до уровня мышления обезьяны. И это венец четырех (а может — пяти?) тысячелетий цивилизации от вавилонских и шумерских времен?

—6—

Но ведь я не обезьяна?! Ведь макака не сможет писать стихи, хотя удается ее выучить мыть руки (лапы?) после туалета, чистить зубы по утрам, носить очки, с задумчивым видом сидеть по восемь часов в день за моим столом. Поэтому правилен вывод: такая работа создана (о, хитрость эволюции рода человеческого!) специально для таких, как я. Руки механически выписывают цифры в столбцы, а голова занята своим, высшим, творческим. Ведь должность моя совершенно не затрагивает голову; она свободна для мыслей высоких, умных. Должность моя на исходе ХХ века — анахронизм, следствие минимальной автоматизации и организации (или, как сейчас модно говорить: компьютеризации) информационно-статистического труда. Кто виноват в этом?— Может, те, кто в свое время объявили кибернетику лженаукой — Лысенко и Ко? А ведь основы-то ее заложил не американский еврей Норберт Винер, а за десятилетия до

него русский марксист $A.Богданов^{29}$, а еще раньше императорский министр финансов?

Может, виновато Министерство электронной промышленности? Не берусь всех их рассуживать, но знаю, что мою должность вполне может исправлять пара-тройка микропроцессоров суммарной стоимостью четвертной, потребляющих за год электроэнергии на 3,4 копейки.

А бабы в канцелярии? Они что, тоже пишут стихи, либо сравнивают «вещь в себе» Канта с платоновскими «идеями»? Нет, они-то думают много, больше меня они думают: где купить мясо на ужин мужу и детям, почему этот самый муж три дня подряд приходит домой в одиннадиать вечера, говорит — из пивной, но пивом-то не пахнет от него (?), где взять сто рублей с мелочью на золотую цепочку (вот у всех в канцелярии есть, а у меня нет...), как старое платье старшей перекроить на младшую дочь, отчего это Валентина Тихоновна с утра так весела и зевает, хотя муж у нее вторую неделю в командировке?

Так что уйми свое раздражение: не один ты такой умный, что догадался, для чего придуманы канцелярии. Не суди примитивно о людях, окружающих тебя. Так-то, дорогой!

Кстати, знаете, какая самая ненавистная песенка у нынешних женщин, имею в виду самых молодых, последней формации? Ни за что не догадаетесь: это ностальгическая песенка времен моей молодости: «Не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить, но зато в эти ночи весенние я хочу о любви говорить...» Первые две строчки заставляют их презрительно-жалостливо сморщиться, вторые же — вызывают неподдельный гнев обокраденной: «Смотрите, девки! Он с ума спятил...»

Ч. 1—3. Берлин — Москва: Изд-во Гржебина, 1922.

²⁹ Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология).

Вы говорите, что я не люблю людей, что циничен, а цинизм — это любовь только к себе! Что вам ответить?.. Самое странное, что я их люблю. А что значит «любить»? Это значит видеть в них свое подобие. Не новая далеко мысль, что человек любит не кого-то, не индивидуализированный объект своей любви, но лишь объективирует на нем свое «Я». Я люблю ее — значит, наделяю ее же воображаемым подобием своего характера. Высокие авторитеты подтвердят это³⁰.

Это значит, что я — тоже подобие всего этого гомозящегося скопища, а они — мое второе «Я». Нас породнила, одинаково вымуштровала жизнь канцелярии. И в чем мой цинизм? — В том только, что одновременно я ненавижу эту духовную клоаку, маскирующую за канцелярщиной любой свой порыв души, значит, ненавижу свою личину, внешне лицемерную, гнущуюся в нижайших поклонах...

—8—

Хорошо завести собаку, купить ружье... Ходил бы по осени на охоту. Какая прелесть: идешь по красному лесу, а то по чернотропу, нет... лучше по красному лесу. Идешь, листья шуршат под ногами, ветки лопаются — высохли за лето, а осенние дожди еще не промочили. Тишина, спокойствие, сентябрьское солние нежаркое. В тишайшем воздухе плавает дымка, от ближнего пригорода пахнет сжигаемыми листьями: горький аромат. Легкие растворяются в таком воздухе; уже не как нечто чужеродное воспринимаешь его, как в городе, а сливаешься с этой золотой осенью. Собака — белая в коричневых пятнах легавая — зигзагом бежит впереди, кинется то в одну, то в другую

 $^{^{30}}$ Гете «Ученические годы Вильгельма Майстера», Ницше «По ту сторону добра и зла», Моруа «Письма к Незнакомке», и т.п.

сторону. Лай — и с лесного озерца поднимается стая отдыхающих на перелете уток.

Бба-бах-ахх-ах!— из обоих стволов, и мокрая Белка несет пеструю крякву, косит глазом на машущего крылом подранка. Кровь, азарт безо всяких телячьих воздыханий. Хладнокровно бьешь по подранку. Не ушел! Подвесил обеих к поясу, набил трубку «Капитанским», пахнул дымком в предвещающую зиму синь неба. Белка умильно смотрит на уток, аккуратно подлизывает капающую из клюва кровь. Прелесть. Тишина. Радость жизни. Антоновские, словом, яблоки!

Куда там... Где собаку держать? Днем она (да еще охотничья жилка) обвоется в запертой квартире, соседи вмиг в ЖЭК, оттуда в милицию. Аккурат к самой охоте — участковый с папочкой под мышкой: протокол, внушение, штраф. — Чтоб больше не было! По становление горисполкома.

На охоту? С ума ты, Валентнов, сошел. Охота считанные дни в году, а до июня месяца будь добр уплатить червонец пошлины, да вступительные сейчас кусаются, да трояк за каждый ствол? Без путевки в лес ни-ни, а дадут — куда дадут? Не будет там золотой осени, один затоптанный чернотроп. Пока доедешь на перекладных, бока обломаешь. Если и доберешься,— воздух там отравлен соседним химическим гигантом, загадившим пол-области. Последнюю утку шлепнули десять лет тому назад. Вообще, тебя, Валентинов, в охотники не запишут: ты ведь как-то, покутив в ресторане с девчонками из сельхозтехникума, в вытрезвитель угодил, а вытрезвленным сколькото лет охота запрещена!

Старый ворон? Антоновские яблоки! Размечтался... помещик! Ешь базарную грушовку, Валентинов.

Отпуск, отпуск! Вроде святое время, но куда по-едешь в июне? На юг — денег нет, юг забит, на поезд

не сядешь. Путевку в санаторий?— Пожалуйста, на декабрь. Вот и бродишь по городу. Пива нигде нет. Город в жару вымер. Куда же население подевалось? Может, в турпоходы все... того? «Дымный город, пыль и скука, кактусы кирпично-грязных труб. При создании Господь был скуп: истомленно-ноющие фабрик звуки».

— 10 —

Мои милые сонеты. Вы являетесь ко мне, маленькие, четырнадцатистрочные спасители³¹. На что упадет мой взгляд — то и порадует явлением нового сонета. Мои маленькие друзья. Без вас бы я погиб. Одиночество... бр-р-р!

Мерзко. Тихо, дымно, тянет в форточку сероводородом из пригорода — под землей, в преисподней тлеют угольные пласты станции «Подземгаз».

-11-

Одно спасение — в стихах. Нет, даже не в своих. Они стихи — моя жизнь, мое отражение. Рифмованные строчки также порой хотят повеситься вместе со мной. Только они, чужие, но близкие мне стихи, спасают в минуты отчаяния. Мои добрые гении, спасители в дни и ночи отчаяния: «Мой гений Игорь Северянин, его поэзы в памяти лежат, они скандалят, дразнят и... грустят, а Игорь — музы господин и полонянин».

Где ты, мой Игорь? Увы, не в нашей канцелярии. Да там бы ты не высидел более часа. Или смог? А в обеденный, узаконенный перерыв сочинял свои «Медальоны»...

³¹ «В сонете особенно четко выражен закон искусства: наибольший эффект достигается наиболее скупыми художественными средствами» (И. Бехер). — Примечание на полях рукописи Валентинова.

Книги, книги, книги... Вы тоже спасаете меня от действительности, как спасли дотоле не одного поэта, беззащитного в жизни. Это только Крыжовников защищен, как волк клыками. К тому же он под опекой короля Дании. Или королевы? Кажется, сейчас там королева.

Я, сорока с лишком-летний поэт, только и нахожу успокоение, отраду, любуясь вашими рядками, уставившими полки в этой ободранной комнатушке с заплеванным полом, с вечными клопами в диване.

Обложки, обложки — лица книг. Мой взгляд остановился на переплетенных «нивских» приложениях. На обложках из ветхой синей оберточной бумаги фигура смотрящего в неведомую даль фиорда викинга: «До горизонта тянется фиорд и ломаная голь березок, скругленная в бореях и морозах. — Тяже́ло дышит синий норд».

— 13 —

Сверкнул метеорит, прочертил полосу по небу. Но сам-то камешек далеко-далеко до Земли не долетел. Сгорел. Ночью в теплом сне приходят видения: то ли плод вечерних размышлений, а может, следствие прослушанной последней лекции Гавриилова с доказательством безбожия космоса: «Взорвалась пустота — сверхразреженный вакуум, забегали спиральные миры, и растеклась Вселенная пролитым в воду лаком, дробящимся на зыбкие шары».

— 14 —

Николай Данилович? Может, он счастлив? Как все сидящие в канцеляриях обезьяны счастливы. Я вот несчастлив — тихий, воспитанный циник. А Николай Данилович? Кто он: новый Диоген, мудро заточивший себя на стуле, тем самым выразив протест против идиотизма, имеющего быть с половины девятого по

половину шестого пополудни? Или он — попавшая в клетку обезьяна? Не знаю, его я еще не разгадал. Но что меня тянет к нему? Ведь не только дармовое пиво?

— 15 —

Какие имена, какие даты?.. Вчера было сто-со-сколько-то-летняя годовщина рождения Льва Толсто-го. Столько лет тому назад в муках родился бородатый мужчина в сапогах, в толстовке. Создатель самой новой религии. (Впрочем, нет, лектор Гавриилов говорил, что самая последняя к нам по времени религия создана баптистами-инициативниками на станции Узловая.) Вчера же умер — то есть вчера была годовщина смерти, прожив столько же лет на свете, председатель Мао — начальник китайцев, создатель новейшей религии двадцатого века. А что? Будут новые религии, новые мужчины с бородами, в сапогах или в глухих кителях.

-16-

...Уехать бы на зиму на Маркизские острова. Либо но соседние — Туамоту.

— 17 —

Одна радость у служащего — поесть. Потому женщины целыми днями хрумтят яблоками, закусывают пирожными, пирожками, бутербродами различными: с сыром, с сервелатом (в послепраздничные дни), с севрюгой (Горюшкин, у него мать на базе работает) иногда с «краковской», но чаще всего с обычной варено-крахмальной, с мелкой селедочкой-иваси. Приносят к обеду сметанные и пол-литровые банки с вареньем малиновым, яблочным, черноплодным и специальным — из недозрелого крыжовника. У Нади Кокшуевой родня по мужу сестры живет в Кутаиси, поэтому иногда она приносит на работу диковинное

по вкусу варенье из маленьких помидоров-пальчиков: можно с ним чай пить и водку закусывать!

Я же по бедности и бессемейности закусываю бесконечный рабочий день бутербродами с простой — по два двадцать — колбасой, с российским, местным сыром. После премии — с колбасой эстонской, сыром с крилем, что намазывается на хлеб.

— 18 —

Мой Начальник — очень представительный мужчина в кремовом костюме с искрой. Прекрасно поставленный баритон. Я им — это честно! — порой любуюсь, порой же хочется смотреть ему преданно в глаза, по-собачьи визжать от восторга, лизать его зеркально начищенные ботинки. Я его боготворю! Он сильная личность. Эта ли причина, да, скорее, она, соединившись с подспудно внедрившимся в меня канцелярским чинопочитанием, создала дьявольский симбиоз: я готов преданно хихикать, ползать возле него на коленях, а в душе презирать его, как никто более, смешивать в восприятии с дерьмом, мысленно растирать своим каблуком, как плевок на щербатом полу... впрочем, я уже об этом где-то писал. Сколько же оттенков имеет ненависть?!

Меня прошибает пот, когда думаю об этой чудовищной раздвоенности. Кого винить? Себя? Тебя? Его?.. Весь этот каверзно устроенный мир?!

-19-

Мне часто снятся по ночам кони. Много коней с развевающимися гривами и хвостами. Ржущие тревожно, манящие черт-те куда. Ковыль степи, изумительные запахи просторов.

Наверное, сойду с ума в этой канцелярии!

Наше учреждение сохнет, усыхает. Это я понял, наконец. Это правда. Вчера, прогуливаясь по своей аллее, почувствовал странный запах сухого, сладковатого тления, запах старого сухого чердака — пристанища голубей, их могильника. «Откуда он может идти?» — подумал. Принюхался: запах шел от здания. Подошел вплотную к стене: отдавало тлетворной сухостью. Отковырнул кусок отсыревшей штукатурки у самой земли, обнажилось бревно деревянного сруба бывшей 1-й городской женской гимназии, построенной в 1889 году на средства благотворительного купеческого общества (дворян в городе жило мало), открытое торжественным молебном в присутствии губернатора, освященное местным архиереем. Пел хор из соборной церкви Николая Мирликийского, гимназистки в белых переливах стояли трогательноторжественными шеренгами.

Дерево ссыхалось, даже у самой земли, фосфоресцировало. Сила ссыхания была столь велика, что выгоняла наружу даже окаменевшую за сто лет смолу. Запах сладковатый, от него сушило во рту. Так не стареет обычное дерево. Так сохнет шкурка кролика в жарком, но темном сарае; летняя шкурка никуда не годится. Мясо-то в суп, но экономному хозяину жаль выбрасывать негодную шкурку. Авось сгодится! Этот запах особенно чувствуется в ночной свежести, когда ранним утром прихожу в аллейку до начала работы. Конкурирует он только с запахом, разлитых с вечера в темноте неаккуратной хозяйкой помоев.

— Мумифицируемся мы в этом учреждении!

—21 —

Сегодня Начальник был зол, безо всякого повода накричал на меня, назвал стихоплетом.

Ax, он мерзавец (нецензурно).

— 23 —

Хорошо бы закусить, а то сегодня на обед ничего не взял. В холодильнике пусто, кончилась колбаса, лишь сухую корочку сыра отыскал; нет ничего противнее. В желудке свербит. В шашлычную сходить, что ли? Да там ждать: пока официантка на тебя внимание обратит, пока принесет... Вот давеча по телевизору передачу смотрел про нью-йоркские закусочные-автоматы — «макдональды». Выбор — три десятка блюд, купил на входе жетонов, опускай себе в нужные щели: выскакивают сосиски, бутерброды с чем хочешь. Быстро, дешево, удобно. Даже осторожный комментатор ЦТ этим, восторг голосом изобразил!

Вспомнились годы молодости, конец пятидесятых — начало шестидесятых годов. Тогда Никита Сергеевич, любивший перенимать всякие полезные обычаи, поездил иже по свету, в Америке побывал. Видно, насмотрелся он там разных автоматов, иначе почему в год единый эти автоматы отечественной, хотя грубоватой, но надежной постройки наводнили наши города? Был настоящий автоматный бум. Зайдешь в галантерею галстук присмотреть, а там одеколонный автомат: бросил пятиалтынный старый — тебя с моторным рокотом сбрызнет щедро тройным, цветочным или «Кармен». В продуктовых установили спичечные машины: за копейку коробок выбрасывает. И как деликатно поступили, не в пример чему иному: спички-то тогда восемь копеек дореформенных стоили, в автомат их не бросишь, поэтому в автомат совали гривенник (впоследствии переделали на новую копейку), а заряжали их специальными коробками, в которых на десять спичек больше, чем в обычном восьмикопеечном коробке!

Много других диковинных аппаратов появилось, улицы уставили газированными агрегатами, квасными. Пивные и распивочные переделывались под кафе автоматы: двадцать — кружка пива, пятьдесят в наборе из 10, 15- и 20-копеечных — стакан семьдесят седьмого портвейна.

Сейчас все забылось, но ведь полноформатные «макдональды», все того же отечественного производства успешно работали! Помню, на практике, когда в холодильном своем институте учился, два месяца в Мурманске жил, работал на береговой базе Тралфлота, в холодильном цехе... В общежитии ни буфета, ни тем более столовой не было — старенькое такое двуэтажное общежитие, говорят, одно из немногих довоенных зданий, что в войну не было разбомблено или сожжено — утром встанешь, умоешься и бегом на свои холодильник, и посреди пути, на площади у железнодорожного вокзала, напротив него, стоял этот самый «макдональд», которому сейчас, спустя тридцать почти лет, телекомментаторы изумляются. Назывался он кафе-автоматом, помешался в новом кирпичном пятиэтажном доме, занимая весь цокольный первый этаж. Фасадом были непривычные тогда окна в рост этажа, отделенные друг от друга полуметровой ширины опорными бетонными стояками. Внутри же все три рабочие стены уставлены застекленными многоэтажными подъемниками-подносами, на которых находилось все, что могла пожелать широкая душа любителя наскоро, но сытно поесть: от бутербродов и холодных закусок до сарделек, исходящих паром, бульона с плавающими половинками и четвертушками круто сваренных яиц, кофе, чая неподозрительной заварки. Беспрерывно опускались в щели автоматов гривенники, пятиалтынные и двадиатники, и так же непрерывно струились, опускались сверху бесконечные подносы с едой. В зале стояли новомодные высокие столики без привычных стульев сбоку, а за столиками, как где-нибудь на 6-й авеню, закусывала самая пестрая публика, впрочем, ведшая себя благопристойно: от перелетноделового люда навроде меня самого до спешащих из отпусков на свои базы капитанов первого ранга. В уголке торопливо глотали дешевые селедочные закуски бичи из торгового порта; основательные гражданские, приехавшие еще с вечера за водкой из дальних гарнизонных городков, где действовал сухой закон, закусывали дорогими икряными бутербродами, готовясь в обратную дорогу. Шесть — восемь минут — и я сыт, нос в табаке, бегу к проходной холодильника по дощатому тротуару вдоль бесконечного деревянного забора, крутя на ходу носом от неотрывного мурманского портового, сногсшибательного запаха соленой и вяленой трески...

Так было, а когда теперь рассказываю сослуживцам то снова хохот! Ну и мастер ты, Валентинов, на сочинения! Тебе не стихи писать, а романы! Выдумал такое: закусочная или кафе с полной автоматизацией обслуги? Это ведь только там... А у нас лишь название фирмы Макдональда неизменно присутствует на рекламных бортах хоккейного поля, когда смотришь по телеку мировой чемпионат. Горюшкин аж вскипел однажды, слушая мои мурманские вспоминания: «Автомат, говоришь? Макдональд советский! Вот вчера в Москве был, бежал с метро в ЦУМ мимо «Метрополя» — жарища под сорок, иностранцев толпы, а на самом входе в гостиницу — стол, подозрительно белой скатеркой застеленный, за столом стоит в белом переднике бабища пудов под семь, приторно улыбается. А на скатерке-то два графина с какой-то мутной жидкостью, аж кипящей от жары. Мухи вокруг, пылища! Иностранцы, те для памяти фотографируют. Вот тебе автомат! Болтун ты. Кто же позволит этим автоматам исправно работать, да и вообще работать, если у него украсть нельзя?..» Верно, Вадимушка. говоришь, верно. Вот в том вся соль: кто позволит?! Вот потому все эти автоматы в скором времени исчезли, как сон мимолетный. Ибо он украсть не даст и обиходу требует.

А все-таки был «макдональд» наш, был. Сам два месяца питался в нем; когда не хватало на сардельки-

сосиски, то не брезговал пельмешками мясными; под конец проживания в северной столице, когда с барышней одной познакомился и поиздержался — пришлось сводить на вечерок в «Арктику», — с удовольствием трескал пельмени «мурманские» — из рыбы. И в других городах были: кое-кто вспомнил. Серийно выпускались «макдональды».

Еще пяток лет тому назад в магазине «Ткани», что в Шахтерском поселке — туда из центра надо на сорок третьем автобусе добираться, — висел и действовал одеколонный автомат. Случайно обнаружил, раза два ездил посмотреть. Заметил, что многие люди моего возраста вроде не по делу приходят в этот магазин, а смотрят на автомат, вспоминают молодость. Ностальгия... Все же как сухо в нашей канцелярии?

— 24 —

...У меня есть кошмарное предположение...»

На этом месте рукопись Валентинова обрывалась. Николай Данилович складывал прочитанные листочки, аккуратно сочленял их скрепкой. Стояла ночь. Люди в своих портьерных боксах храпели, часто дышали, тоскливо вскрикивали, повизгивали во сне. Снилось им страшное, безысходное. Николай Данилович гасил настольный свой свет и мучительно засыпал со снотворным, ощущая, как деревянит его суставы, першит в горле от вселенской сухости канцелярии.

Всю долгую морозную, малоснежную зиму канцелярия являла собой малопонятное и мучительное для сторонних людей зрелище: за портьерами, отгородившись друг от друга, усыхали и обугливались мумифицирующиеся люди. Заметно поредели в численности прежние добровольцы, исполнявшие обязанности уборщиков, курьеров, медсестер. Все больше теперь под полиэтиленовыми комбинезонами виднелась армейская форма; добровольцев, возвратившихся за истечением времени на свои трудовые фронты, сменили

санитары в погонах³². Спасения не было. Тлетворный запах сладковатой сухости затопил центр города, выкатываясь через окна учреждения. По ночам остов здания фосфоресцировал.

Настал еще более тягостный момент: уже шаги людей отзывались страшной болью в телах пригвожденных канцеляристов. Оседало, сморщивалось здание, бревна сруба трещали, усыхая. Штукатурка отпадала снаружи, сыпалась изнутри лохмотьями. Когда падал с потолка на подвешенную по всей площади канцелярию арматурную металлическую сетку пласт штукатурки, ужасный вопль пронзал учреждение, вставали дыбом волосы на головах родственников, толпившихся на тротуарах у здания день и ночь. В помещение их более не пускали, распорядившись еще месяц тому назад попрощаться с обреченными: боялись общего обвала здания, а также инфекции.

Появились первые... их не знали, как называть: они сохраняли весь человеческий облик, только уменьшались в два-три раза, обугливались, окаменевали. Выносить их было нельзя: всякое прикосновение вызывало страшную боль у живых еще соседей. Ужас!..

Где наш Николай Данилович? Увы, мы уже ничем не можем выделить его среди остальных сотен. Он — не один, он вновь воссоединился с коллективом в страдании, он лишь — первоноситель загадочного НДМ-заболевания и более никто.

Конгрессы НДМ-исследователей собираются один за другим, перерастая в одно непрерывное полугодовое заседание. Каждый месяц печатался том-другой «Трудов». Ежеквартальник комитета срочно переродился в еженедельник. Бородатому почти что освобо-

³² Просьба не перепутать: уже в новое, потенциально гибельное для канцелярий время, один литератор в радиопередаче «Писатель у микрофона» назвал «санитарами в погонах» прапорщиков из персонала ЛТП.

дили член-корреспондентское кресло в АМН. Профессор все глубже и глубже проникал в вопрос, в загадку постижения изначальной сущности НДМ-болезни. В этом ему помогала по мере сил подруга Людмила Сергеевна, также спасенная своевременным переводом в университетскую клинику на должность ординатора в отделение общей патологии. Поскольку она счастливо сочетала в себе медицинский профессионализм и долгие годы работы в очаге НДМ-инфекции, профессор счел ее наиболее подходящим объектом для сравнительного психофизиологического исследования, а потому, с разрешения ее мужа и собственной жены, мотивированных ходатайствами очередного Конгресса, пациент и исследователь стали часто уединяться на день-другой, а то и на неделю в ближайшем зимнем санатории, где для экспериментов и работы им предоставили отдельные помещения. Профессор возвращался с этюдов очень бодрым, отменно оптимистичным, говорил, что добровольная помощница совершает трудовой подвиг. Но никто в мире не мог помочь НДМ-больным.

В вялой жизни учреждения неокаменевшие еще служащие пытаются по инерции работать, хотя давно горкомхоз не спускает им директив. Редко-редко прозвенит заглушенный телефон... от директорского кабинета тихий голос Ивана Григорьевича опросит начальников канцелярий о состоянии пла-а-а-новв... Молчок в ответ. Еще день-два, и телефоны отключены, ибо даже удары трубки о рычажки сводят с ума от боли десятки окрест приросших людей.

Так печально закончило свою работу старинное учреждение. Теперь была одна большая палата НДМ-больных.

Еще есть кой-какие проблески жизни: Николай Данилович пытается прочесть на ночь строчку-другую Валентиновых пророчеств; два иссохших карлика, сидящих полуобнявшись на диване — Начальник и Та-

тьяна Викторовна, — пробуждаясь от спячки, пробуют вспомнить: кто они? Почему?

Но болезнь прогрессирует.

И тема наша исчерпана: раз это уже не канцелярия, а лазарет, то пусть его описывает кто другой, благо сейчас все грамотные. В последнее время в литературе большой приток сочинителей от скальпеля и шприца, в наших планах было только описание жизни и гибели канцелярии. Все нужное сказано — что просилось на бумагу.

Аминь!

Конгрессмены гадали: учреждение простоит, продержится — если не подуют сильные ветра, — еще с полгода. Но мучения людей прекратила жалостливая природа. Заканчивалась зима, в город ворвались вестники весны: теплые южные ветра, грачи и юные парочки в полуоттаявших городских скверах. Вот-вот на реке случится ледоход. Младшие и средние школьники размечтались о каникулах, десятиклассницы — о первой серьезной любви, десятиклассники лихорадочно выбирают между институтом и военным училищем.

Весна, весна, твои законы неизменны, твои запахи всех взбудоражили. Даже средоточие любовного начала канцелярии — обуглившаяся Татьяна Викторовна,— собравшись с силами, с гримаской отдаленного кокетства посмотрела на своего давнего и, что нам греха таить, преданного друга. Увы, он окаменел. Она вздохнула: не так уж плохо прожита жизнь.

С весной противоборствовала сухость, разносимая ветром от конторы; во многих городских квартирах весну не впускали в комнаты: там горевали безутешные родственники.

Но весна дунула раз-друтой и задула, задурила, закачала полуистлевшее здание, зашатало его деревянный остов сильными порывами юго-западного (боже мой, опять крамола?) ветра. Участились случаи массовых окаменеваний в учреждении. По мнению обывателей, очаг НДМ-болезни угрожал городу средневековым разгулом эпидемии. Наконец обслуживающим нельзя уже стало входить в здание, даже проходить по тротуару вблизи, не причиняя боли хворым. Было принято решение о полной изоляции очага и установлении санитарно-охранной 20-метровой зоны.

Еще раз дунула весна... и все погасло. Через некоторое время на месте учреждения, на бетонной подушке стояли цеха соседнего, расширяющегося завода.

Именно в это время новый жилец Валентиновой квартиры разведенный молодой мужчина, которому в наследство достался старый диван поэта, купил себе давно вожделенный румынский топчан-канапе. Встал вопрос: как вынести из комнаты на свалку во дворе старую рухлядь, не привлекая малознакомых пока соседей? Решение пришло скоро; он взял у соседки топор и расколотил обитель неспокойных снов Вадима Васильевича. Сдирая фанеру с поддона — соседка просила не выбрасывать, отдать ей на хозяйственные нужды, — новый жилец обнаружил тщательно упрятанное за ней стихотворение странного содержания, отпечатанное на тонком мелованном картоне. Это была жемчужина провидческого таланта поэта. В любимой сонетной форме он прощался с героем нашего повествования, а заодно... с самим собой.

ПРОШАЛЬНЫЙ АКРОСТИХ

Нет больше милого канцеляриста М. И больше нет его учреждения. Кому какое дело до поэм, О чём мои сонетоутверждения?

Пегчайший прах его уже залит бетоном, Амброзий на могилу не польют, Юродивые песен не споют, Да и завод приветствует лишь звоном. А был ли он вообще? Не выдумка, не сказка? Но налицо реальная завязка И логикой подсказанный конец.

Логичное подчас мы смешиваем с шуткой, Она здесь прозвучит фальшивой дудкой. Воздай, господь, ему его венец!

.....И нарушая стройный плеск сонета, Чту также незабвенного поэта,— Увез его давно Харон-гребец.

ЧАСТЬ 6 *РАССЛЕДОВАНИЕ И ОПТИМИЗМ*

Чужие земли похвалой стоят, а наша и хайкой крепка будет.

(Н.С.Лесков «Соборяне»)

Уже несколько недель здание бывшего учреждения было окружено врытыми в землю — прямо посреди тротуаров и дороги — столбиками, опутанными проволокой. На проволоках густо висели красные таблички с синим предупреждающим текстом:

осторожно!

Здание в аварийном состоянии. Близко не подходить!

Толпы плачущих родственников напирали на проволоку, то и дело вспыхивали перебранки, доносились хрипловатые, простуженные на холодном весеннем ветру голоса милицейской охраны, из сочувствия заменявшие уставное «граждане» на:

— Товарищи, товарищи! Зачем свою-то жизнь опасности подвергать?!

Со стороны все выглядело, как при землетрясении Сходство дополняло обилие санитарных, милицейских, пожарных машин. Чуть поодаль стояла колонна зеленых фургонов; около которых кашевары подразделения войск химзащиты растапливали полевую кухню. И тут и сям сидели, стояли, ходили, курили и говорили, говорили без умолку врачи, другие заинтересованные люди. Находившуюся напротив, через дорогу, аптеку № 12... закрыли для посетителей; там обосновался штаб бородатого профессора с круглосуточным дежурством. Под благовидным предлогом чтобы не мешались под ногами и не питали разной чертов-

щиной падких до клубнично-ассенизационных сенсаций международных журналистов и репортеров, конгрессы прекратили, а корпункт комитета перенесли в столицу. Профессору вообще рекомендовали быть поосторожнее с выводами и прогнозами; не напрасно рекомендовали. За рубежом газеты, удвоив свои тиражи, печатали невероятное: «Восемнадцать миллионов охвачены НДМ-инфекцией!» — «Бегство за Урал!» — «Европа должна отгородиться каменной стеной 50метровой высоты!» — «Фирма «Гидротекникс» предлагает проект подземного биофильтра, гарантирующего пресечение инфляции на линии Одер — Нейсе!» — «Члены амстердамского клуба гомосексуалистов «Ганимед» заявляют: где нет свободы отношений полов – там разгул НДМ!» — «Только «Кока-Кола» поможет локализовать эпидемию!».

Пищу в здание доставляли бойцы из авиадесантных частей, ходили по трое: два солдата в бактериологических скафандрах несли мешки с продовольствием, третий — военфельдшер кормил наиболее ослабленных, делал уколы морфия, снимая боль от собственных шагов. Каждая смена длилась полчаса, после чего шла следующая партия из трех человек. Продолжалось это круглые сутки без перерыва.

Тем временем в городе беспрерывно заседали различные комиссии по спасению. После долгих дебатов постановили, что об эвакуации пострадавших не может быть речи: даже мягкий нажим пальцем на тротуар в 20-метровой охранной зоне вызывал у несчастных сильнейшие болевые ощущения, так что санитарнопищевые команды заходили в здание в специальной обуви: на ноги надевалось что-то вроде мешка, набитого поролоном. За плечами десантников были укреплены на парашютных постромках метеошары, каждый наполненный двухстами литрами гелия — для подвески в воздухе и уменьшения давления на пол. Специальная вентиляция, подведенная через окна к уровням полов на этажах, создавала вертикальный направленный поток воздуха, еще более взвешивавший санитаров.

Согласовали единственно вроде бы разумное решение: под стены здания подвести, вплотную к ним, стрелы мощных автокранов типа «Като», концы которых попарно перекрыть балками из бетона, к последним подвесить на арматурных прутьях-талях крышу, стены, другие части здания. Это было необходимо неотложно сделать, хотя, как все понимали, являлось временной мерой. Следовало спешить; к тому же тлетворный запах высыхания распространялся на весь городской центр, выносить его было невозможно, и многие жители, несмотря на неудобства, перебрались в холодные дощатые дачи. По вечерам вокруг города, в тяжелом, сыроватом весеннем воздухе, низко стояли дымы от самодельных печурок и таганков. Кроме того, специальным постановлением исполкома и обкома профсоюзов жителям центра были предоставлены внеочередные, с оплатой 50 %, отпуска, а также отдан весь годовой запас путевок и курсовок. Город пустел. Да кто смог бы вынести этот своеобразный, ни на что не похожий запах тления органической и минеральной природы?

Теперь работали только специальные армейские бригады, милиция и добровольцы да дымил большой соседний машиностроительный завод, закрывать который сочли нецелесообразным. Слишком он был большой и нужный.

Однако в самом начале исполнения проект спасения рухнул; рухнул буквально: как только первый КамАЗ подтащил опорную балку к бывшему учреждению, ветхое, рассохшееся здание начало осыпаться трухой. От вибрации работавшего мотора затряслись стены; здесь случилось непредвиденное: когда испуганный водитель начал подавать назад, заднее колесо тяжело нагруженной машины проломило асфальт тротуара, из-под которого за многие весны вешние воды вымыли грунт, кузов накренился градусов на пятнадцать, лежавшая там балка съехала вбок и торчащим концом ударила по углу здания. Послышался треск, грохот, поднялась трухлявая пыль, закрывшая даже засиявшее было солнце. Когда через полчаса облако

осело, то на месте здания лежал полутораметровым слоем мелкий пепельный прах.

Несколько дней никого, даже поседевших от горя родственников, не впускали за ограждение. Охрана дежурила в скафандрах, пепелище накрыли тройным слоем полиэтилена. Шофера КамАЗа лишили премии. Позднее, когда были получены инструкции, приготовлены биохимические и бактериологические анализы пепла, полиэтилен сняли, зону залили быстро затвердевающим пеносоставом, посыпали сантиметровым слоем биопассиватора. Так пепелище простояло до конца лета. К осени запах тления полностью исчез, пробные анализы подтвердили абсолютное отсутствие живой бациллоорганики по всей культурной глубине - вплоть до десятиметровой минусовой отметки, где к радости местного краеведческого музея, нашли останки скелета и боевой утвари княжеского дружинника XIV века, лежавшие на дне, как выяснилось, колодца. Поза дружинника и кой-какие другие детали свидетельствовали, что несчастный свалился в колодец сразу после княжеского пира, пожелав испить свежей водички...

Специальная комиссия вступила на место погребения учреждения; были осмотрены пыльные останки, среди которых встречались ножки столов и стульев, кирпичи, металлические канцелярские принадлежности. Нашли почти новый, чуть проржавевший дыропробиватель.

Еще другие комиссии работали пару месяцев, но ни к каким существенным выводам не пришли. Долго размышляли городские власти, как использовать освободившуюся площадку в центре города. Проект постановки памятника сразу отпал: афишировать-то было нечего да и было не рекомендовано из-за двусмысленности события. Ведь даже общий некролог в местной газете появился очень краткий, неподробный: «В результате происшедшей аварии здания имеются некоторые жертвы. Приносим...» и т.д.

С санитарно-эпидемиологической стороны пепелище было признано опасений не вызывающим, однако мно-

гие, претендовавшие бы в ином случае на освободившееся место организации из суеверия замолчали. Но тут в дело вмешался директор соседнего завода, которому позарез требовалась площадь под расширяющийся кузнечно-прессовый цех. Через главк площадь осталась за заводом.

Наступила мокрая осень — время повышенных расценок для строительных работ нулевого цикла. Пришли рабочие из строительного цеха завода — планировать площадку. Они много удивлялись, подгребая лопатами кучки земли, просыпавшиеся из ковша экскаватора, загружавшего машины, рассматривая обломки утвари, находя всякие канцпринадлежности, обрывки писанных от руки, отпечатанных листков. На их заводе, конечно, также были канцелярии, но сведенные к рациональному минимуму. Их так и именовали на досках подведения квартальных и годовых итогов: вспомогательные службы. Сами же рабочие, особенно приданные в помощь строительному цеху по разнорядке ОКСа, работали по восемь часов в день на бетономешалках, подсобных стройках, за станками, прессами... Они клали кирпич, строгали металл, ковали заготовки. В итоге они создавали изделия, полезные, нужные людям и стране. Потому их удивляло: зачем вообще требовалось целое большое учреждение, занимавшееся только писанием бумаг?

— Смотрите, мужики!— кричал один из рабочих.— Какая-то инструкция... на медной табличке выкована, слушай:

Высокая бдительность — залог успешной работы!

ТОВАРИЩИ! СОБЛЮДАЙТЕ УСТАНОВЛЕННЫЙ ПОРЯДОК ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА:

п. 1. НЕ ОСТАВЛЯЙТЕ важные документы, особенно квартальные и годовые сводные ведомости, на

столах в положениях, удобных для прочтения лицам из сторонних подразделений учреждения.

- п. 2. ЕЖЕЧАСНО ПРОВЕРЯЙТЕ положение корешков скоросшивателей с надписями с тем, чтобы корешки не были обращены в стороны проходов между рядами столов. Целесообразно и рекомендуется аккуратно заклеивать на время работы корешки с надписями липкой непрозрачной лентой, которая продается в магазине «Юный техник» на ... улице, часы работы с 9.00 до 19.00, перерыв на обед с 14 до 15.
- п. 3. СКОРОСШИВАТЕЛИ с надписями на обложках в течение рабочего дня хранить в перевернутом положении.
- п. 4. НА СОВЕЩАНИЯХ с участием представителей сторонних организаций запрещается обсуждать конкретные планы работы учреждения в целом и его структурных подразделений. Свято храни учрежденческую тайну!
- п. 5. ЛУЧШЕ ПРОМОЛЧАТЬ, чем сказать лишнее. В канцелярии, в присутствии посторонних, в том числе из других канцелярий учреждения, не говорите о конкретном содержании своей работы: даже на вопросы своего Начальника в этом случае рекомендуется отвечать косвенно.
- п. 6. НЕ ДОВЕРЯЙ телефону лучше лишний раз сходи (съезди, слетай...) к своему конфиденту.

ВЫХОДЯ ИЗ ПОМЕЩЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ, НЕ ЗАБУДЬ СПРОСИТЬ СЕБЯ: А ЧИСТА ЛИ ТВОЯ СОВЕСТЬ!

Н.Д.М. — координационный Центр по сохранности документации.

— Семен,— перебил его на последних словах инструкции другой рабочий, воткнув в землю лопату и распечатывая свежую пачку «Беломора»,— что у них тут с этим делом, что ли, было связано?— он потыкал отставленным большим пальцем прямо в появившийся на небе между седыми ноябрьскими тучами просвет,— а?

- Какое там!.. Баба моя раза три сюда ходила. Я в своем доме живу, так на уголь из Гортопа здесь отношения выдавали. Ох, сволочной же народ, не будь тем покойники помянуты, сидел здесь! Зинка все три раза со слезами верталась. Главное, без дела всякого тянули да еще съязвить всегда норовили, дескать, с неумытым рылом...
- Говорили вот мне,— вмешался в разговор третий, небритый, в кроличьем треухе,— сидели тут бабы жирнющие, закормленные, все в золоте. Кобылищи! Или какие тощие, по моде, стервы, одетые, так те все около начальников своих крутились, а те словно жеребцы породистые: все в черных пиджаках, в галстухах энтих, задницы от стульев сплющились. Так и косились на баб-то?
- Не скажи, Иван. Я вот раза два в пивной на Трубихе одного из здешних, тож в начальниках ходил, встречал. Плотный такой. Серегой звать, так тот завсегда без галстуха ходил! Компанейский мужик.
- Кто знает, может, и были люди среди них... без галстухов-то. Везде люди встречаются. Вон наш начальник-то, Эдуард Георгиевич, тоже, говорят из здешних вышел. Хоть плут, а хороший человек, не обидит зазря.
 - А чего ж они таблички такие?
- Должно быть, с жиру бесились... тьфу! Куда, черт, прешь? Заводи левым бортом под ковш, твою... мать! Убирай за тобой потом: полковша тебе, а нам целый куб перелопачивать'

Через несколько дней площадку расчистили, спланировали, углубили под фундамент котлован. Мусор вывезли за город на свалку. Приходили осматривать, место директор с архитектором и главбухом. Подсуетился и мастер субподрядного СМУ. Долго матерно ругались. Директор пригрозил, что если к концу года коробку не поставят, то главк задержит ассигнования на следующий...

Ругань и угрозы подействовали, подвезли, собрали башенный кран, машину для забивки свай. Поставили

бетонорастворный узел, навозили, разбив в непролазную осеннюю грязь все тротуары и часть дороги, бетонных плит, десятиметровых свай, горы кирпича. К середине декабря на заново перепланированной площадке заухал свайный копер. Коробка была поставлена в рекордное время, а главное — в срок, даже на четыре часа раньше: тридцать первого декабря в $20^{\circ\circ}$.

В следующем квартале пол нижнего этажа залили бетоном, застелили восьмиугольными плитками из серого чугуна. Одновременно с внутренней отделкой этажей начали завозить оборудование. Еще через полгода кузнечно-прессовый вступил в строй. Нет добра без худа: в соседних жилых кварталах люди морщились от двухсменного громыхания тысячетонных прессов, ругмя ругали завод и, скоро забыв известные события, вспоминали тихое, доброе учреждение. Без конца посыпались жалобы Главному архитектору города, в исполком, в горком, в газеты; пуще всего налегли на Главного санитарного врача. Пока жаловались, шум приелся, к нему почти привыкли, а тут еще завод поприжали, пришлось усилить звукоизоляцию в наиболее звонких местах. Все кончилось к обоюдной пользе, в том числе и к пользе завода: он вышел, благодаря звукоизоляции по новому, перспективному методу, на третье место в министерстве по экологическим нормам, был отмечен общесоюзной премией.

На шестом верхнем служебном этаже разместился переведенный туда из прежнего подвала ОКС и цеховая плановая служба кузнечно-прессового. По слепой игре судьбы на этаже этом оказались трое из числа уцелевших канцеляристов: Эдька-зять уже в должности зам. начальника ОКСа, Бутурлина — счетоводом в плановом, а Валентина Тихоновна, вышедшая из декретного, там же экономистом. Говорят, они довольны жизнью, работают там до сих пор. Бутурлиной остался год до пенсии. Также поговаривают, что сдружилась она с бобылем Бойко, стрелком ВОХРы завода; для спокойствия и теплоты старости они живут сейчас вместе.

Вернувшийся из алкогольной лечебницы, Василий Алексеевич хотел было вновь запить, узнав о гибели учреждения, но, подумав, а более всего посмотрев на километровые очереди у водочных магазинов (в действие уже вступило Постановление Верховного Совета, именуемое как ПВС — в выговорах и агитлистках «Пьянству — бой решительный и бескомпромиссный!»), делать этого не стал, тем паче, что спасенную им некогда бабку с оригинальной рецептурой взяли нянчить внуков в соседний город отдаленные ее родственники. Василий Алексеевич пошел в ремонтники в новый цех. Ведет себя он хорошо, не пьет более «по крупной».

Каждое утро, побранившись по-стариковски незлобиво со своей сожительницей Бутурлиной, стрелок ВОХРы Дмитрич заступает в шесть ноль-ноль на пост в дверях со стороны кузнечно-прессового. Спустя час мимо проходит Бутурлина (она хотя и числится счетоводом, но на самом деле ведет табель трех участков цеха, ей пораньше надо приходить), сует ему сверток с едой и термос. Следом за ней Дмитрича приветствует Василий Алексеевич. Еще через час идут негустой толпой ИТР и служащие.

- Здравствуйте, Петр Дмитриевич!— машет рукой, еще только подходя к вертушке, Валентина Тихоновна, беременная пятым.
- На медаль тянешь, Валюха!— подмигивает ей Бойко, сам поглаживая на форменной тужурке недавно полученного «Ветерана труда», и испуганно отскакивает в сторону от залихватского хлопка по плечу.
 - Здорово, Дмитрич! Не сгнил еще, ха-ха!
- Мы не гнием, Эдуард Георгиевич, поскольку винцом раньше не баловались... все больше по «Трем свеколкам»!
- Ха-ха, молодец, чертило, а что, говорят, Людкато, помнишь, наша бывшая медицина, в медпункте сейчас работает?

- Да говорила мне Валентина. Она туда по беременной свой части ходит, видела там ее. Профессорато забидели, а Людку турнули из института...
 - Из университета, из клиники!
- Да-да, из нее... Куда, черт немытый, лезешь?! Секунду постоять не можешь, дать с человеком поговорить!

За тумбочкой Дмитрича, подальше от грязных сапог входящих, лежит на войлочном круге кот, бывший кот бывшего Николая Даниловича, Вот и все.

На том историю о погибшей канцелярии можно было бы — в который уж раз?— закончить, но логика требует иного конца, не оставляющего места пресловутым «мистике и року». И действительно, конец нашей истории, то есть полная ясность, и осознание происшедшего, наступил двумя годами позже вступления в строй действующих кузнечно-прессового цеха. Не последнюю, хотя страдательную, роль здесь сыграл наш старый знакомый — бородатый профессор.

После нелепой, трагической гибели учреждения руководимое им международное сообщество быстро распалось по причине утраты объекта исследования. Ждать появления нового очага НДМ-инфекции было сочтено излишним. Кроме того, если отечественная профессура еще кое-как могла кормиться по инерции перспективными на многие годы планами исследований загадочной болезни, хотя бы в плане исторической патологии, то представителям зарубежного медицинского мира за туманные перспективы никто не хотел платить. Поэтому они в срочном порядке перекинулись на расследование нового феномена — вспыхнувшей в Америке СПИД-инфекции, болезни подозрительного происхождения, с довольно щекотливым способом распространения.

В заключение деятельности комитета по НДМ-инфекции вышли два последних номера ежеквартальника, после чего редакционный совет также был распущен. И это в момент, когда профессор почти добился принципиального согласия на ассигнования по

строительству НДМ-центра клинических исследований, когда была подготовлена к печати сразу на четырех языках трехтомная «История и патология НДМ-болезни» под его редакцией? Когда, наконец, его совершенно обнадежили скорым член-корреспондентством?

Все рушилось отголоском рухнувшего учреждения... Профессор так остался профессором на периферии, несостоявшейся знаменитостью. Воодушевились его враги, поползли по столичным клиникам, расположенным рядом с главками Минздрава, слухи об авантюризме, научной недобросовестности. Жена, и без того опостылевшая на контрасте с очаровательной Людмилой Сергеевной, вступившей в пору расцвета тридцативосьмилетней женственности, поедом его ела, дескать надо было пользоваться моментом, переезжать в Москву; теперь кукуй тут до смерти, сохни от горя не хуже этого твоего приросшего... От такой нудятины профессор почти переселился со своей верной помощницей в санаторий-базу для исследования НДМзаболевания. Однако оттуда его скоро попросили враги действовали. Пытались даже состряпать по анонимкам обвинение в аморалке. До чего дошли!

Несмотря на все неприятности, профессор сознавал, что какой-то вес в международном медицинском мире он все еще имеет: исследователь неразгаданной болезни века! (Заболевание СПИД не смогло составить конкуренции. Бывшие НДМ-комитетчики живо ее раскусили и даже нашли противоядие.) Это было что-то пусть более скромное, чем то, на что рассчитывал в золотые дни профессор, но все же обнадеживающее.

И надо же было, чтобы он сам погубил последние надежды. Истинно: когда бог гневается, то лишает разума! А может, и здесь враги, только уже местные, из клиники, все подстроили? Во всяком случае, откуда-то взялся пожелтевший за десятилетие номер «Литературной газеты», вырванный, судя по рваным дырочкам от дырокола на сгибах листов, из какой-то библиотечной или домашней подшивки (есть и такие чудаки!),

положенный так, чтобы попасть на глаза профессору в тот момент, когда, раздраженный неприятным звонком из облздравотдела — представить обоснование на имевшую место эксплуатацию помещения в санатории,— он искал, чем бы отвлечься.

Итак, профессор перелистал старье без особого интереса, но под рубрикой (которая и вам, читатель, наверное, полюбилась при чтении данной книги?) «Совершенно секретно» прочитал некую заметку³³, отчеркнутую к тому же красным карандашом. Что-то родное бросилось в глаза: «В Филадельфии звонили колокола, лились слезы и по улицам двигались траурные процессии за гробами под звездно-полосатыми флагами... Весь город был охвачен мистическим ужасом, какой вызывали когда-то чума и холера. Очагом эпидемии был отель, в котором размещалась штабквартира конференции Американского легиона. Сейчас это здание напоминает осажденную крепость. Охрана не допускает к нему никого. Специальные медицинские подразделения продолжают обследовать отель в надежде обнаружить ключ к разгадке таинственного заболевания. «Это бич, поражающий без разбора, убивающий столь же жестоко, как горчичный газ», — пишет «Нью-суик».

Далее объяснялось, что массовые заболевания с летальными исходами были не инфекцией, а следствием химического отравления отходами предприятий промышленных городов Питтсбурга и Гаррисберга.

Профессор свято верил сам в свою психофизиологическую теорию НДМ-болезни, построил на ней все научные концепции, внушил всем и всея подобный взгляд на внешне необъяснимое явление. К тому же ему, как председателю специальной, ранее созданной в связи с поисками источника НДМ-инфекции санитарной комиссии, было доподлинно известно, что не только рядом с бывшим учреждением, но во всем городе не было ни одного предприятия, связанного с хи-

³³ Лит. газета. №35, 1976 (цитаты точные).

в деревнях, городах, у станков и полей будем строить мы счастье детей.

мическим производством. Ближайший же гигант химии, уже давно нервировавший областные власти тем, что дым его труб постепенно губил деревья в мемориальной усадьбе одного великого писателя, находился от города в тридцати километрах, так что трудно было предположить избирательность его воздействия именно на неприметное учреждение в центре города.

Потому не ощущавший даже намека на беспокойство профессор безо всякого опасения пересказал историю десятилетней давности на одном из консилиумов в клинике, тем более что рассказ пришелся к веселому случаю, относящемуся к химии: консилиум был собран у постели только что «откачанного» больного, доставленного в состоянии клинической смерти, который, будучи завзятым любителем зеленого змия, выбившись из привычной колеи последними строгостями и ценами, проводил со товарищи эксперименты по упрощению и удешевлению.

Как потом доверительно рассказывал бедолага лечащему его ординатору, после массового закрытия винных магазинов очередь у единственно оставленного на весь двухсоттысячный район магазина «Водка», известного у пьющего народа под трактирнолирическим названием «У Раздаева» (Семен Раздаев был владельцем лавки, располагавшейся в этом же здании в начале века) стала невыносимой. Чтобы попасть до закрытия в магазин, нужно проснуться в пятьшесть утра и занимать очередь, предварительно оформив на работе отгул. Причем до четырех дня была полная неизвестность: привезут или не привезут? И что привезут? Последнее было немаловажным: в городе существовала норма отпуска, именуемая в простонародье «два ствола в руки», то есть отпускали только две бутылки, какие бы и с чем они ни были. Если завозили четвертинки то, простояв, например, под дождем или снегом полсуток, клиент получает в итоге 0,5 литра, что явно не соответствует ни затраченным усилиям, ни аппетиту, чрезвычайно выросшему от пребывания в бодрящем климате очереди. Чаще, однако, к вечеру либо ничего не завозили, либо завозили полмашины, чего хватало только на два часа торговли. Наконец, могли завезти ненавистные пьющему народу марочное «Каберне» или венгерское шампанское. Словом, вариантов было множество, но все они — один каверзнее другого.

В это-то время начались народные поиски выхода из создавшейся ситуации: нелегко было побороть тысячелетние привычки за один год, даже отчетливо понимая всю их пагубу. Не помогала даже активная помощь властей, прессы, телевидения, пресловутых санитаров в погонах, да последние перестали общаться с народом. Если раньше прапорщиков из ЛТП можно было встретить ежедневно, после их смены, в восемь утра в пивной на фабрике-кухне и за кружкой-другой пивка обсудить все текущие проблемы лечения, то теперь пивные позакрывали, общаться было негде; если только судьба не заведет тебя собственно в ЛТП.

Так вот, наиболее преданные тысячелетней забаве подозрительно отнеслись к нарастающим убеждениям во вреде их привычки. Недоверчиво они воспринимали идеи безалкогольных встреч, свадеб, крестин-именин. Их даже не убедил призыв правления местного, городского, трезвенного общества провести экспериментальные безалкогольные поминки (между нами говоря, эксперимент сорвался: не смогли подыскать нужного перципиента).

Поначалу загорелись самогонной идеей. Известно, что искусством варки этого напитка в народе владели давно и в совершенстве с тех пор, как недоброй памяти Столыпин ввел винную монополию, заменившую благодатный винный откуп — акциз. В противовес акцизной, монополька сильно брякнула по карману. И вот в деревнях, а потом (или одновременно?) в городах закурились личные винные заведения, заводики, фабрички. Десятилетиями совершенствовалось искусство курения вина, многие доходили до качества «Смирновской», а впоследствии — «Столичной» на экспорт, «Экстры» и «Московской» медальной. Но ПВС сильно ударил по самогону. Главное, стало трудно с дрожжами, да и подмешивали в них что-то, подсаливали, что

ли, но процесс сбраживания шел вяло. Умельцы, не имея в своем распоряжении ни специализированных НИИ, ни оборудования для опытов, не имея даже начального химического образования, только интуицией нашли верный способ бездрожжевого сбраживания затирки: с помощью томатной пасты. С пастой поделать было ничего нельзя, ведь действительно, не запретить же выращивать помидоры?

Возникли тысячи, если не миллионы домашних производств и лабораторий: исследовалась сырьевая база. У некоторых любителей появились пухлые записные книжки и тетрадки, сотни страниц которых были исписаны рецептами, многие из которых поразили бы даже видавшего виды Великого Комбинатора. Постепенно, путем межличностного общения, выяснилось, что самогон — опять же апеллируя к Комбинатору, — действительно можно делать из любого органического вещества, однако лучше и надежнее использовать сельхозпродукты, причем каждый из них гарантировал специфическое качество. Так, традиционная сахарная была наиболее исследованной, простой, скорой в приготовлении, однако требовала хорошей очистки, имела несколько резковатый вкус; вообще, было в ней что-то неуловимо химическое, противное живой природе человека. Кроме того, в нервозной обстановке последнего времени вызывали подозрения соседей, продавцов и милиции крупные закупки сахара. Приходилось тратить время, обегая булочные и универсамы, закупая в каждом по одной-две пачки или пакета. Потом и вовсе вольную продажу запретили.

Пшеничная была изумительна, в меру мутна, приятна на вкус, как говорится — от нее «в грудях мягшило». Но трудновато стало с пашеничкой-то: в колхозах воровать теперь было запрещено, приходилось ловить сезон — в конце августа — начале сентября, когда она появлялась на базаре и стоила приемлемо: копеек тридцать за килограмм.

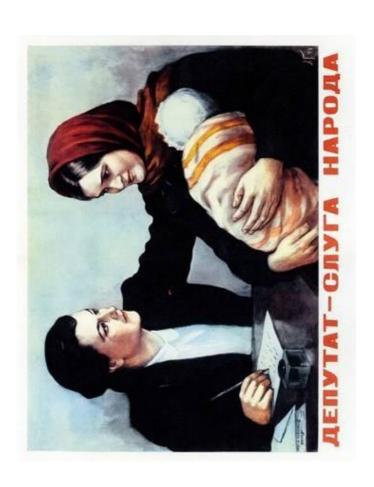
Ячменная отличалась кристальной чистотой, приятностью во всех отношениях, но выходила почему-то слабоватой, не выше 50°. К тому же техпроцесс сбраживания ячменя был длинноват. Естественно, что натуральный продукт не требовал ни дрожжей, ни томатной пасты. Свекольную в городе не гнали ввиду мутности и мерзкого запаха. Своеобразный керосиновый запашок имела получившая большое распространение гороховая, но отличалась добротной крепостью. Родиной ее в области был ...ский горохосеющий район. В соседнем с ним ...ском районе, где густо росла малина, делали малиновку. Это был удивительный напиток, цветом напоминавший столовский компот (некипяченая вода, плюс немного сиропа), почти не имевший запаха, на вкус мало чем отличающийся от того же компота, но крепости неимоверной. Этакий коварный, замаскированный напиток.

Из других малочерноземных областей доходили вести о «подсолнуховой», «горчичной», «арбузовке», но он сам лично, рассказывал пациент клиники заинтересовавшемуся ординатору, таких не пивал, так что определенного ничего о них сказать не может.

- Так как же решаются?— недоумевал ординатор, человек молодой, далекий от народной жизни.— Ведь сейчас штрафы тысячерублевые, конфискации, сроки...
- Ну, допустим, каждый сейчас сам за себя... выкручиваются, приспосабливаются, так сказать. Зато как приятно на праздник бутылочку-другую на стол водрузить, а? И знаешь при этом: у тебя-то есть, чем повеселиться да гостей попотчевать, а у соседа справа, доцента, — бутылка шампанского кислого на шесть рыл; у соседа слева, тоже какого-то безрукого интеллигента, — ни шиша, с постной рожей насупротив своей бабы сидит и этот, как его... тортик жует, тьфу! Даже дети, и те скучные перед телевизором носами клюют. Верхний сосед плюнул на все, злой лег спать в девять вечера, даже елку не стал покупать. А вот подо мной дружок мой, Гоша, живет. Выгнал пшеничной; за полдня до курантов у него уже пляски, песни, шурин со сватом даже сцепиться па кулачках успели. Да еще ко мне припожалует в час ночи, чего-нибудь за пазухой приволокнет, знает, что я после операции еще не оклемался, заквасить свою не успел. Выручит!

- Это понятно. Я хоть сам почти не пью, но как-то это все... странно. Сразу так: пили-пили, а потом p-pas! И обрезало. Даже в праздники, того... А все равно, как представишь: ночь, все спят кругом, а ты на кухне, да на окна оглядываешься поминутно, да того и ждешь: звонок «открывайте, милиция!»
- Ха-ха! Да ты что? Считаешь, что люди глупее самих себя? Кто же сейчас по ночам гонит, когда все улики при тебе: запашок на весь подъезд, свет в окнах, вода журчит всю ночь... Гнать, милок, надо днем, часов в пять-шесть вечера, когда все с работы вернулись, все квартиры полны народа: топот, гомон, муж с женой бъется-ругается, бабы готовку затеяли запахи от подвала до крыши гуляют... Вот тогда, благословись, гони хоть с раскрытыми дверями: ни один черт безалкогольный не учует, не услышит. А то можно и без перегонки.
- Это как так? Ведь бродильные бактерии погибают при 16 граду...
- Очень просто даже, многие сейчас делают: три кило помытой, но с кожурой картошки через мясорубку, туда же два стакана песку, чуток дрожжец. Неделю эта тюря побродит в марлю ее, подвесь на полчаса над посудиной знаешь, как бабы в деревнях отжимки для овсяного киселя цедят?— потом водицу эту в пакет полиэтиленовый да в морозилку. Через сутки вытащишь в пакете кусок льда, под ним лужица спирта. Выход: четыреста граммов. Только здесь до выхода потерпи: картофельную брагу пить вредно, это не пшеничная...

Это мне ребята рассказывали, а еще говорят — у нас один мужик на автобазе с Кубани родом, у них, у кубанцев-то, еще при царе Горохе такие вот выморозки из вина делали. Я же до этого сам своим умом дошел. Как-то был случай, лет десять тому назад; с вином, сам знаешь, тогда было хоть залейся. Подгуляли мы с шоферней крепко, разошлись, поздно уже было, нам с Колькой-слесарем по пути. Вот по пути зашли напоследок в «Центральную», взяли у швейцара еще по бутылке вина. По пятерке, подлец, содрал, а уж на

улице рассмотрели: сухача нам подсунул! Не ругаться же идти с ним, когда полвзвода милиции в предбаннике пасется?! Расхотелось и пить эту отраву, думаю, на опохмелку оставлю. Тогда все пойдет. Подхожу к дому — тогда в своем жил — мороз под тридцать разыгрался, окоченел весь. Думаю, бутылку к кроликам в сарай поставлю, чтобы баба не увидела. А был у меня тогда кобель сурьезный, пьяного не признает: как поднял гвалт, смотрю — дверь в доме уже баба отпирает, гремит, злющая, как быть? В сарай не успею сунуть, с собой принести — тотчас выловит, разбить, конечно, не разобьет, насчет этого у меня с ней строго, но спрячет, не допросишься потом. Ну и сунул, чем пропадать, в сугроб.

Поутру баба под ребра ка-ак саданет, дескать, вставай пьянь, на работу опоздаешь! Из головы-то больной все вышибло, шапку в охапку — и небритый за порог, а тут, как посмотрел на кобеля — хвостом, подлец, машет, — так вспомнил, вытащил из сугроба, смотрю: лед в середке, только сверху и на донце бултыхается. Раздумывать нечего было, закрышку зубами сорвал и из шеи, а бутылку со льдом — снова в сугроб. Однако добежал до трамвая, сел и — смотрю: хор-рошо забирает! Даже удивился, как стопку имбирной хватил. И голова прояснилась.

Вечером домой пришел, для интереса бутылку эту отогрел, выпил — вода водой и только. Тут сообразил, что морозцем-то спирт выгнало из сухача. Вот так-то!

- Да-а, много чего народ может, но все равно это дело такое... змеевики всякие, прятать их надо. Они такие большие...
- Какие? Это в кино. Сейчас все проще: либо с кастрюлей и тарелкой со льдом из холодильника, а то и змеевики сейчас такие делают, что в кармане уместятся. Есть вот у вас, химиков-медиков, трубка такая стеклянная, со змеевиком стеклянным же...
- Погоди, витая трубка Либиха, что ли? Ординатор вышел, через минуту вернулся с прибором.— Эта?

- Во-во, она! Слышь, Владимир Николаевич? Ты эту трубочку-то возьми домой да адресок мне свой оставь, запиши вот на газетке. Как-никак от смерти меня спас, отбил по всем правилам науки, должник я твой по гроб! Как оклемаюсь, зайду к тебе, налажу все, что нужно. Бутыль тебе двухведерную под брагу принесу, кастрюлю для варки с притертой крышкой. Все как на ликерно-водочном сделаю...
 - Да что ты говоришь-то?!
- А что? Не люди вы что ли, врачи-то? Давай, давай, трубочку-то прибери, пока другие не унесли. Лучше заранее позаботиться, порадеть да чин чином выгнать, а то вот как я влип в историю...
- Кстати, какой черт тебя дернул этот клопомор пить?
- Тут, Владимир Николаевич, не черт, а торопливость характера. Полагал себя самостоятельным человеком, ан с дураками, алкашами связался. Алкаш-то, он прежде всего ленив да за душой ничего не имеет, ему абы нажраться чего ни попадя! Вот как прикрыли водку в вольной продаже и вино, так они на аптеку перешли, во всем городе настойки выжрали, мураши там всякие... Как того не стало либо продавать им перестали,— они в парфюмерию перешли. «Тройной» завидят — очередь, как у Раздаева вечером. Баба моя слышала, как двое алкашей покупали: дай, говорят, нам два «Тройных» и один «Цветочный». Та — жалеючи: берите, мол, мужики, три «Тройных», дешевле и больше. А те, нет, мол, мы с барышней гуляем сегодня! Вот до чего алкаши-то дошли! Сейчас не знаешь, как бриться: все одеколоны-лосьоны попили, продают их, если есть, с двух часов тож. В парикмахерской намедни был, смотрю: прячет флакон в стол, побрызжет и прячет. Воруют, говорит, вчера у нас три флакона сперли!
- Ну, а после «парфюмерии» что пошло? Полагаю, не остановились?
- Трактором не остановишь! На хозмаги перекинулись. Сам на базаре видел. Пошел в воскресенье как-то на рынок, пшенички для этого самого дела при-

купить, по пути заскочил в «Бытхимию», знаешь, есть такой магазинчик за картофельными рядами,— суперфосфату для огорода взять. Да рано приперся, магазин то закрыт еще, а алкашей штук десять уже стоят, трясутся, бедолаги. В семь приходит хозяйка: «Ну что, мужики, опохмеляться пришли?» Те мычат, а как вошли, так по три-четыре тюбика клею бэ-эфу, значит, набирают. Этот бэ-эф милое дело: солюшки туда да отболтать... Этим издавна мужики на заводах обходятся.

- Вот у нас в позапрошлому году вроде тебя больной отравленный был, опился жидкости для разжигания примусов,— ну и додумался, однако?
- Синюха-то? Эк, куда хватил! Ее еще в прежние времена всю выжрали. Это по нынешним временам коньяк! Ты еще про стеклоочиститель бы вспомнил?
 - Тоже пьют?
- Выпили до донышка. Уже года три, как в продаже нет, в хозмагах по большому блату алкашам дают. Сам пробовал как-то с похмелюги: уважительный напиток. Раз случай был: пришлось с бабой своейной в театр сходить. Сам-то я не люблю кривляний этих, да голосами дурными орут, но бабе билеты на работе бесплатные от профкома дали, загорелось ей: как люди, как люди! Вообще, там хорошо... в буфете. За пивом народу мало, еще четвертинку с собой захватил. Закуска хорошая. Словом, вышли с театра, а баба жалиться начала: туфли новые для фасона надела, ну и ногу натерла. Пойдем, говорит, в скверик напротив, подложу там под пятку платочек. Пришли, сели на скамейку. Я покуриваю на свежем воздухе, она чего-то покрутилась, подложила, что ей надо, сидит, ждет, пока я докурю. Слышу — бормотать начала: «Надо же? И где окон-то столько нашли...» — «Чего?» — спрашиваю; а она: «Смотри вот!» И показывает на урну, а там... матушки? Штук двадцать пузырей трехсотграммовых из-под «Стеклышка», а сверху стаканчик еще положили и шкурки колбасные брошены. Крепко мужики гуляли, видать! А сейчас что ни попадя жрут. Лак только что не пьют, да и до него доберутся. «Ла-

ну», что бабы на юбки свои прыскают, чтоб к ногам не прилипали, уже не найдешь. Выпили.

- Да это же аэрозоль?
- Подумаешь. Берешь гвоздь, лучше сотку, зажимаешь, в кулаке, шляпку на твердое, на асфальт, например, донцем флакона шарах по гвоздю и в стакан
 - Да ты все ж зачем напился дряни такой?
- Я вот к тому и веду: торопливость подвела. Как пиво продавать прикрыли и солодок безалкогольный появился, начали мы после работы ходить его пить. Понятное дело, что так, как он есть в натуре, ни один нормальный человек в рот не возьмет. Надо его до ума доводить. Тут тоже по-разному действуют. Спокойный народ да пенсионеры, которым торопиться, окромя как на погост, некуда, — те берут трехлитровую банку с солодком, несут домой, туда стакан сахара и грамм двадцать дрожжей всаживают. Через неделю хорошая брага: пей не хочу. Наш сторож с автобазы, так тот каждый вечер по банке заквашивает и ставит в конец ряда на кухонном подоконнике, седьмой по счету, а первую снимает и пьет не спеша. А чтоб банки бабка его не перепутала невзначай, так он на них бумажки наклеил, надписал по дням недели.

Но мы по-другому. Худо ли, бедно ли, но шоферня мотается по всей области, в деревнях там зимой проще с водкой, привозят и нам, порой, по четвертинке. Вот ее в трехлитровую банку выльем и стоим у киоска, пьем. Не хуже пива, а главное, никакая милиция не примотается: солодок! Еще и поговорить с людьми можно. А то так язык человеческий забудешь: на работе все больше матерком, с работы — домой, а там с кем говорить? С бабой в свое время переговорили и до всего договорились. С телевизором этим?

Ну, так вот. Третьего-то дня, когда меня к вам приволокли, ребята ничего не привезли. Злые приехали, экспериментируют все, вот и в деревнях лавки прихлопнули. Приуныли все, по домам разбрелись. Я тоже на свой курс держу, иду как раз мимо солодковой палатки. И мужики, алкаши местные бухие стоят, мне

рукой машут. Подошел. «Бери кружку!» — «А зачем?» — «Сейчас тебя опохмелим». Ну, беру кружку, они себе по новой взяли. Смотрю — один достает флакон этой самой аэрозоли с дихлофосом и себе в кружку: пшик-пшик-пшик! Три раза. Потом другим. Я и спрашиваю:

- Чего дуру-то гоните, мужики?
- Все сейчас так, нешто не пробовал, на! Повертел, повертел я флакон, боязно как-то, а они как ни в чем не бывало: хлоп-хлоп, по кружке выцедили, забалдели в мат. А в горле все пересохло, спрашиваю:
 - Сколько нужно в кружку-то?
- Это смотря по организму. Вот ежели школьнику или студенту, конечно, если он не спортсмен, то и одного пшика много, с ног собьет. Который инженер или другой какой интеллигент, то два коротких пшика. Мы вот люди больные, так трех полных достаточно. Грузчики до четырех осиливают. Пять не слышали, говорят, дуба можно дать. Ну, а тебе, как с непривычки, надоть един полный пшик.— А сами хохочут, морды пьяные, подмигивают, разобрало их крепко. Разозлился я,— един пшик вы себе в ... делайте! Да пять раз себе в кружку задул. Выпил одним махом, как в животе завертело, закрутило, в голову шибануло... вот вчера вечером очнулся только. Надо же до чего, сволочи пьяные, дошли?!

Вот с этим-то незадачливым дегустатором профессор связал прочитанную в «Литературке» историю с массовым отравлением, сведя все к шутке и внешнеполитической иронии. Очевидно, что на подобное заявление и рассчитывал подбросивший газетку; было сообщено куда следует, конечно, с поименным указанием свидетелей, что-де профессор несколько лет водил за нос мировую и отечественную общественность, затратил уйму народных денег («И это в тот момент, когда мы в поликлиниках на прием больного вынуждены планировать только 10 минут!» — восклицал в негодовании автор подметного письма...), а теперь, когда уже можно пожинать лавры, он открыто отказывается от своей пресловутой психофизиологической

версии и, смеясь, признает, что это простое медленное отравление, на коем всегда настаивали наиболее авторитетные столпы отечественной медицины. «Так недолго до голого психоанализа скатиться?!» — заключал автор свое письмо.

Видно, письмо попало в нужные руки. Долгое время сверху молчали: профессора ничем не огорчали, не дергали, но по-прежнему делали вид, что такового не существует в природе. Внезапно наехала полномочная ученая комиссия, составленная из химиков, врачей, биологов и... геологов. Председатель комиссии, увешанный лауреатскими медалями, с титулами, занимавшими шестнадцать строк в его лаковой визитной карточке, даже не счел нужным позвонить профессору, тем более — пригласить на пленарное заседание.

В различных местах кузнечно-прессового, на потеху заводским, сняли чугунные плитки пола. Выделенные директором из строительного цеха рабочие Николай и Томаз, шутя, за полсутки пробили в бетоне отбойными молотками отверстия, а геологи с помощью привезенной с собой микробурильной установки просверлили двадцатиметровые шурфы. Через каждые полтора метра брались и уносились в наскоро переоборудованную заводскую лабораторию мешочки с пробами грунта. Еще очень тщательно комиссия изучала архивные планы бывшей женской гимназии и бывшего же учреждения.

Комиссия работала несколько месяцев, подосланных профессором из клиники компатриотов гнала взашей. Сам профессор постарел на пяток лет. В конце квартала бурение на неделю пришлось прекратить: завод нес убытки по недопоставке комплектующих поковок. Директор демонстративно не здоровался при случайных встречах с комиссионерами.

Затем ученые также быстро, без шума исчезли из города. Николай с Томазом засыпали шурфы песком, забетонировали сверху и собрались было вновь заложить заплаты плитами, но плиты, как выяснилось, либо засыпали окалиной и вывезли на свалку, а скорее всего, спер плутоватый энергетик цеха Васильчиков.

Во всяком случае, кто-то видел их на его даче, выложенными по тропинке в отхожее место. Других плиток схожего фасона не было, пришлось их вырубать в заготовительном цехе из десятимиллиметровой листовой стали.

Перед отъездом сам директор пытался что-либо выудить у председателя комиссии, нанесшего хозяину прощальный визит вежливости, но тот перевел разговор на погоды и плохую обслугу в гостинице «Центральная»: у комиссии были полномочия, не обязывающие ее отчитываться перед местными властями.

Затем в течение последующего полугода приезжали одни лишь геологи, брали пробы грунта в различных местах города, даже в пригороде. Попутно открыли еще один древнекняжеский могильник, и — о, совпадение!— опять скелет дружинника лежал в неудобной позе в останках колодца! «Ну и город!» — возмущался недавно назначенный на должность директора краеведческого музея доцент-пенсионер из местного пединститута.

Наконец в исполком пришло решение свыше: согласно специально прилагаемому плану, в центре города, в основном вокруг завода-гиганта и его нового кузнечно-прессового цеха, расчистить участки с «естественным выходом грунта на поверхность», спланировать их, выложить чугунными или оксидированными для предотвращения коррозии — из иного подручного металла плитами либо просто засыпать и утрамбовать металлическими стружками, политыми гудроном; поверху все залить бетоном. Эти участки по возможности использовать под расширяющиеся цеха завода (говорят, директор в очередной раз столкнувшийся с вопросами по поводу свободных участков для расстройки нового сборочного цеха, прочитав инструкцию в исполкоме, прилюдно заплясал лезгинку, хотя в Грузии никогда не был, а на юг ездил отдыхать только в Крым). В других цехах, где были земляные полы, настелить металлические же плитки. А в любых других целях отмеченные на плане участки — не использовать! И все. Работу выполнить немедленно: прилагался поквартальный график исполнения, указывалась дата приезда специальной приемочной комиссии. Что и было сделано.

Городские власти и руководство завода были предельно заинтригованы, но информации сверху не поступало. В народе слагались легенды, басни. На то он и народ: сказитель, творец фольклора, отец сказки и пестующая мать были. Постепенно все забылось, пережив массу криво- и правотолков. Как ни старался профессор, проклиная ежеминутно свою болтливость, что-либо разузнать, ничего не удавалось. Жизнь его стала горькой тюрьмой, причем с неизвестным до поры до времени приговором: сплошное ожидание неприятностей. Впрочем, они-то нагрянули, не заставив прождать и года.

Из АМН пришло сухое официальное уведомление, убившее профессора: сообщалось, что его кандидатура на член-корреспондентство не поддержана и далее: всякие исследования пресловутой НДМ-болезни прекращаются. Сюда входили запреты: участие в замороженном международном комитете, издание распущенного уже ежеквартальника... Затем огорчения сыпались с интервалом в одну-две недели: рукопись трехтомного труда вернули даже без рецензии, посыпались одна за другой в больших конвертах отвергнутые статьи из медицинских журналов и сборников трудов. Для подчеркнуто вящего унижения их присылали даже не в заказных, а в простых малоохранных бандеролях. В конце концов очумевшего профессора вызвали в облздравотдел, где к этому часу уже сидел контролер из управления медвузами Минздрава, и вежливо спросили о его согласии оставить университетскую клинику и перейти зав. отделением в медсанчасть шлакоблочного завода. Впрочем, как пояснили ему, заведывание кафедрой на медфаке пока остается за ним. Но профессор нутром чуял: только до ожидавшегося в следующем году планового конкурса на замещение, поскольку под его крылом подрос уже молодой профессор Вятичкин, недавно опубликовавший большой обзор на модную тему: по методикам алкогольной трудотерапии.

Началось даже какое-то кляузное дело (в стачке жилорганов и администрации университета) о выселении профессора в прежнюю квартиру. Но тут лев вспылил, тряхнул где следует заслугами, степенями, и квартиру ему оставили. Правда, пришлось прописать двухлетнюю внучку. Не стоит и говорить, что в связи с перепрофилированием клиники на наркологию уволили по сокращению Людмилу Сергеевну. Впрочем, она так и осталась преданной подругой, скрашивала по мере возможностей тихую моральную старость профессора, чем доказала извечную женскую верность.

Так вместе с Николаем Даниловичем и с учреждением сгинули блеснувшие было издалека надежды бородатого профессора.

Лишь через год профессор, оставшийся из уважения к былым (до НДМ-эпидемии) заслугам хотя и не председателем, но полноправным членом областной санитарной комиссии (ее не упразднили после НДМ-краха, но переориентировали опять-таки на наркологический надзор), ознакомился в рабочем порядке с результатами работ приезжавших специалистов.

Дело было в следующем. Как показали итоги скоординированных исследований геологов, биологов и химиков, обработанные в вычислительном центре АМН, а также в ряде других специализированных промышленных учреждений, можно было с полной уверенностью дать однозначное объяснение НДМфеномена. В грунтовые воды, имеющие естественный дренажный выход на поверхность как раз в районе бывшего учреждения, части территории завода и их ближайших, к счастью, занятых дорогами и тротуарами, окрестностей, в течение последнего десятилетия намывало некую вредоносную соль, которая при уменьшении давления вблизи поверхности давала сильное газообразование психотропного воздействия на человека. Сходные по химии и биологии воздейст-

вия газы иногда выделяются со дна некоторых африканских озер, где совсем недавно наблюдался случай массового выброса с последовавшей от того гибелью более чем двух тысяч человек. Соли эти, с растворенными в них под сильным давлением газами, остались в глубинных магматических слоях с древнейших геологических эпох, предшествовавших зарождению жизни на Земле, а имеющие место выходы их на поверхность связаны с тектоническими перемещениями. Как показали геологические проработки и моделирование процессов в этой части Средне-Русской возвышенности, имевшее в данном случае место перемещение глубинных слоев было вызвано отголосками Кишиневского землетрясения 19... года. Ядовитые эти газы, кроме всего прочего, воздействовали на любой предмет из органики, живой или мертвой, удаляя из нее связку (воду, смолы и т.п.), создавая тем самым эффект своего рода сухого тления, рассыхания.

Видно, грунтовые воды и ранее выносили газоносные соли после тектонических перемещений, правда, в очень малых количествах: время от времени газы «прорывались». В городских архивах отыскали описание случая стодвадцатилетней давности, когда на месте еще непостроенной женской гимназии располагалась канцелярия градоначальника и один пожилой коллежский секретарь «прирос к стулу»! Как это случилось намного позже с нашим Николаем Даниловичем.

Прорыв, вызванный Кишиневским землетрясением, был, очевидно, наиболее мощным за всю историю города. Соли постепенно вымывались к поверхности, в течение нескольких лет слабо газоносили. Временами газ скапливался в пустотах, вырывался клубами. Последний такой клуб, особо мощный, поразил все учреждение. Здание же трухлявело постепенно.

— Впрочем, надо отдать должное профессору К.,— заметил председатель комиссии, оглашавший документ,— кстати, примите наши поздравления с переизбранием вас на должность зав. кафедрой!— он четко и правильно истолковал патологию отравления: психо-

физиологический эффект «прирастания», сверхчувствительность кожи, боязнь потерять контакт с предметами на нервных окончаниях ягодицы, пяток и локтей. («Все-таки весы справедливости заколебались в нужную сторону, хоть что-то признали!— подумал довольный профессор, теребя поседевшую бородку.— А подлеца Вятичкина правильно турнули в пединститут на начальное санобразование: не будет пьянствовать в «Ручейке», да еще со старшекурсницами!»)

При медленном, длившемся годами истечении газов все служащие были хоть чем-то, но защищены так что их отравление произошло только при активном заключительном выбросе. Под тем же стулом, на котором сидел М., имела тупиковый выход на балку перекрытия второго этажа старая чугунная труба, уходившая опорным концом в землю. На первом этаже она была обделана под поддерживающую потолок колонну. А по пустотелой трубе поток паров или газов беспрепятственно поднимался вверх, проникал через межэтажное перекрытие и... находил свою первую жертву.

Валентинов же на свою погибель «открыл» собственную аллею (истинно: собственность губит людей!) и также в короткий срок был поражен.

В замечательный вечер, в пятницу, весной, Василий Алексеевич помылся в собственной баньке, чуток посмотрел телевизор, лег спать. А с утра, не менее замечательного, он метался по всему городу. Интересовали его магазины с общедоступным и лаконичным названием «Водка». Увы, всюду висели замки. «Посевная!» — комментировали задумчивые пенсионеры, скорее по привычке останавливаясь у знакомых дверей. Гдето в трамвае Василий Алексеевич подцепил слух, что единственный на город магазин, да и то на один сегодняшний день, открыт в поселке мыловаренного завода. С тремя пересадками он добрался и издали увидел волнующуюся, волнами океана переливающуюся толпу в несколько тысяч человек. На двери еще висел замок, начало очереди выравнивала рота милиции. Первым в строю покупателей стоял на крылечке слегка

известный слесарю восьмидесятилетний пенсионер Пахомов, живший на другом конце города. Упершись в косяк двери, он читал свежую местную газету; во всю ширину полосы жирнела заинтересовавшая его заголовочная надпись: «Приходите к нам лечиться!».

- Это куда же приходить?— поинтересовался скучающий молодой сержант.
 - В ЛТП,— Пахомов отвернулся от мешавшего.
- Вот ты бы, дед, и бросил на старости лет это занятие?!

Пахомов задумчиво оглядел румяное лицо сержанта, его лаковый козырек, хромовые сапожки с косым срезом.

— Нам уже некогда, так что вы за нас... давайте!

Василий Алексеевич приветственно махнул рукой Пахомову через частокол красных фуражек, сплюнул, пошел на остановку автобуса.

Через час с небольшим он вошел в дверь недавно справившей, в связи с рождением пятого ребенка, новоселье в четырехкомнатной квартире жилища семьи Валентины Тихоновны. В углу гостиной дичился принесенный вахтером Дмитричем в полиэтиленовом мешке кот.

- Ты чего же это запаздываешь?
- Да вот... хотел бутылочку-другую взять, да...
- Бросай дурить, Алексеич! Садись. И так хорошо. Ну что же — помолчим.

В этот момент в незапертую, ввиду обилия постоянно выбегающих на улицу и вбегающих в квартиру детей, дверь вошел, по-соседски в майке и спортивных шароварах, живший тремя этажами выше наш давний знакомец — откачанный пациент из клиники, по нынешней кличке Пять Пшиков.

- Валь! Где мужик-то твой? А-а, ты здесь, Алексей Никола́в, дай-ка дрель на часок, дырку в кастрюле просверлить под... А что это вы тут?
 - Поминки.
- Во-от оно что, ну, извиняйте. Тогда попозже зайду.

Василий Алексеевич почувствовал волнение, в горле пересохло от нахлынувших воспоминаний, взял бутылку с «Исинди», налил в стакан.

- Может, пепси хотите? Нет. Эта лучше: от нее отрыжка, как от «Горного дубняка».

Василий Алексеевич, сняв кепку, молча стоял в субботний вечер перед запертыми проходными завода со стороны кузнечно-прессового цеха. Был он серьезен, тих. Изредка слеза прокатывалась по морщинистой щеке со въевшейся навек металлической пылью.

Тула — 1978, Велегож – 1986, Тула – 2012

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	
Кредит	8
ŶACTЬ 1. От ужаса к покою	
ЧАСТЬ 2. От покоя к привычке ЧАСТЬ 3. Разлад?	
ЧАСТЬ 5. Эпидемия	318
ЧАСТЬ 6 Расследование и оптимизм	37

Библиотека журнала «Приокские зори»

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Независимое литературное агенство «Московский Парнас»

ЯШИН Алексей Афанасьевич

ВИДЕНИЕ НА ПАТМОСЕ

Роман-предвидение в 6-и частях

Компьютерный набор, верстка и изготовление оригинал-макета: Я. Н. Шафран Редактирование и корректура: В. В. Резцов, Я. Н. Шафран, А. А. Яшин Художественное оформление: А. А. Яшин

Издатель — Независимое литературное агентство «Московский Парнас» 123995, Москва, Поварская ул., 52, комн. 24, тел. 8-495-691-63-41

Подписано в печать 31.01.2012 г. Формат 84x108/32. Печ.л. 15,25. Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. 3aka3 Ne...

Отпечатано с готового оригинал-макета в издательстве Тульского государственного университета. 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92